

25 лет Юридическому институту НИУ «БелГУ»

**ПРАВО И ГОСУДАРСТВО В
СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ,
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

**Посвящается памяти
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора
Мальцева Геннадия Васильевича**

Белгород, 2018

ББК 67+66.02
УДК 342
П 68

Ответственный редактор –
профессор Мархгейм М.В.

П 68 Право и государство в современном мире: состояние, проблемы, тенденции развития : Материалы международной научно-теоретической конференции – V Международные «Мальцевские чтения» – памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Белгород, 28 апреля 2018 г.). – Белгород, ООО «ГиК», 2018. 210 с.

ISBN 978-5-6040331-9-7

В данном издании систематизированы статьи участников V Международной научно-теоретической конференции («Мальцевские чтения»), ежегодно проводимой в апреле в знак уважения и памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича.

Необычность формата Мальцевских чтений выражается в том, что проводятся они на двух площадках в Белгороде (Юридический институт НИУ «БелГУ») и Москве (юридический факультет имени М.М. Сперанского РАНХиГС при Президенте Российской Федерации). Инициаторами выступили соответственно кафедра конституционного и муниципального права (ныне кафедра конституционного и международного права), профессором которой на протяжении ряда лет работал Г.В. Мальцев, и кафедра теории государства и права имени Г.В. Мальцева.

Материалы адресованы научным и практическим работникам, аспирантам, магистрантам, студентам, а также всем, кто теоретическими и практическими проблемами юриспруденции.

ISBN 978-5-6040331-9-7

ISBN 978-5-6040331-9-7

СОДЕРЖАНИЕ

Полухин О.Н.	ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО	7
Тонков Е.Е.	ГОСУДАРСТВО СОЗИДАЮЩЕЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВА КОРПОРАТИВНОМУ УСТРОЙСТВУ ОБЩЕСТВА	8
Борисов Г.А. Кутько В.В.	К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ И СИНЕРГЕТИЧЕСКОМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ В ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	19
Беляев В.П. Чапчиков С.Ю.	К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	23
Беляева Г.С. Умарова А.А.	К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ	27
Бутько Л.В. Лепешкина О.В.	ИНТЕГРАТИВНОСТЬ КРИТЕРИЕВ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРАВА	31
Куксин И.Н.	ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПОМОЩНИК ИЛИ КОНКУРЕНТ ЧЕЛОВЕКА?	38
Мархгейм М.В.	ЭКСПЕРИМЕНТ: ГОРИЗОНТЫ ПРАВОСООБРАЗНОСТИ	45
Плоцкая О.А.	ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОМИ-ЗЫРЯН И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПОЗИТИВНОЕ ПРАВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ II пол. XVIII - I пол. XIX вв.	49
Сафронова Е.В. Новиков О.А. Сафронов Н.А.	ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ПРАВОСЛАВНОЙ ДОКТРИНЕ	54
Агаджанян А.В.	К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	71
Загайнова Г.Г.	СВОБОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА КАК ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ	74
Лукьянченко В.В.	ПРАВОСУДИЕ В КОНТЕКСТЕ КОНКУРЕНЦИИ «ТРАДИЦИОННЫХ» И «ЦИФРОВЫХ» СУДЕЙ	76

Макогон Б.В.	ПРОЦЕССУАЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ГЕНЕЗИСЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ	79
Минасян А.А.	ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ И КОНТРОЛЬНАЯ СФЕРЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАЛАТ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИИ	83
Никонова Л.И. Бондарева А.В.	ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ	89
Нифанов А.Н.	ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА	94
Новикова А.Е.	ДОСТОЙНЫЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР МИНИМИЗАЦИИ ПРАВООЩИТНЫХ РИСКОВ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ	97
Тресков А.П.	РОЛЬ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ТРАКТОВКЕ ПРИНЦИПА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ ТОЛЬКО СУДОМ	103
Амельчаков О.И.	О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	106
Гелуненко В.В.	СВОБОДА СЛОВА В КОНСТИТУЦИОННЫХ КОНТЕКСТАХ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН	112
Каторгина Н.П.	ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ СПЕЦИАЛИСТОМ В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	117
Корнюшкин А.В.	ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРИНЦИПОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ	123
Кунейко А.Н.	К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ НАУКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТОРГОВОГО ПРАВА (1804–1821 гг.)	126

Лебедь А.В.	ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ РЕБЕНКА-ИНВАЛИДА В РОССИИ	132
Насандратра Л.	СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ	136
Пасенов А.Н.	МЕХАНИЗМ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	140
Суходольский Г.М.	ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ПОЗИЦИЙ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРОВАНИЕ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ОРГАНОВ)	146
Сушков П.А.	ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИЯХ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН	153
Чаплицкий Ф.Ф.	ПРИСЯГА ГРАЖДАНИНА ГОСУДАРСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ	157
Чистюхина М.В.	ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	160
Айрапетян Г.А.	ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА	165
Алехина А.А.	О ПРЕДЕЛАХ МОРАЛЬНОГО И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	168
Апатенко Д.В.	ИНТЕРНЕТ-ГОЛОСОВАНИЕ: ДИСКУССИЯ ВОКРУГ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ	171
Бурцева М.А.	ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И ВОПРОС ЕЕ ПРАВОМЕРНОСТИ	175
Воловичева А.В.	СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕДУРЫ ПАРЛАМЕНТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ	178
Кипаренко А.Ю.	ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	184
Мантулина Д.О.	ПАРЛАМЕНТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАЛАТ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	189

Рыжова А.А.	БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ ПРИ ФОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ	192
Смирнов И.О.	ПРАВОПОНИМАНИЕ: ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ДОКТРИНУ ПРАВА	196
Хмелевская И.Г.	СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ	198
Шарутенко А.В.	ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	202
Шляхова В.А.	ПРАВО И МОРАЛЬ: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ	206

Полухин Олег Николаевич
Ректор Белгородского государственного
национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»)
доктор политических наук, профессор
(Белгород)

Уважаемые участники конференции – V «Мальцевских чтений»!

Конференции в память об «ушедших ученых» – востребованная возможность выразить уважение не только к их научному творчеству, но и личности – Человека, Коллеги, Учителя, Друга. Такие конференции выступают индикаторами научной нравственности, способом объединения научного сообщества на фундаменте идей, автор которых уже не может внести дополнительные аргументы в их пользу – мы с признательностью продолжаем делать это.

Сегодняшний международный научно-теоретический форум, задуманный как ежегодный, под общим названием «Мальцевские чтения» – дань уважения выдающемуся ученому – члену-корреспонденту РАН, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору Мальцеву Геннадию Васильевичу.

Геннадий Васильевич Мальцев был первым профессором НИУ «БелГУ» в статусе члена-корреспондента Российской академии наук, представлявшим гуманитарные науки, а именно юриспруденцию. Поэтому закономерно, что одной из научных площадок «Мальцевских чтений» традиционно выступает Юридический институт НИУ «БелГУ».

Считаю, что инициаторы «Мальцевских чтений» – Юридический факультет имени М.М. Сперанского РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, где Г.В. Мальцев возглавлял кафедру государственного строительства и права (ныне кафедра носит его имя) и Юридический институт НИУ «БелГУ» – сделали своего рода организационный прорыв: одно и то же мероприятие ежегодно проводится на двух научных площадках – в Москве и в Белгороде.

Хотелось бы обратить внимание участников конференции на то, что помимо научной ценности данное мероприятие несет в себе глубокий воспитательный смысл, касающийся преемственности поколений. В конференции принимают участие не только ученые, но и стремящиеся ими стать аспиранты и студенты. Именно такой подход способствует реализации жизненной позиции профессора Г.В. Мальцева – «Главное, – чтобы идея жила!».

Желаю всем плодотворной, интересной, содержательной работы в деле выработки новых подходов в диалектическом развитии политики, власти и права!

Тонков Евгений Евгеньевич
директор Юридического института НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
заслуженный юрист Российской Федерации
(Белгород)

ГОСУДАРСТВО СОЗИДАЮЩЕЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВА КОРПОРАТИВНОМУ УСТРОЙСТВУ ОБЩЕСТВА

Напряженная социально-политическая ситуация начала XXI века влияет на изменение самих форм правового регулирования общественных отношений, в том числе и тех, которые складываются в сфере осуществления государственной власти и управления. Осуществляя воздействие на социальную среду путем формирования соответствующих правовых норм, действующая власть в лице государства исходит из собственных интересов и потребностей. Юридические формы деятельности государства получают при этом импульс к своему дальнейшему развитию и совершенствованию в результате столкновения и борьбы интересов различных носителей властных полномочий. Служебная роль государства как ведущего субъекта управления обществом не только сохраняется, но и значительно усиливается, не способствуя дальнейшему развитию демократизации, становления институтов частной собственности, местного самоуправления и других форм общественной и частной самодеятельности.

Высшая компетентность государства всегда состояла и состоит в осознании границ своих полномочий в правовом пространстве, той или иной степени влияния на общество на уровне стабильных партнерских отношений между населением и органами государственной власти. Федеральное и региональное вмешательство в деятельность органов местного самоуправления муниципальных образований допустимо лишь в тех случаях, когда они не справляются с исполнением переданных им государственных полномочий и не могут обеспечить эффективное осуществление антикризисных мероприятий.

Как отмечал выдающийся российский правовед, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, профессор Геннадий Васильевич Мальцев, подлинное назначение государства заключается в том, чтобы «лучше и дольше поддерживать в эффективном режиме действующий

порядок и организацию общества, сохранять в равновесном состоянии социальную систему»¹.

Пространство государственной власти – это «сфера, где принимаются управленческие решения и осуществляется непосредственное руководство государством»². Она использует в качестве своих важнейших инструментов правовое регулирование и возможность легального и легитимного принуждения. Н.М. Коркунов определял государственную власть как «силу, обусловленную сознанием гражданами их зависимости от государства, в результате которой граждане подчиняются велениям отдельных лиц, признаваемых органами государственной власти»³. И.А. Ильин считал государственную власть волевой силой, однако подчеркивал при этом, что «меч» отнюдь не выражает сущность государственной власти; он есть лишь крайнее и болезненное ее средство; он составляет ее последнее слово и слабейшую из ее опор»⁴.

Имевшаяся в арсенале социалистического права теория правового регулирования по вполне понятным причинам не в состоянии достоверно и аргументированно объяснить происходящие перемены в политической и правовой системе России. Нашу страну подстерегает опасность трансформации в корпоративное государство, в котором фактически нет гражданского общества, а все его декорации находятся под жестким государственным контролем – профессиональные и творческие союзы, некоммерческие и религиозные организации. При такой расстановке сил по-настоящему социальное государство функционировать не может.

К сожалению, как справедливо отмечает Н.А. Власенко, «государственная власть мало интересуется результатами исследований правовой науки»⁵.

Кроме того, по мнению Н.И. Матузова, законодательство России заметно отстает от быстротекущих общественных процессов, остается крайне пробельным и несовершенным. В общем законодательном массиве одновременно действуют акты разного уровня и значения, юридической силы, социальной направленности⁶.

В этих условиях противостоять угрозе корпоративного государства может только государство созидающее. Используя авторитет и силу

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 102.

² Андреев Д., Бордюгов Г. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. М.: СПб, 2004. С. 7.

³ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб, 2004. С. 300.

⁴ Ильин И.А. Теория права и государства. М., 2003. С. 288–289.

⁵ Н.А. Власенко. Избранное. М.: НОРМА, 2015. С. 321.

⁶ См.: Матузов Н.И. Право и политика в их взаимодействии // Российская правовая политика. М., 2003. С.203–204.

публичной власти, административный ресурс аппарата, государство созидающее может выполнить роль мощного активатора общественной жизни, организовать эффективное управление обществом, обеспечить реализацию социальных обязательств, создание стимулов для развития частного сектора и повышения деловой активности. Формирование государственной политики без учета интересов и потребностей населения, управленческого потенциала государственного аппарата, характера развития отношений в обществе, в корпоративном государстве сводит управление на уровень манипулирования сознанием и межличностными отношениями, может инициировать возврат к командно-административной системе.

В свою очередь, познание сущности ценностей государства созидающего помогает раскрыть их взаимосвязь с другими категориями реальности, причем важное место занимает процесс осознания того, какова при этом иерархия жизненных и профессиональных ценностей, каков механизм их влияния на процесс формирования гражданского общества. Общественные ценности утверждаются в жизни не спонтанно, а зависят от социально-экономических и политических отношений в государстве. Совокупность ценностей государства созидающего носит целостный характер и представляет собой познавательную-действующую систему. Кроме того, ценности объективны и формируются исторически в ходе развития общества, фиксируются в науке как в форме общественного сознания в виде специфических образов и представлений, находящих отражение в идеях и концепциях¹.

Участвуя в процессе управления государством, общество овладевает ценностями, то есть фактически «субъективирует» их. При этом уровень субъективации ценностей рассматривается как индикатор готовности общества к восприятию и участию в осуществлении правоуправленческой формы государственной деятельности. Н.В. Варламова справедливо обращает внимание на «неюридичность» любой социальной ценности, так как «ценность в своем деятельностном аспекте, т. е. функционирующая в качестве ориентира для деятельности, обладает весьма ограниченным и своеобразным регулятивным потенциалом»².

Ценности не определяют нормы, конкретные параметры и стандарты желаемого государством поведения граждан, а только задают общую направленность деятельности. Ценность фактически санкционирует тот или

¹ См.: Государство созидающее: юридическая модель и современные риски: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С.175-176.

² Варламова Н.В. Права человека как предмет юридической интерпретации // Государство и право. 2009. № 2. С. 27.

иной вид деятельности, направленной на достижение определенного результата. Уровень субъективации определяется развитостью общества, самосознанием граждан, их внутренней социальной позицией. Зависимость уровня субъективации от состояния общества обусловлена тем, что установление ценности общественного явления осуществляется в процессе его оценки гражданами. Функции государства созидającego принадлежат именно ему и только ему. От них оно не вправе отказаться, но обязано осуществить во имя достижения поставленной цели.

Кроме государства никто в обществе данные функции исполнять либо не должен, либо не способен, либо ему этого делать нельзя, запрещено, недопустимо ни при каких условиях, а также те дела (часть дел), в которых государственное участие предусмотрено законом, договором, вытекает из его социального назначения либо обусловлено потребностями жизни общества¹.

Всё другое, не включенное в функционал государства, не может называться его функцией, так как это именно та деятельность, без которой государство на данном этапе политико-правовой модернизации, как и на всём протяжении своего исторического развития, обойтись не может. Государство и общество рассматриваются нами как равноправные партнеры и, следовательно, как участники диспозитивных правоотношений. Фактически каждая отрасль права использует оба метода (императивный и диспозитивный), то есть всегда, как замечает С.П. Маврин, «имеет место их сочетание, которое, правда, характеризуется преобладанием императивных или диспозитивных начал, обусловленных природой регулируемых отношений»².

Содержание феномена свободы личности нельзя раскрыть на основе только объективного материального бытия, так как действительный смысл свободы обнаруживается в диалектике объективного и субъективного. Объективное содержание свободы обуславливается как отношением управляющего субъекта к объекту, так и всей совокупностью управленческих взаимодействий. Субъективный момент в содержании свободы характеризуется тем, что отражение является в данном случае свойством объекта, выступающего одновременно в качестве субъекта самопознания и саморазвития. Именно субъективный момент, включая в себя познанную необходимость, становится предпосылкой социально-правовой активности.

Нас же, в первую очередь, привлекает не только превентивный характер правовых ограничений, но и возможность с помощью метода правового

¹ См.: Затонский В.А. Эффективная государственность. М., 2006. С. 11.

² Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. 2003. № 1. С. 208.

регулирующая стимулировать социально-правовую активность населения в целях повышения эффективности государственной деятельности. В результате правовые ограничения занимают подчиненное положение, выступая, как верно заметил Н.Н. Семенюта, в качестве вспомогательной формы воздействия права¹.

В государстве созидаем роль социальных и правовых норм не сводится к созданию ограничений для личности, но рассматривается в качестве фактора, определяющего поведение индивидуума в жизненно-важных ситуациях и регулирующего отношения людей для достижения максимально возможного уровня свободы каждого из нас.

При всем многообразии и при всей разнохарактерности отношений между правовыми ограничениями и правовыми возможностями в созидаемом государстве общим основанием для них является диалектическое противоречие, представляющее собой универсальную онтологическую структуру, присутствующую во всех сферах бытия.

Для корректной в научном смысле трактовки данного вопроса следует четко понимать философское значение категорий «форма» «содержание» и «деятельность». Задачи и функции государственной деятельности реализуются в конкретных действиях органов и должностных лиц, ее осуществляющих. Эти действия находят внешнее выражение в определенных формах государственной деятельности. Следовательно, форма есть объективированное выражение сущности деятельности органов и должностных лиц, которые осуществляют государственную деятельность. Так как посредством форм практически реализуются задачи и функции государства, то от использования тех или иных форм в значительной мере зависит успех государственной деятельности. Формы призваны обеспечивать наиболее целесообразное выполнение функций государства.

Многообразие задач и функций государства обуславливает существование различных форм государственной деятельности, которые предусматриваются законами и иными правовыми актами.

Не случайно видный российский правовед С.С. Алексеев отмечал, что «сложившиеся правовые формы являются средствами, инструментами... оптимального решения социальных задач»².

Созидательная деятельность государства является одновременно насущной потребностью и содержательной характеристикой всей правовой системы общества. В конце XX века мы наблюдали разрушение монополии

¹ Семенюта Н.Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 8.

² Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 351.

государственной собственности и сопровождение этого процессом полулегальной приватизации, ухудшение общего экономического положения страны, в результате чего произошло снижение уровня жизни значительной части населения. Сегодня осуществляется перераспределение прав собственности при очевидном государственном вмешательстве в этот процесс.

Вопрос о характере взаимоотношений государства и гражданского общества в России приобретает в последнее время ключевое значение, что объясняется осложнением отношений с Западом и неизбежными в связи с этим трансформациями во внутренней политике. Рассуждая о генезисе диалога между государством и гражданским обществом на протяжении последних двадцати лет, следует подчеркнуть, что причинами очевидного рассогласования стали обстоятельства как объективного, так и субъективного порядка.

Вероятно, к объективным причинам можно отнести самые различные факторы, начиная от внешнеполитической ситуации и заканчивая конкретными условиями жизни индивидуума, ощущающего все большее давление государственного пресса. Не секрет, что в число субъективных причин входят и индивидуально-психологические особенности граждан, и их взаимоотношения, в том числе, актуальное состояние психики отдельных лиц, пытающихся добиться справедливости, которую каждый из нас понимает по-своему.

По точному замечанию недавно ушедшего из жизни Ю.Е. Аврутина (а Юрий Ефремович всегда был предельно точен в формулировках), «юридическая гарантированность субъективных прав отнюдь не всегда означает их практическую реализацию»¹. Более того, почти всегда это обусловлено не отказом гражданина от реализации своего законного интереса, но бездействием (если не активным противодействием) органов власти. В подобных случаях, достаточно распространенных на всей территории России, партнерство государства и населения, подразумевающее конструктивный диалог и эффективное сотрудничество, замещается конфликтной ситуацией.

Способы осуществления отдельных видов государственной деятельности выражают не структурные, а функциональные различия между государственными органами. Хотя проблема совершенствования государственной деятельности имеет специальный характер, но ее разрешение, тем более, в условиях кризиса, требует выхода на

¹ Аврутин Ю.Е. Процессуально-правовые формы обеспечения консенсуса в сфере публичного управления // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 103.

общеметодологический уровень научного ее освоения для выработки общей концепции системы государственного управления и ее правовых компонентов.

Это может стать некоторой гарантией того, чтобы право в случае политической целесообразности не сочеталось с произволом, как бывало неоднократно в нашей истории. Ведь, по мнению Ф. Ницше, которое, не прочь поддержать некоторые современные политики, «произвольное право необходимо... у всех у нас нет уже традиционного правового чувства, поэтому мы должны помириться с произвольными правами, которые суть выражения необходимости права вообще»¹.

Политика в отличие от формальной определенности права рассматривается как сфера фактических взаимоотношений и взаимодействий личности, социальных общностей, политических институтов, создающая структуры, нормы, отношения, политическую среду, в пределах которых определяются стратегия и тактика развития общества и государства. Мы вполне разделяем позицию английского юриста М. Шоу, который считает, что «право и политика не должны разделяться. Они пребывают в постоянном тесном взаимодействии. Ни одна из них не может принизить значение другой»².

Политика «материализуется» в нормативном компоненте в системе государственных институтов и форм, но и, разумеется, политических, экономических, социальных и других структурах, участвующих в процессе управления государством. При этом мы не склонны преувеличивать возможности государственной деятельности. Она в цивилизованном государстве в любом случае формируется и осуществляется в рамках и под влиянием абсолютных общечеловеческих ценностей (свободы, равенства, справедливости), т.е. в пределах и границах правового контекста этих ценностей, а также соответствующих им других институтов и форм.

Избыточная политизация различных сторон жизни деструктурирует, дестабилизирует общество. Для государства и права это особенно опасно. Исторический опыт убедительно демонстрирует, что сравнительно легкое манипулирование основами государственности в угоду политическим амбициям и узкоэгоистическим интересам, в конечном счете, неизменно оборачивается болезненным и длительным возвращением к общецивилизованным началам, стабильности и равновесию в жизни общества и государства. Поэтому для политики исходными являются фактор преемственности и юридические пределы, основанные на принципах

¹ Ницше Ф. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 431.

² Shaw M.N. International Law. Third Edition. Cambridge, 1991. P. 57.

гражданского общества, жизнь которого не существует вне государства. Однако при все более активной диффузии органов государственной власти в российские общественные структуры становится фактически иллюзорной граница, разделяющая государство и общество. В результате мифологический облик обретает и само гражданское общество.

Вопреки этому, процесс формирования государства созидającego инициирует предпосылки для новых отношений, преодоления кризиса и стабилизации экономического положения. Трансформация природы отношений собственности неизбежно влечет за собой видоизменение отношений правового регулирования. Государственная деятельность в условиях реальной демократии и рыночной экономики европейского типа не может осуществляться в характерных для автократии юридических формах и пределах.

Поэтому одной из задач созидającego государства является адаптация политической, социально-экономической и правовой систем к новой ситуации. Совершенствование государственной деятельности должно придать необходимый динамизм и результативность действиям органов власти по преодолению кризиса, стать одним из определяющих факторов развития демократии, становления гражданского общества, построения правового государства.

Решающее значение имеет переосмысление фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права. Устаревшие идеологические стереотипы до настоящего времени превалируют в общественном правосознании, что не способствует современному пониманию юридических форм государственной деятельности как способа обеспечения приоритета прав человека в сфере публичной власти. Хотя активных дискуссий по этой проблеме в научных кругах сегодня практически нет, единое мнение так и не сложилось, что дает нам основания на собственное представление о ней. Особое значение имеют новые подходы к оценке и формированию государственной деятельности. В любом государстве, как и в любой науке, должен существовать ведущий методологический подход, национальная идея, которая сегодня в России утрачена.

С.С. Алексеева беспокоила мысль о том, в России происходит «суровое явление – это крушение права в его общецивилизационном, высоком значении. И это должно быть большой тревогой для общества. Потому что

крушение права означает, что общество теряет одну из важнейших ценностей цивилизации, которая может вывести его на новые ступени прогресса»¹.

На этом печальном фоне приходится с сожалением констатировать неэффективность современной государственной деятельности. Попытки политического руководства страны начать активную работу по ее совершенствованию успешно блокируются бизнес-бюрократией, узурпировавшей власть в ряде регионов и федеральных ведомств России.

Национальный план противодействия коррупции породил великое множество других планов, программ, мероприятий, разработанных на всех уровнях государственного и муниципального управления, которые невольно могут «утопить» хорошую в общем-то идею в ворохе антикоррупционной отчетности. Очевидно, что государство не справляется с возложенными на него функциями в правоприменительной сфере, а его контрольно-надзорная деятельность также не отвечает философии декларируемых реформ.

Поэтому переход от государства развивающегося к государству созидающему должен осуществляться координированно, на основе единой концепции, с учетом их взаимозависимости, хотя они отличаются друг от друга содержанием выполняемых задач и, соответственно, характером действий, способов, методов, средств их решения, а также направленностью юридических процедур и последовательностью их использования.

Неблагоприятный общий прогноз экономической ситуации может существенно усугубиться прогрессирующими негативными процессами. Вместе с тем механизм правового регулирования предполагает во всех государственных органах определенную логическую структуру, алгоритм действий, их цикличность, функциональную взаимосвязь с иными публичными субъектами разных ветвей и уровней власти, нацеленность на эффективное выполнение поставленных задач. Достижению такого результата должны быть подчинены усилия всех составных элементов механизма правового регулирования.

Результатом анализа существующих подходов к оценке соотношения политики и права становится понимание того, что до настоящего времени в научной среде не сложилось однозначное представление о методологии исследования проблемы. Изменившиеся экономические, политические и социокультурные условия неизбежно обуславливают перенос акцентов с интересов общества на интересы личности. Это существенно влияет на саму

¹ Алексеев С.С. Право – одно из самых высоких достижений человеческой цивилизации // Закон. 2009. № 7. С. 16.

парадигму управления обществом, инициируя трансформацию его целей, содержания, технологии, активизирует инновационные процессы, которые требуют осмысления и обоснования на теоретико-методологическом уровне.

Распространению кризисных явлений способствовало и то, что российское общество достаточно долго не осознавало всех масштабов опасности, которую несет расширение неконтролируемого рыночного пространства. Общественное мнение в отношении значимости государственного управления, укрепления так называемой «вертикали власти» формируется с помощью ангажированных средств массовой информации в искаженном виде. Выступления политиков, руководителей органов законодательной и исполнительной властей, ученых, представителей творческой интеллигенции, в которых представлена вызывающая тревогу объективная картина развития кризисной ситуации в стране, обращает внимание на необходимость принятия экстренных мер по развитию гражданского общества, не смогли своевременно консолидировать общество для эффективного решения возникших проблем.

Созидающее, сильное государство, соответствующее современному характеру и структуре общества, должно располагать не менее эффективной методологией и реальным инструментарием, позволяющими осуществлять надежное противостояние возникающим угрозам. В России законодателем созданы необходимые фундаментальные основы для реализации демократических правовых принципов. Теперь необходимо сформулировать четкую концепцию природы и содержания созидательной деятельности государства в современных условиях с выходом на практические рекомендации правового регулирования соответствующего спектра проблем.

Государственно-правовая действительность в российском обществе нередко упрощается искусственно, однако количество правовых проблем в социуме не уменьшается. Имеющийся массив научной информации, к сожалению, не дает достаточного понимания общественных процессов и явлений. Кроме того, актуальность проведенного с нашим участием исследования¹, придающая ему теоретико-прикладную направленность, усиливается тем, что общество больше всего заинтересовано не только в объяснении причинно-следственных связей или прогнозе дальнейшего развития событий, а в обосновании приемлемого выхода из создавшегося положения.

¹ См.: Государство созидющее: юридическая модель и современные риски: монография / под ред. профессора О.Н. Полухина. М., 2016. 416 с.

Государству пока не удалось мобилизовать общество в интересах эффективной защиты от наметившегося противостояния с Западом. Организационно-штатные перемены в ряде федеральных ведомств и отдельных субъектах федерации, попытки минимизации коррупционных проявлений вовсе не означают действительного изменения ситуации. Социальные проблемы для большинства людей не только не разрешаются, но и нарастают. Для любого общества, независимо от степени его развития, характерны разногласия, которые затрагивают принципиальные стороны, проблемы жизнедеятельности государства.

Государство созидательное выводит общество на новый, более высокий и эффективный уровень развития, а при определенных условиях может выполнять интегративную функцию, способствовать сплочению населения, стимулировать наиболее эффективный выход из проблемной ситуации, концентрировать потенциал общественных формирований.

Не отрицая значимости совершенствования законодательства, мы считаем, что самые точные правовые нормы, как и самое обстоятельное правовое регулирование, не принесут успеха без эффективной государственной политики с участием институтов гражданского общества. Закон, выступая в виде правового символа власти, способен мобилизовать большей частью только государственные структуры, тогда как эффективное государственное управление является общественным и политическим делом. Традиционная для нашей страны поддержка силовых структур и расширение практики репрессивных мер не могут служить адекватным ответом на опасность социально-экономического кризиса.

Государство созидательное призвано обеспечить стабильность и последующую модернизацию общества. Именно оно регулирует устремления общества в целом, но, кроме того, в его деятельности отражаются базовые ценности и ожидания граждан, составляющие органическую основу поддержания режима равновесия в государстве и реализации им в полной мере своей правозащитной функции.

Борисов Геннадий Александрович
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Юридический институт НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор
Кутько Виктория Васильевна
доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридический институт НИУ «БелГУ»
кандидат юридических наук
(Белгород)

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ И СИНЕРГЕТИЧЕСКОМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ В ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

«...Настораживает, однако, то, что юридические публикации по синергетической проблематике, пока еще немногочисленные, лишены критической рефлексии, исполнены преувеличенных надежд в отношении перспектив, которые открываются перед правом в связи с принятием методов синергетики»¹.

Процессы реформирования государственного механизма и правового регулирования в контексте действия общей тенденции процессуализации законодательства обуславливают повышение интереса ученых и юридической практики к целому ряду проблем общепроцессуальной теории, решение которых невозможно без их всестороннего теоретического осмысления.

Современные условия модернизации государственной деятельности и системы юридического регулирования социальных связей, проникновение демократических начал в плоскость многоплановых способов и форм самовыражения человека, раскрепощение его инициативы и способностей придает движению социальной реальности устойчивый и предсказуемый характер. Социальные процессы при этом нуждаются в соответствующем данной тенденции юридическом оформлении, т.е. фиксации их бытия, легитимации. Правовое оформление здесь во многом определяется тем, какие методологические основания закладываются в научно-исследовательский компонент развития правовой системы общества. Прежде всего, это относится к формированию понятийного строя, феноменологии той или иной системы.

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 99.

Как уже сложилось в юридической науке, поиск выхода из сложных ситуаций лежит в области методологии, в рассмотрении конкретных явлений государственно-правовой действительности под различными углами зрения.

В.М. Сырых справедливо отмечает, что сегодня в юридической науке существует ряд проблем, среди которых особо следует выделить следующие:

1) бывший пиетет к диалектико-материалистическому методу сменился его критикой. Предпочтение отдается такому методу, как синергетика;

2) предпринимаются самые различные пути рассмотрения права с идеалистических позиций, материалистическое понимание права, имевшее давние и стойкие позиции в российском правоведении, уступает пальму первенства идеалистическим трактовкам права;

3) абсолютизируется значение герменевтики в теоретическом познании права¹.

По нашему мнению, необходимо более детально рассмотреть указанные проблемы, проанализировать сущность наиболее распространенных методов познания, чтобы понять, удовлетворяют ли они потребностям современной юридической науки.

Следует согласиться с Павлушиной А.А., утверждающей, что в юридической науке наступил переходный период в связи с определением научной методологии. Его «переходность» заключается в том, что предыдущие юридические исследования осуществлялись на основе единого метода материалистической диалектики или диалектического материализма, а современная наука ставит несколько иные задачи, решение которых требует привлечения различных, порой диаметрально противоположных методов².

Кроме того, можно согласиться и с мнением А.Д. Машкова, который отмечает, что на современном этапе развития науки происходят серьезные, кардинальные изменения в методологической сфере юриспруденции, связанные со сменой господствующего направления исследований вне отраслевой привязки³.

Основная проблема заключается в том, что господствующим мнением считается, что «метод материалистической диалектики отвергается с ходу, целиком и по основаниям, не предусматривающим его последующую

¹ См.: Сырых В. М. Методология юридической науки: состояние, проблемы, основные направления дальнейшего развития // Сборник науч. тр. под ред. М.Н. Марченко. – Вып. 1 (2005). – М.: Юрист. – С. 16-17.

² Павлушина А.А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития: дис...д-ра юрид. наук. – Самара. 2005. – С. 79.

³ Машков А.Д. Соотношение диалектики и синергетики в контексте проблемы формирования современной юридической методологии // Философские проблемы гуманитарных наук (Сборник научных трудов). – К., 2011. – С. 12.

реабилитацию, а самое главное – без должного обоснования, без объективных аргументов и фактов»¹.

Многие авторы утверждают, что данный метод изжил себя и не может быть применен в современных условиях. Поскольку, во-первых, он безнадежно устарел, во-вторых, был приспособлен для исполнения воли господствующего класса в нашей стране².

Диалектику предлагается заменить синергетикой, которая позволит решить методологические проблемы, возникшие в юридической науке.

Однако и здесь не наблюдается единства во мнениях, поскольку мы сталкиваемся с различными мнениями ученых относительно определения рассматриваемого понятия.

Так, например, ряд ученых определяют синергетику как науку, изучающую возникновение, функционирование, устойчивость различного рода структур³.

Другие - как методологическое направление познания процесса перехода разрозненных неупорядоченных объектов и явлений в упорядоченную структуру⁴.

Если попытаться соотнести диалектику и синергетику в методологическом ключе, то следует обратить внимание на те методологические принципы, которые лежат в их основе.

Так в частности, диалектическими принципами являются принцип материальности и объективности мира, принцип отражения, принцип материального единства мира, принцип прогрессивного развития. Кроме того, немаловажную роль играют и три закона диалектики⁵.

Основными методологическим принципам синергетики являются принципы единства материального и духовного, нелинейности, спонтанности, необратимости, постоянного изменения и другие⁶.

Очевидно, что синергетика, не отрицает в целом значение методологических принципов диалектики, однако строится на несколько иных основаниях и принципах.

¹ Сырых В. М. Указ. соч. – С. 12.

² См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М.: Норма, 1998; Оксамытный В.В. Теория государства и права. – М., 2005.

³ Баширов Р.И. Синергетика или новый диалог человека с природой // Современные проблемы науки и образования. – 2008. - № 6. – С. 22.

⁴ Добронравова И.С. Синергетика: становление нелинейного мышления. – К., 1999. – С. 19.

⁵ Машков А.Д. Соотношение диалектики и синергетики в контексте проблемы формирования современной юридической методологии // Философские проблемы гуманитарных наук (Сборник научных трудов). – К., 2011. – С. 15.

⁶ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. - №2. – С. 49.

Аналогичной позиции придерживается Л. Д. Бевзенко, считающий, что противопоставление диалектики и синергетики неоправданно, поскольку некоторые диалектические принципы и законы вполне успешно используются синергетикой. Например, закон единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество и другие конкретизируются синергетикой и позволяют получить объективное знание об исследуемом объекте¹.

Кроме того, нельзя не отметить ошибочность отождествления диалектики с диалектическим материализмом. Методы, принципы и законы диалектики сформировались значительно раньше, чем возникла материалистическая диалектика.

На наш взгляд, прав А.И. Демидов, отмечающий, что сегодня метод диалектики по-прежнему играет большое значение для исследования правовых явлений².

Если воспринимать диалектику как науку о всеобщих законах движения и развития всякого явления, то данный методологический подход вполне применим к исследованию явлений и процессов государственно-правовой действительности.

А.А. Павлушина пришла к выводу, что «результатом анализа этапов становления теории юридического процесса является признание его диалектического пути развития»³.

Теория юридического процесса, в частности, шла по пути накопления количественных изменений в пользу принятия и признания единства процесса на основании проведенных отраслевых исследований.

Данное умозаключение справедливо не только по отношению к юридическому процессу, оно применимо ко всем юридическим исследованиям в целом.

С позиций диалектики очевидно то, что противоположности и их борьба присутствует и в правовой системе. Об этом свидетельствует присутствие в правовой системе парных категорий материального и процессуального права, частного и публичного и других.

Таким образом, можно прийти к выводу, что введение синергетических принципов и понятий в методологию отечественной юридической науки наряду с присутствием в ней диалектики вполне возможно, однако требует

¹ Бевзенко Л.Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. – К, 2007. – С. 32.

² Демидов, А.И. О методологической ситуации в правоведении [Текст] / А.И. Демидов // Правоведение. – 2001. - №4. – С. 16.

³ См.: Павлушина, А. А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития [Текст] / А. А. Павлушина: дис...д-ра юрид. наук. – Самара, 2005. - С. 56.

определенной осторожности и осмотрительности¹. Синергетика и диалектика должны, взаимодействуя, обеспечивать получение объективного, полного, непротиворечивого знания об исследуемом объекте, явлении или процессе.

Беляев Валерий Петрович

профессор кафедры теории и истории государства и права
Юго-Западный государственный университет
доктор юридических наук, профессор

Чапчиков Сергей Юрьевич

доцент кафедры теории и истории государства и права
Юго-Западного государственного университета
кандидат юридических наук
(Курск)

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«С идеей государственного суверенитета каждый народ воспринимает себя как некий геополитический центр, где формулируются национальные идеи и претензии, происходит постоянная оценка и переоценка статуса того или иного государства в неизменно иерархическом мировом сообществе»².

Изучение законодательства, регулирующего механизм обеспечения национальной безопасности современной России, свидетельствует о необходимости его совершенствования, а также принятия новых нормативно-правовых актов. Вот, что пишет по этому поводу О.С. Елфимова: «Анализируя действующее законодательство, можно обозначить следующие проблемы: фрагментарность существующей нормативной правовой базы; декларативность и противоречивость ряда положений, что снижает результативность их исполнения; отсутствие системообразующих, концептуальных законов прямого и непрямого действия в сфере обеспечения национальной безопасности; избыточность и многократное дублирование как юридических, так и нормативно-технических требований по вопросам

¹ Машков, А.Д. Соотношение диалектики и синергетики в контексте проблемы формирования современной юридической методологии [Текст] / А.Д. Машков // Философские проблемы гуманитарных наук (Сборник научных трудов). – К., 2011. – С. 17.

² Мальцев Г.В. Права человека в свете современных представлений о государственном суверенитете // Сборник трудов конференции: Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов М., 2009. С. 107.

обеспечения «частных безопасностей»; отсутствие механизма реализации общегосударственной политики обеспечения безопасности; отсутствие необходимой корреляции между деятельностью органов государственной власти и др.»¹.

Со своей стороны подчеркнем, что вопросы, связанные с обеспечением национальной безопасности, имеют жизненно важный характер². Это предопределяет необходимость надлежащего правового регулирования данной сферы общественных отношений, эффективное функционирование механизма осуществления органами государства соответствующих полномочий, устранение возникающих и имеющихся проблем (коллизии, четкость компетенции и т.д.).

Вот только один пример. В соответствии со статьей 12 Федерального закона «О безопасности» органы государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своей компетенции обеспечивают исполнение законодательства Российской Федерации в области обеспечения безопасности. В то же время, согласно пункту 3 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 года, деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации содействует (подчеркнуто нами – авт.) обеспечению национальной безопасности Российской Федерации.

Можно приводить и другие подобные примеры. Поэтому считаем, что количество существующих в данной сфере коллизий правового регулирования можно сократить за счет осуществления мониторинга законодательства и правоприменительной практики. Как известно, мониторинг представляет собой целостный механизм, включающий в себя анализ обстановки в области национальной безопасности (прежде всего, возникающих угроз), правовых актов и правоприменительной практики; выявление пробелов и коллизий правового регулирования, возникающих в данной сфере, и принятие мер по их устранению; прогнозирование развития правового регулирования данной сферы общественных отношений, в том числе в рамках разработки стратегических актов. В результате, как уже отмечалось, становится возможным устранить (сократить) коллизии правового регулирования в области национальной безопасности.

Рассматривая проблематику совершенствования механизма обеспечения национальной безопасности в преломлении к его

¹ Елфимова О.С. Национальная безопасность в теории и законодательстве России // Lex Russica. 2016. № 10. С. 18.

² Berranzher T. de La situation juridique de l'Union européenne: l'Union européenne comme une entité unique avec un système juridique unifié. Paris: Common market law review, 1999. P. 253.

законодательной основе, следует также сказать и о необходимости соблюдения так называемой терминологической чистоты в текстах соответствующих нормативно-правовых актов. Речь идет о научно-обоснованных, четких и недвусмысленных понятиях относительно национальной безопасности, таких, к примеру, как: «безопасность», «национальная безопасность», «личность», «общество», «государство», «угроза», «субъект безопасности», «объект безопасности», «виды безопасности», «угрозы безопасности», «национальный интерес» и других.

Однако, несмотря на значительное количество работ по вопросам национальной безопасности, в этом направлении продолжают сохраняться нерешенные вопросы проблемы теоретико-методологического характера, что не может не сказаться негативным образом и в практической плане.

Вот, что отмечает по этому поводу М.Ю. Зеленков: «... действующее законодательство в сфере национальной безопасности с этимологической и теоретико-методологической точек зрения не имеет правопреемственности, системности и единства категориально-понятийного аппарата. Сущность ключевых понятий и терминов, относящихся к сфере национальной безопасности России, в нормативных правовых документах не всегда тождественна, а иногда и существенно различается. В значительной части нормативных актов первого и второго уровня смысловое содержание отдельных понятий и терминов не раскрывается»¹.

Со своей стороны добавим, что однозначность, конкретность и ясность ключевых понятий на теоретическом и правовом уровнях, несомненно, позволит более глубоко осмыслить направления и способы обеспечения национальной безопасности, четко сформулировать цели и содержание соответствующего механизма.

Следовательно, имеется настоятельная потребность в разработке, в том числе и с учетом уже имеющихся в теории национальной безопасности научных изысканий, и принятии нормативно-правового акта, в котором бы раскрывались природа, сущность и содержание основных понятий (определений), категорий и терминов относительно и по вопросам обеспечения национальной безопасности.

Кроме того, целесообразно осуществить консолидацию и кодификацию тех нормативно-правовых актов (и документов), которые так или иначе входят в сферу механизма обеспечения национальной безопасности, в целях приведения соответствующего понятийного аппарата к общему знаменателю.

¹ Зеленков М.Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации. М., 2013. С. 52.

В дальнейшем следует всемерно повышать качество законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности, поскольку качество законодательства: а) напрямую влияет на оптимизацию (следовательно, и на эффективность) механизма обеспечения национальной безопасности и б) является важнейшим правовым средством обеспечения национальной безопасности нашего государства.

Далее есть необходимость кратко остановиться на проблеме законодательного обеспечения национальной безопасности регионального уровня. Дело в том, что исходя из государственно-территориального устройства нашего государства, в общую систему национальной безопасности России входят и региональные системы таковой.

Однако анализ действующего законодательства и иных документов относительно обеспечения национальной безопасности свидетельствует о том, что региональные и местные аспекты национальной безопасности пока остаются без необходимого нормативно-правового сопровождения. Такая ситуация требует, чтобы в перспективе вектор законодательного обеспечения национальной безопасности России был повернут и в сторону субъектов (включая и муниципальные образования) Федерации, их систем безопасности, что в итоге позволит осуществить комплексное обеспечение национальной безопасности в целом в масштабе всего государства.

Пока же только в п. 3 Стратегии национальной безопасности РФ 2015 года содержится тезис о консолидации усилий федеральных органов государственной власти, других государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления (фактически – это просто декларация намерений, и только – авт.). Да и в законе «О безопасности» 2010 года о правовой основе обеспечения безопасности говорится лишь в общих чертах, как и о функциях органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Хотя необходимы четкость и конкретика в правовом обеспечении национальной безопасности, в том числе и на региональном уровне.

В продолжение темы считаем возможным сказать о следующем. Обзор содержания отдельных научных работ, а также собственные изыскания позволяют говорить и о принятии в обозримом будущем федерального (федерального конституционного) закона со следующим названием: «О национальной безопасности Российской Федерации». Как представляется, он должен прийти на смену действующему закону «О безопасности» 2010 года, и в нем должны быть учтены основные положения Стратегии национальной безопасности 2015 года (и их интерпретации в современном понимании целей,

задач и приоритетов национальной безопасности), многочисленные авторские пожелания, предложения, рекомендации и т.п. Думается, что такой закон позволит централизованно регулировать обеспечение национальной безопасности, и он не только определит видовую конфигурацию национальной безопасности, механизм ее обеспечения от возникающих и имеющихся угроз, но и закрепит национальные интересы, а также средства, формы и способы их реализации. Безусловно, в его тексте должны быть четко прописаны определения всех понятий (категорий), касающихся обеспечения национальной безопасности.

Беляева Галина Серафимовна

профессор кафедры административного права и процесса
Юридический институт НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, доцент
(Курск)

Умарова Амала Алиевна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Чеченский государственный университет
(Грозный)

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

На социальных институтах лежит обязанность «... приведения общественных структур и функций в состояние определенного единства, и, не в последнюю очередь, "инструктирование" субъектов деятельности, как они должны вести себя в тех или иных ситуациях»¹.

Необходимо отметить, что в системе общественных отношений, действуют различные институты, призванные организовывать определенный социальный порядок. Соответственно, институт представляет собой явление регулятивного свойства, функционирование которого связано либо с потребностями общества и отдельных индивидов организовывать и упорядочивать свои социальные связи, регулировать и управлять ими.

Совершенно справедливо в данном контексте следующие слова Т. Парсонса: «... одна из наиболее важных функций институтов – это

¹ Мальцев Г.В. О социальной природе юридических институтов // [http://www.fpa.su/biblioteka/izdaniya/problemy-teorii-gosudarstva-i-prava/o-sotsialnoy-prirode-yuridicheskikh-institutov-g-v-maltsev/?SECTION_CODE=problemy-teorii-gosudarstva-i-prava&ELEMENT_CODE=](http://www.fpa.su/biblioteka/izdaniya/problemy-teorii-gosudarstva-i-prava/o-sotsialnoy-prirode-yuridicheskikh-institutov-g-v-maltsev/?SECTION_CODE=problemy-teorii-gosudarstva-i-prava&ELEMENT_CODE=o-sotsialnoy-prirode-yuridicheskikh-institutov-g-v-maltsev)

организация во взаимосвязанную систему того, что без такой организации станет почти произвольным набором эгоистических тенденций человеческого действия. Без такой организации общество вряд ли было бы способно поддерживать порядок, какой мы привыкли в нем видеть»¹. Со своей стороны отметим, что регулятивное свойство (характер) социального института (к которым относятся и правовые институты) отмечается практически во всех дефинициях данного понятия, представленных различными общественными науками – философии, социологии, экономике, политологии, юриспруденции и других.

Институт (от лат. *institutum* – установление, устройство, учреждение) – «элемент социальной структуры, исторической формы организации и регулирования общественной жизни – совокупность учреждений, норм, ценностей, культурных образцов, устойчивых форм поведения: экономический институт (например, заработная плата), политический институт (государство, партии), воспитательный институт и другие»².

Обобщая данное определение, необходимо заметить, что институт представляет собой особую, созданную на нормативной основе (имеются в виду социальные нормы – авт.) социальную структуру, способную существовать на различных уровнях (макро- и микросоциальном уровне) и объединяющую своим действием ту или иную (а иногда и все) сферу общественных отношений (в зависимости от сферы своего действия). Так, к примеру, социальным институтом одновременно называют политическую систему общества, государство, право в целом, действующие на макросоциальном уровне и охватывающие своим действием практически все социальные отношения, а также брачный контракт, куплю-продажу, представительство, также выступающие социальными институтами, но охватывающие значительно более узкий круг норм и лиц.

В этой связи можно говорить о том, что существует целая социальная сфера – институциональная, состоящая из широкого круга разнообразных социальных институтов, развивающихся и усложняющихся по мере развития самого общества и вступающих во взаимодействие друг с другом, интегрируясь и образуя иногда комплексные многопрофильные институты (социально-экономические, социально-политические, политико-правовые, экономико-правовые и т.д.).

Таким образом, социальный порядок (как цель и результат социально-нормативного регулирования) представляет собой совокупность организованных на нормативной основе институтов (институализированных

¹ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 345-346.

² Современная энциклопедия. М., 2000 // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/19790>

структур), то есть для его достижения (и в правовой сфере тоже) необходимо четкое, непротиворечивое, сбалансированное функционирование этих институтов. Их таких социальных институтов состоит и государственный строй, и политическая система общества, и политический режим и другие системы, без которых невозможно современное безопасное и органичное существование отдельных граждан и социальных групп, а также всего гражданского общества.

Тем самым исследование понятия, сущности, содержания юридических понятий и категорий невозможно в отрыве от их институциональной природы и роли, и значения в регулировании общественных отношений. И несмотря на то, что современная терминология институциональных исследований, оформилась относительно недавно, большинство общественных наук имеют значительный опыт в изучении явлений, названных впоследствии институтами. Так, например, в рамках экономической науки действует целое направление, получившее наименование «институциональная экономическая теория», основывающееся на признании исключительной важности институтов при определении реального функционирования экономики различных стран¹.

В контексте нашего исследования социальные институты, и, прежде всего правовые, нас интересуют в качестве регуляторов, действующих в нормативном (в нашем случае – нормативно-правовом поле (контексте)). В этой связи необходимо определить, что же понимается под правовым институтом как основой институционального подхода в юриспруденции.

Одним из первых упоминаний о правовых институтах можно считать «Институции» одного из пяти римских юристов – Тита Гая, сочинения которого являются источником римского права. Это запись лекций Тита Гая, записанные неизвестным учеником, изданные в 250–260-е гг. н. э. В данных лекциях особое внимание уделено описанию фундаментальных принципов права, на основе которых предлагалось разрешать реальные правовые казусы². Тексты институций, включающих три раздела (лица, вещи, иски), послужили основой построения системы права, впоследствии названной институционной³. Позднее в 534 г. н.э. византийским императором

¹ См.: Блэк Дж. Экономика. Толковый словарь. / Общ. ред. И.М. Осадчая. М., 2000.

² Подробнее см.: Нисенбаум М.Е. Латинская дорога к праву. М., 1996. С. 517.

³ Позднее, в 426 г. н.э. после распада Римской империи византийский император Феодосий II издал «Закон о цитировании», в котором обязал использовать тексты Гая при вынесении судебных решений наряду с сочинениями Эмилия Папиниана, Юлия Павла, Домиция Ульпиана и Геренния Модестина. В западной части империи мать императора Валентиниана III — Галла в период регентства специальным эдиктом также придала текстам Гая обязательную силу закона // Там же. С. 517-518.

Юстинианом Институции Гая были положены в основу компиляции законов Римской империи, получившей название Кодекса Юстиниана¹.

Уже в XIX веке Кодекс Юстиниана (включающий Институции Гая) стал одним из источников Кодекса Наполеона 1804 г., построенного также по институционной системе, заимствованной у Гая. Сущность данной системы определена Ю.С. Гамбаровым следующим образом: «институционная система опирается на действительное обобщение правовых явлений, поскольку указанные разделы составляют необходимые элементы всякого права»².

Сказанное выше подтверждает, что Институции Гая можно считать первоисточником понятия «институт», широко распространенного в современной юридической науке и практике.

В настоящее время понятие «институт» в праве является общеупотребительным и используется в различном контексте не только в юридической научной литературе, но также в нормативно-правовых актах, включая международные акты, и судебной практике³.

Что же касается доктринальных подходов к определению правового института, то здесь имеются некоторые различия, однако не имеющие принципиального характера, поскольку абсолютным большинством авторов данная категория и ее роль в системе права признается во всех отраслевых юридических науках⁴.

Обобщая данные подходы, можно прийти к выводу, что правовой институт как общность правовых норм обладает следующими признаками:

1) имеет однородный характер, то есть направлен на регулирование обособленной (относительно самостоятельной) группы (разновидности) общественных отношений;

¹ Институции Юстиниана представляют собой краткий справочник, который имеет вводный характер и предназначен для молодежи, желающей изучать законы. Институции состояли из четырех книг и очень кратко трактовали проблемы в области статусного, семейного, имущественного, обязательственного и наследственного права // Дигесты Юстиниана / Пер. с латинского; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2004. Т. 5.

² Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Часть общая. Т. 1. СПб, 1911. С. 178.

³ Так, например, Кодекс РФ об административных правонарушениях в формулировке главы 17 содержит указание на понятие «институт» в контексте «административные правонарушения, посягающие на институты государственной власти» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. См. также: Налоговый кодекс РФ (часть первая, ст. 11), Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2008 № 2043-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года», Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р «Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации»; Определение Верховного Суда РФ от 11.10.2011 № КАС11-540, Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.12.2013 № 99 «О процессуальных сроках», Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.2014 № 16-П; Венская конвенция о консульских сношениях (г. Вена, 24.04.1963, Ст. 68).

⁴ Подробнее см.: Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. М., 2001. С. 375.

2) носит системный характер, то есть нормы права, его составляющие взаимосвязаны между собой и представляют собой некое единство, без которого невозможно регулирование данного вида общественных отношений;

3) составляет юридическое единство, особый режим (порядок) правового регулирования, свойственный данному виду общественных отношений;

4) нормативно обособлен, то есть нормы, его составляющие, закреплены в отдельных структурах частей нормативно-правового акта или в системе законодательства;

5) представляет собой некую целостность, то есть необходимый и достаточный набор (арсенал) правовых норм, обеспечивающих целостное, относительно законченное регулирование данной разновидности общественных отношений;

6) носит универсальный характер, то есть позволяет регулировать общественные отношения как в сфере частного, так и публичного права.

В этой связи юридический институт позволяет объединить содержание позитивного права (норм права), реализацию субъективного права и соответствующие общественные отношения, подлежащие правовому регулированию.

Бутько Людмила Васильевна

профессор кафедры административного и

финансового права СКФ РГУП

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридический институт НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, профессор

Лепешкина Ольга Викторовна

доцент кафедры теории и истории государства и права

Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

кандидат юридических наук, доцент

(Краснодар)

ИНТЕГРАТИВНОСТЬ КРИТЕРИЕВ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРАВА

Многосложность и многоплановость права привела к необходимости интегративного понимания его как явления, обусловленного конкретно-историческим состоянием действительности. С этих позиций стало возможным установление интегративных качеств и процессов применительно к каждому правовому явлению, к каждому элементу правовой реальности, к

каждому аспекту правовой жизни. Аргументы, полагаемые в основу интегративности в праве, не могут не затрагивать проблем его систематизации.

Подтверждение находим в суждениях ученых, посвященных проблемам интегративного правопонимания, соглашаясь с выводами В.Н. Корнева в том, что «синтетический же (интегративный) подход к пониманию права и его познанию дает возможность теоретикам наиболее полно охватить право в его наиболее значимых и сущностных проявлениях и на основе комплексного (интегративного) анализа получить достоверное научное знание о праве»¹, о всех его признаках, качествах, трансформациях и модернизациях.

Применение методологии интегративного правопонимания в решении проблем систематизации права расширяет возможности для научного углубления оценок значения и содержания синтетических теорий доктринирования права, поскольку процессы его систематизации в первую очередь демонстрируют интегративные свойства и закономерности. Интегративность проявляется при систематизации не только исключительно правовых конструкций, но и в их взаимосвязях и взаимообусловленности с иными социальными регуляторами общественных отношений.

Известно, что для распределения норм права по разностатусным элементам его системы (будь то объединение в отрасли, институты или иные элементные образования), требуются основания – критерии систематизации. Проблемы определения таких критериев в юридической литературе издавна относятся к числу спорных и трудно решаемых вопросов. Ни одну отрасль права не обошли они стороной. Разобраться в этом помогает историко-теоретическая информация о развитии взглядов ученых-правоведов по проблемам построения системы права и обоснованию критериев такого отраслевого деления².

Главным итогом трех дискуссий (1938-39 гг., 1956-57гг., 1981-82гг.), проведенных в советской юридической науке, признается обоснование классических критериев отраслевой систематизации права – предмета и метода правового регулирования. Однако категория «предмет правового регулирования» имеет лишь условное значение, а проблемы его понимания, спорность высказанных на этот счет суждений ученых свидетельствуют о

¹ См.: Корнев В.Н. Монистические и интегративные (синтетические) теории обоснования природы государства и права / Современное правопонимание: курс лекций / отв. Ред М.Н. Марченко 2016. С. 270.

² Известно, что в советское время состоялись три дискуссии, каждая из которых внесла свой вклад в становление и развитие системы отечественного права, имела свои идеологические установки и соответствующие результаты. Их обзор нами представлен в работе Курдюк Г.П., Бутыко Л.В. Отрасль права: эволюционирование и перспективы. Краснодар, 2004. С. 21-23.

необходимости переосмысления существующих доктринальных положений. По этой причине в литературе высказаны мнения о признании состоявшимися последующих дискуссий по обозначенным проблемам систематизации: 4-я дискуссия – 2001 г, 5-я дискуссия – 2010 г. и т.д.

Не вдаваясь в полемику дискуссионной периодизации, считаем более существенным определение закономерностей развития взглядов и подходов ученых к пониманию системы права, позиционированию ее элементов, обоснованию объективных критериев систематизации, основываясь на интегративном подходе к пониманию права, поскольку артикулирование таких закономерностей в первую очередь должно быть сориентировано на интегративность.

В настоящее время предмет и метод как отраслеобразующие критерии справедливо признаются недостаточными. Критериальные свойства обнаружены у принципов права и законодательства, целей и функций правового регулирования. Учитываются также виды юридических источников, взаимные интересы субъектов, вступающих в отношения, конвенционность элементов системы, их традиционализм и другие. Между тем следует заметить, что перечисленные теоретические постулаты исторически существовали всегда, потому их влияние на процессы становления и трансформации системы права имело место как прежде, так сохраняется и до сих пор. Но в качестве критериев отраслевой дифференциации они позиционированы только в последние 10-15 лет. Тому есть свои причины. В их числе качественное размежевание в подходах к правопониманию¹.

Интегративное правопонимание позволяет осуществить более дифференцированную оценку предложенных в литературе критериев систематизации правового массива, показать глубину их критериальных возможностей и объяснить современное многообразие элементов системы. При этом каждый критерий проявляет свойства интегративности по-разному и потому применение разных оснований систематизации способно дать разные результаты – варианты формируемых систем. Вариативность проявления свойств интегративности попробуем показать на примере предмета правового регулирования, его соотношения с реальными общественными отношениями.

¹ См.: Valery Lazarev (Moscow, Russia). Integrative perception of law. KAZAN UNIVERSITY LAW REVIEW .Volume 1, Fall 2016, Number 1, p.19-32; Козлихин И.Ю. Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведеии: сб. научных ст. / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов. 2007; Черданцев А.В. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5-15.

Определенную ясность в названную проблему в свое время внес Н.Г. Александров, обосновав в своих работах их диалектическую взаимосвязь. Особенность позиции ученого состояла в ее направленности на реальные, а не моделируемые отношения. По этой причине Н.Г. Александров различал предмет непосредственного и опосредованного регулирования. В первом случае предмет соотнесен с поведением, поступками и деятельностью людей в их общественных отношениях, а последние, тем самым, в результате также оказываются под регулирующим воздействием права, приобретают форму модели и таким образом становятся «объектом правового регулирования»¹.

Оставаясь на позициях непризнания равенства между модельным предметом правового регулирования и реально возникающими общественными отношениями, назовем некоторые аргументы. Во-первых, отождествление модели предмета правового регулирования с реальными общественными отношениями приводит к искусственному вытеснению из сферы их регулирования иных, кроме права, социальных норм, и тем самым абсолютизируется правовое регулирование, что на самом деле не соответствует действительности. Нормы права в системе социальных норм занимают свое место, позволяющее им не только учитывать воздействие иных социальных норм на общественные отношения, но и оказывать на них свое влияние.

Во-вторых, общественные отношения всегда отличаются своей конкретно исторической обусловленностью, всегда подвергаются воздействию различных социальных регуляторов. Реально отношения различаются по времени возникновения и прекращения, по месту совершения, персональному составу участников, их интересам и целям, а также по другим параметрам. Такие детали невозможно отразить в нормах права, да в этом и нет необходимости.

Отсюда становятся очевидными причины столь длительных споров по указанной проблеме. На наш взгляд, реальные общественные отношения являются лишь образом для моделируемого предмета, натурой, с которой законодатель срисовывает, формирует модель, именуемую предметом правового регулирования, и представляет ее описание в нормах права, стремясь при этом учесть все наиболее существенные признаки.

Таким образом, сами по себе общественные отношения не должны называться предметом правового регулирования, поскольку между реальной жизнью (общественными отношениями) и ее правовой моделью (предметом регулирования) всегда будут существовать различия, обусловленные

¹ См.: Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н.Г. Александров. М.: Госюриздат, 1955. С. 116.

известным консерватизмом права и динамикой общественной жизни – состоянием общественных отношений в постоянном движении. Именно такие различия и привели в конечном итоге к возможности интегративного понимания предмета правового регулирования, при котором наблюдается взаимное интегрирование модельного предмета и реальных общественных отношений.

Для понимания степени интегрирования применима формула «реальности – фиктивности» норм права. Она включает три разновидности: идеальную реальность, допустимую реальность и недопустимую – фиктивность. Наиболее наглядно эта формула проявляется применительно к конституционным нормам. Поэтому и сложилась известная формулировка, введенная в научный оборот В.И. Лениным: фиктивна конституция, когда закон и действительность расходятся, не фиктивна (т.е. реальна), когда они сходятся.

Идеальную реальность смоделированного предмета отрасли права можно наблюдать в том случае, когда в нормах права сформирована модель общественных отношений, полностью соответствующая реальной действительности. Но такое соотношение обеспечить практически невозможно, потому реальность названа идеальной, т.е. безупречной.

Наиболее распространенной считается допустимая реальность, при которой нормативно-правовая модель общественных отношений несколько отличается от реальной жизни. Эти отличия, во-первых, не носят принципиального характера, не влияют на сущность отношений, закрепляемых в предлагаемой модели. Во-вторых, различия, вызванные практикой реализации общественных отношений, их совершенствованием в ходе правоприменения, могут быть оперативно устранены с помощью механизма поправок к законам, что мы и наблюдаем повседневно в нашем современном нормотворческом процессе.

Наконец, третья разновидность – недопустимая реальность, т.е. фиктивность, при которой модельный предмет, описанный в норме права или в целом в отрасли, входит в явное противоречие с реальной действительностью и нуждается в изменении по существу или в замене новой моделью.

В массовом порядке такие замены были осуществлены в ходе смены российского права советского социалистического типа типом современного российского права, предназначенного для регулирования в условиях интегративного правопонимания. Начало такой смены было положено принятием Конституции Российской Федерации 1993 г.

Наступление состояния фиктивности предметной модели конкретного нормативного правового акта, правового института или отрасли права

наблюдается при достижении количественных изменений, способных к преобразованию в новое качество. Такое состояние может привести и приводит к исчезновению не только того или иного нормативного акта, но и института или даже отрасли права вообще, что вполне согласуется с диалектическими процессами смены системы права одного исторического типа другим¹.

Подводя итог, резюмируем: как основной критерий отраслевого обособления норм права, предмет правового регулирования представляет собой модель определенной совокупности общественных отношений, объединяемых рядом качеств. Главными из них признаются единство сущности и устойчивая качественная однородность отношений, полагаемых в основу определения предмета той или иной ориентации: отраслевой, институциональной, межотраслевой, комплексной и иной.

Достижение качества однородности в свою очередь становится возможным и допустимым благодаря интегративности той области общественных отношений, в пределах которой осуществляется предметное обособление. При этом обеспечить абсолютное вычленение однородных общественных отношений, как прообраза предмета правового регулирования, практически недостижимо. По этой причине наукой и практикой предложен способ моделирования, посредством которого в норму права облекается модель общественных отношений, приспособленная к неоднократному применению и сохраняющая требуемую в правоприменении стабильность.

В свою очередь, построение модели предмета правового регулирования обеспечивает взаимосвязанность субъектов правоотношений, нацеленность их действий на единые объекты, на достижение единых целей, что в совокупности находит отражение в нормах той или иной отрасли права, выступает основанием структурного размежевания: институционального, отраслевого или иного обособления элементов и подсистем более масштабного порядка. Процесс моделирования осуществляется по правилам интеграции и служит подтверждением правомерности теории интегративного правопонимания.

Вспомогательным критерием отраслевой дифференциации считается метод правового регулирования. Он представляет собой совокупность способов, применяемых при регулировании общественных отношений, взаимодействие в них субъектов между собой, формирование содержания и выполнение субъективных прав и юридических обязанностей, применение мер ответственности за нарушение правовых норм той или иной отраслевой направленности. С учетом методов определяется юридическая специфика

¹ См.: Курдюк Г.П., Бутько Л.В. Отрасль права: эволюционирование и перспективы. Краснодар. 2004. С. 128-130, 133-134.

правового регулирования соответствующей группы общественных отношений, воздействия правовых норм на них и участвующих в них субъектов.

Одни методы правового регулирования указывают на характер, пределы и возможности альтернативы юридического закрепления предмета конкретной отрасли права. К примеру, императивный метод предполагает ограничение, обязывание, запрет при построении модели правовых отношений и положения в них субъектов; диспозитивный метод предполагает разнообразие моделирования общественных отношений и предоставляет возможность выбора варианта поведения их участникам. Другие методы указывают на характер взаимоотношений субъектов этих отношений между собой, на содержание их прав и обязанностей. Отдельную группу составляют методы, характерные при применении мер юридической ответственности: методы поощрения, убеждения, принуждения.

Такое функциональное разнообразие методов правового регулирования также следует объяснять их интегративными качествами, в равной степени присущими и другим основаниям систематизации права, таким как принципы права (общие и отраслевые), цели в праве, функции права, виды и отраслевое разнообразие источников права и другие.

Таким образом, интегративные свойства предмета и методов правового регулирования можно считать присутствующими в указанных критериях. Применяются они при отраслевом и институциональном обособлении правовых норм, поэтому учитываются в определениях всех структурных частей системы права в целом и каждого ее элемента: отдельно взятых отраслевых норм, институтов, подинститутов, субинститутов, подотраслей и типов права, как крупномасштабных элементов системы современного российского права.

Настала пора для постановки вопроса о системе самих оснований систематизации, актуализация которого становится очевидной в свете соотношения системы права и системы законодательства. Решение проблемы соотношения указанных систем возможно исключительно в интегративном ключе. Как результат интеграции объективного и субъективного в природе права, соотношение двух названных систем нацелено на установление и констатацию их сходства и различий, на исследование целостного и элементного состава каждой системы, на уточнение и развитие критериев систематизации. Сегодня систематизация права и законодательства не может быть обеспечена без применения правил интеграции и синтезирования, о чем свидетельствуют не только критерии, но и сами способы и приемы систематизации.

Куксин Иван Николаевич
профессор Московского городского
педагогического университета,
профессор кафедры конституционного и
международного права
Юридический институт НИУ «БелГУ»
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации*
(Москва)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ПОМОЩНИК ИЛИ КОНКУРЕНТ ЧЕЛОВЕКА?

«Где есть проблема, там должен быть закон»¹.

На протяжении последних лет на страницах юридической печати с определенной периодичностью появляются статьи, посвященные таким понятиям как «блокчейн», «криптовалюта», «кибербезопасность», «искусственный интеллект», «робототехника» которые были предметом обсуждения на различных научных форумах, в том числе и на страницах средств массовой информации. Особо этим проблемам стало уделяться внимание со стороны научной общественности и практиков с выходом распоряжения Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Цифровая экономика Российской Федерации»². Президент России В.В. Путин, выступая 5 июня 2017 года на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам, сказал, что «...цифровая экономика – это не отдельная отрасль, по сути – это уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества. И конечно, формирование цифровой экономики – это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкурентности отечественных компаний, позиций

* Член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, координатор секции по вопросам обеспечения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и в местах принудительного содержания.

¹ Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы.
М. Прометей, 1999. С.368.

² Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // URL: www.parvo.gov.ru (дата обращения: 24.01.2018).

страны на мировой арене на долгосрочную перспективу, по сути на десятилетия вперед»¹.

Внедрение цифровой экономики² перевернуло весь уклад жизни людей. Ее можно сравнить с теми событиями, которые пережил мир 500 лет назад. В 1450 году немецкий ремесленник И. Гутенберг изменил ход мировой истории, что по праву отнесено к величайшим достижениям человечества. Он изобрел печатный станок. О том, что внедрение цифровой экономики – это величайшее событие, сомнений не вызывает. Но каковы ее последствия для будущих поколений? Вряд ли кто-либо сегодня возьмет на себя смелость дать исчерпывающий ответ на этот, казалось бы, простой вопрос. О грядущих последствиях цифровой экономики говорит тот факт, что по данным Всемирного экономического форума 64 процента детей, которые пошли в школу в этом году (И.К. – 2017), будут работать по специальностям, которые сегодня мы еще о них даже не знаем³.

Несмотря на то, что сегодня Россия находится на 41 месте по готовности к цифровой экономике, мы переживаем настоящую технологическую, телекоммуникационную революцию. Миллионы россиян уже не мыслят себя без ежечасного использования мобильного интернета, мобильных устройств, онлайн-платежей. Все эти изменения происходят так быстро, что мы даже не вспоминаем, что еще каких-то десяток лет назад не существовало тех самых смартфонов, с помощью которых сегодня люди выходят в интернет. И эти процессы ускоряются, а источником такого ускорения являются цифровые технологии. Специалисты высоких технологий утверждают, чтобы догнать лидирующие страны такие как Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония, необходимо разработать современные *сквозные технологии*. Что это означает? – это означает, когда однократно разработанная цифровая технология может многократно применяться в различных областях.

¹ Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54983>

² Что мы подразумеваем под этим понятием? Цифровая экономика – это такой экономический уклад, в котором данные представляют собой самостоятельную экономическую сущность. Можно перефразировать, что цифровая экономика – это экономика данных. Цифровая экономика – про то, как мы создаём, передаём, собираем, храним данные, защищаем их, а самое главное – анализируем и на основе этих данных принимаем такие решения, которые делают нашу экономику эффективнее, управление более эффективным, а значит, и повышают качество жизни (из выступления министра связи и массовой коммуникации Н.А Никифорова на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам 5 июля 2017 года)

³ Борисова И. Доктора тянут в сеть // Рос. газ. – 2018. – 13 февраля.

Юриспруденция, как одна из сложнейших в мире профессий, стала испытывать «дискомфорт» от глобальной компьютеризации. Первый этап, можно утверждать, охватывает разработку программ, которые обеспечили постоянный доступ к автоматически обновляемой информации. Как показала практика их внедрение сняв одну «головную боль» породили другую. Теперь интернет мгновенно начал заполняться всевозможными шаблонами правовых документов. И это был второй этап, когда специалисты все настойчивее начали обсуждать о внедрении роботов-юристов, т.е. технологию искусственного интеллекта. Так, например, английский программист Д. Браудер, создал робота-адвоката, который помогает проведению таких юридических операций как опротестование штрафов за неправильную парковку, составление претензий по вопросам кредитного страхования, жалоб в связи с отменой рейсов на самолеты или поезда. Робот-юрист помог автору выиграть в суде дела на сумму 3 млн долларов, хотя его создатель не ожидал такого успеха¹. Приведенный пример показателен тем, что применение подобных роботов делает бессмысленным обращение к юристу, так как размер вознаграждения равен или даже значительно превышает сумму штрафа, это с одной стороны, а с другой, – это влечет сокращение младшего обслуживающего персонала в юридических компаниях. Эта мысль ярко прозвучала в выступлении на Гайдаровском форуме заместителя председателя правления Сбербанка В. Кулика, где он заявил, что в конце 2017 года робот-юрист начал выполнять первую работу по составлению исковых заявлений в отношении физических лиц. «Это означает, что порядка 3000 рабочих мест мы будем только по этой специальности высвобождать в этом году. И такие планы у нас достаточно большие. Мы таких роботов сейчас производим по целому ряду направлений», – уточнил он².

Развитие IT сейчас достигло такого уровня, что дает возможность с уверенностью прогнозировать исход судебного дела. Примером такой практики являются США. Специалисты создали такую программу, внедрение которой показало, что из десяти решений Верховного суда США семь решений были предсказуемы, тогда как юристы-профессионалы,

¹ Бычков А. Роботы-адвокаты будущего. Как меняется рынок юридических услуг // URL: <http://fingazeta.ru/discuss/51513/> (дата обращения 22.02.2018).

² Узбекова А. Сбербанк сократит 3 тысячи рабочих мест из-за робота-юриста // URL: <https://rg.ru/2017/01/12/sberbank-sokratit-3-tysiachi-rabochih-mest-iz-za-robota-iurista.html> (дата обращения 22.02.2018). Согласно исследованиям, проведенным британским отделением Deloitte, юридический бизнес уже сейчас находится в лидерах по числу увольнений в Великобритании, и в течение ближайших 20 лет вследствие автоматизации сократится около 140 рабочих мест / Робот-адвокат: как юристам не остаться без работы // URL: <http://www.forbes.ru/kompanii/343269-robot-advokat-kak-yuristam-ne-ostatsya-bez-raboty> (дата обращения 23.02.2018).

специализирующиеся на подобных прогнозах, верно предсказали исход дела только в 60% случаев¹.

Можно сколь угодно утверждать, что никакой робот не заменит юриста-профессионала, все же надо признать, что внедрение искусственного интеллекта в юридическую профессию может много изменить. Так, по мнению судьи Конституционного Суда России Г. Гаджиева, высказанному им (26.10.2017) на XII Ежегодных научных чтениях, посвященных памяти профессора С.Н. Братуся, которые прошли в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России, «сейчас действует несколько рабочих групп по созданию правового пространства, расчищающего путь цифровой экономике. Некоторые подготовленные ими законопроекты уже скоро поступят на экспертизу в минюст»². Не секрет, что самая сложная часть программы «Цифровая экономика» – это подготовка законодательства. В ближайшие два года Государственной Думе предстоит принять более 50 законов по разным вопросам цифровой экономики. Президент России В.В. Путин, выступая с ежегодным посланием Федеральному Собранию (2018 год) особо отметил: «В кратчайшие сроки нам необходимо создать передовую экономическую базу, снять все барьеры для разработки и широкого применения робототехники, искусственного интеллекта, беспилотного транспорта, электронной торговли, технологий обработки больших данных. Причем такая нормативная база должна постоянно обновляться, строиться на гибком подходе к каждой сфере технологии»³.

В первую очередь, законопроекты будут регламентировать сферу, которая касается «интернет вещей», регулирования архивных данных, заключения договоров в цифровой форме, цифровую подачу судебных исков, беспроводных технологий передачи телеметрических данных. Глава Комитета Госдумы по финансовому рынку А. Аксаков спрогнозировал, что в течение шести-семи лет Россия сможет выйти на уровень ведущих стран мира, заметив, что при рассмотрении законопроектов в этой сфере законодатели будут концентрировать внимание на защиту прав человека и реализации принципа добровольности. Это означает, что пользоваться инструментами цифровой экономики никого принуждать не будут⁴.

¹ Кондратьева И. Роботы-правоведы: как технологии меняют работу юридических компаний URL:<https://pravo.ru/story/view/125603/> (дата обращения 24.02.2018)

² Юристы решат, кто ответит за ошибки робототехники // URL: http://surfingbird.ru/surf/yuristy-reshat-kto-otvetit-za-oshibki--4urJ32e1c#.Wob6bq_opKM8 (дата обращения 22.02.2018).

³ План Президента Путина // Рос. газ. – 2018. – 2 марта.

⁴ Замахина Т. Прыжок в будущее // Рос. газ. – 2018. – 21 февраля.

О том, что в настоящее время и в ближайшей перспективе на основе автоматизированных программ будет использоваться в различных производственных областях искусственный интеллект, независимо как он будет называться, робот-юрист, робот-диагност, робот-телескоп, робот-хирург, робот-журналист и т.д. вопрос решен. В этой части самым сложной является проблема, кто и как будет нести ответственность за причиненный вред, если искусственный разум исключает участие человека из технологических процессов? Например, управление движением поездов на высокоскоростных магистралях роботомобилями и т.д. Постановка вопроса не нова. В настоящее время уже ведутся исследования и обсуждения о правовом статусе искусственного интеллекта. Профессор Г. Гаджиев на указанном форуме, который был посвящен правосубъектности, однозначно заявил, что «препятствий к наделению роботов правовым статусом нет». Как известно правосубъектность – это вопрос о том, у кого какие права и обязанности. По мнению директора Института законодательства и сравнительного правоведения Т. Хабриевой, – «это уже не фантастика, а реальность, всерьез обсуждаются вопросы о правовом статусе искусственного интеллекта»¹, ибо игнорировать развитие IT-технологий нельзя.

Действительно, сегодня задача юристов не только теоретически обосновать правовой статус искусственного интеллекта, но и перевести эту актуальную проблему в практическую плоскость в форме подготовки и принятия таких законодательных актов, которые бы давали ответы в каких пределах можно использовать автономные устройства без прямого контроля со стороны человека и меры ответственности за их использование. Это направление новое, необычное и вызывает живой интерес как со стороны теоретиков права, так и практических работников. Вопросам правосубъектности искусственного интеллекта, судя по опубликованным научным статьям, уделяется особое внимание в странах Евросоюза, США, Южной Кореи. Ученые-правоведы разных стран ищут ответ: способно ли развитие искусственного интеллекта пересмотреть представление о праве, особенно с наступлением цифровой эпохи, или речь может идти только в отдельных направлениях, например, в части правосубъектности. О замене юристов роботами по большому счету говорить преждевременно, так как составить юридический документ, скажем тот же приговор суда по уголовному делу в отношении нескольких лиц, состоящему из десятков томов может только юрист, а машинные алгоритмы могут выступать только как помощники, так как они не обладают гибкостью человеческого ума. Но, с

¹ URL: http://surfingbird.ru/surf/yuristy-reshat-kto-otvetit-za-oshibki--4urJ32e1c#.Wo6bq_opKM8

точки зрения теоретического исследования и юридической практики вопросов, связанных с искусственным интеллектом не является преждевременным, а нацелено на перспективу. Например, разработка и использование беспилотного транспорта. О готовности к массовому внедрению беспилотного транспорта заявляют Нидерланды, Сингапур, США. По принятию беспилотного транспорта потребителями Россия оказалась на 18-ой строчке¹.

Если вычленишь те проблемы, которые касаются правового статуса искусственного интеллекта и на которые ученые ищут ответ, то они сводятся к следующим:

«1) ответственность производителя [за качество товара] (product liability), поскольку роботы с точки зрения правового режима представляют собой в том числе товар;

2) правовой режим (или правовой статус) роботов как квазиагентов (посредников), поскольку роботы по мере развития наделяются функциями возрастающей сложности, ранее выполнявшимися человеком;

3) ограничение ответственности в том смысле, что посредники в силу правовой природы отношений не всегда могут нести полную ответственность за свои действия;

4) применение мер юридической ответственности к юридическим лицам как аналогия к случаям применения таковой к агентам, не являющимся физическими лицами»².

Исходя из перечня поставленных проблем, к наиболее актуальным следует отнести проблему о правовом режиме и юридической ответственности искусственного интеллекта в случае причинения вреда тем отношениям, которые охраняются нормой права. На текущий момент на поставленный вопрос дать однозначный ответ весьма затруднительно, однако это не означает, что его не надо искать. Сама жизнь заставляет продолжать поиски, ибо игнорировать развитие IT-технологий нельзя. Если допустить, что работ-агент (квази-агент) может выступать самостоятельным участником гражданского оборота, то кто должен нести ответственность: разработчик программы или владелец робота? В мировой статистике ДТП зафиксирован первый случай гибели пешеходов под колесами беспилотного автомобиля. Трагедия произошла в американском городе Темпе (штат Аризона), где спортивный внедорожник Uber насмерть сбил 49-летнюю женщину.

¹ Астапенко Е. Россия оказалась в «хвосте» рейтинга готовности к внедрению беспилотных автомобилей // URL: <http://www.kolesa.ru/news/rossiya-okazalas-v-hvoste-rejtinga-gotovnosti-k-vnedreniyu-bespilotnyh-avtomobilej>

² Архипов В. Юридические аспекты робототехники URL: <http://old.advgazeta.ru/blog/posts/490> (дата обращения 23.02.2018)

Американские эксперты пока не берутся сказать, кто же юридически должен ответить за смерть миссис Харцберг¹.

Искусственный интеллект (робот) как и любая техника, какой бы она не была совершенной, может ошибаться, ломаться в результате чего причинять вред тем отношениям, которые охраняются правом. На текущий момент, в виду отсутствия еще не наработанной большой практики внедрения робототехники без прямого контроля со стороны человека, можно применять те же принципы ответственности, что и для владельцев источников повышенной опасности в рамках ст. 1079 ГК РФ. Искусственный интеллект (робот) правомерно можно отнести к источникам повышенной опасности. И поэтому, если экспертиза даст заключение и будет доказано, что причиной причиненного ущерба явилось программное устройство, то ответственность возлагается на разработчика. Если роботом был причинен ущерб в виду, например, небрежного или несвоевременного проведения владельцем работа регламентных или иных работ, то ответственность должна возлагаться на владельца.

Вторым направлением гражданской ответственности за причиненный ущерб можно рассматривать обязательное страхование ответственности роботов²: владельцы должны будут покупать полис.

Таким образом, действующее законодательство дает возможность решать в рамках правового поля те случаи, когда причиняется ущерб определенным отношениям робототехникой, где из процесса исключен человек. Но для юристов очевидно, что по мере развития и внедрения искусственного интеллекта в различные общественные сферы, в том числе и связанную с безопасностью человека, будет изменяться и право. Будут появляться принципиально новые отношения, связанные с искусственным интеллектом, а, следовательно, и новые нормы. В настоящее время в России появляются концепции законопроектов о робототехнике. Первым таким разработчиком стала международная юридическая фирма Dentons по заказу Grishin Robotics. «Концепция предлагает использовать признаки юридического лица для определения статуса робота, определяет модель ответственности при использовании роботов и допускает создание реестра, в котором будет осуществляться классификация роботов по сферам использования, уровню развития искусственного интеллекта. Это в дальнейшем позволит определять границы правосубъектности»³.

¹ Рос. газ. – 2018. – 21 марта.

² Глава 48 ГК РФ и ФЗ «Об организации страхового дела в РФ» от 27.11.1992 г. №4015-1.

³ Юристы и фантастика: Dentons разработала первый в России законопроект о робототехнике / URL: <http://www.lawfirm.ru/pr/index.php?id=16154> (дата обращения 11.03.2018)

Ценность таких концепций заключается в инициировании обсуждений о системном законодательном регулировании новой области, которая получила название робототехника. Дискуссия должна давать ответ насколько нынешнее законодательство можно использовать в регулировании отношений с участием роботов, и какие меры надо предпринимать в области законотворчества в этой области, чтобы не отстать от развития перспективных технологий.

Мархгейм Марина Васильевна,
заведующая кафедрой конституционного и международного права
Юридический институт НИУ «БелГУ»,
доктор юридических наук, профессор
(Белгород)

ЭКСПЕРИМЕНТ: ГОРИЗОНТЫ ПРАВОСООБРАЗНОСТИ

«Общественное развитие слишком часто находится в нестабильном состоянии, в нем много неполадок и срывов, но право должно придавать ему устойчивые формы, сохранять и поддерживать именно те порядки, которые наилучшим образом отвечают интересам людей»¹.

Эксперимент (от лат. «experimentum»), традиционно понимаемый как опыт, проба, проверка², синонимически связываемый с испытанием, исследованием, тестом, проверкой, репликацией³, довольно устойчиво вошел в научный, образовательный, практический, бытовой, иной обиход. В научном языке термин «эксперимент» применяется и для сопряженных понятий – целенаправленное наблюдение, воспроизведение объекта познания, организация особых условий его существования, проверка предсказания и т.п. Для одних отраслей науки и сфер жизнедеятельности эксперимент более адекватен и даже имманентен, для других – менее. Так, по мнению Г.В. Мальцева, эксперимент (и игра) «всегда были в почете» в таких сферах общественной жизни, как литература и искусство», при этом право и государственное управление являются (неигровыми) и «неэкспериментальными областями социальной деятельности»; более того «бывали попытки превратить право в игру, экспериментировать с ним, но до сих пор это заканчивалось плохо, не приносило людям ничего, кроме

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. С. 115.

² Советский энциклопедический словарь. М., 1968. С.1545.

³ <https://sinonim.org/s/>

разочарований и бед»¹. Однако, можно ли признать такую «негативную фатальность» за следственным или судебным экспериментами, которые тесно связаны и с правом, и с государственным управлением (в широком смысле слова)?

Мальцев Г.В. в дискуссии с «оптимистически настроенными приверженцами синергетической парадигмы», высказал сомнение в способности синергетики «вооружить общество методами «позитивной эвристики», экспериментирования с реальностью, благодаря которым правовое регулирование и государственное управление превратятся ... в поле, рождающее искры инноваций»². При этом классической наукой вполне успешно разработаны теория эксперимента³, научный эксперимент⁴, его место в контексте науки и практики⁵, методологии научного познания⁶, место мысленного эксперимента в познании⁷, особенности социального эксперимента⁸ и др.

Следовательно, по канонам классической науки эксперимент освоился не только на эмпирическом уровне научного познания, но и на теоретическом. Подтверждением тому может, помимо прочего, служить мысленный эксперимент, который ориентирован на получение новейшего или проверке имеющегося знания посредством конструирования идеализированных объектов и манипулирования ими в искусственно (условно) задаваемых ситуациях⁹. Мысленный эксперимент, полагаем, в полной мере соответствует гуманитарным отраслям науки, где современное знание прирастает преимущественно интерпретациями. Мысленный (идеализированный) эксперимент наряду со своей самодостаточностью (невозможностью его практической реализации, включая модельную) предстает и как воссоздание / воспроизведение предстоящего реального эксперимента. Здесь полагаем уместным привести слова Г.В. Мальцева о том, что «утопично думать, будто природу человека можно удержать в узких рамках «малых дел», предписать людям воздерживаться от заинтересованной активности, направленной на изменение природных и социальных условий жизни, на

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. С. 108.

² Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. С. 108.

³ Налимов В. В. Теория эксперимента. – М., 1971.

⁴ Храмович М. А. Научный эксперимент, его место и роль в познании. – Минск, 1972.

⁵ Капица П. Л. Эксперимент, теория, практика. – М., 1974.

⁶ Рузавин Г. И. Методология научного познания. – М., 2012.

⁷ Макаревичюс К. Место мысленного эксперимента в познании. – М., 1971.

⁸ Рывкина Р. В., Винокур А. В. Социальный эксперимент. – Новосибирск, 1968.

⁹ Стёпин В.С., Абушенко В.Л., Голдберг Ф.И. Эксперимент мысленный. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2018 (последняя редакция: 12.05.2018). URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7006>

управление и регулирование общественных процессов в субъективных интересах»¹.

Отметим, что содержательные грани эксперимента, сформировавшись в естественнонаучной среде, все четче и разнообразнее проступают в различных отраслях социальных наук, включая юридическую.

В Советском энциклопедическом словаре эксперимент получил универсальную трактовку как «чувственно-предметная деятельность в науке; в более узком смысле – опыт, воспроизведение объекта познания, проверка гипотез и т.п.»². В нем, вероятно, в связи с преобладающими тогда тенденциями уделено внимание также различного рода экспериментальным учреждениям: Институт экспериментальной медицины, Институт экспериментальной минералогии, Институт экспериментальной эндокринологии и химии гормонов. Отметим, что об экспериментальных / опытных учреждениях / заведениях речь идет в ст. 14-а действующей Конституции Австрии. В ней установлено, что публичные школы в области сельского и лесного хозяйства, организационно связанных «с каким-нибудь федеральным опытным заведением в области сельского и лесного хозяйства» (п. «с» ч. 2), «федеральные опытные заведения, относящиеся к сельскому и лесному хозяйству» (п. «g» ч. 2), «создание ... опытных заведений в области сельского и лесного хозяйства» (ч. 5) относятся к ведению Федерации.

Большой юридический словарь, следуя жанровой специфике, подступился к пониманию эксперимента через «экспериментальную разработку»³ с опорой на легальное определение, сформулированное в Федеральном законе от 23 августа 1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»⁴. Так, экспериментальные разработки трактуются как «деятельность, которая основана на знаниях, приобретенных в результате проведения научных исследований или на основе практического опыта, и направлена на сохранение жизни и здоровья человека, создание новых материалов, продуктов, процессов, устройств, услуг, систем или методов и их дальнейшее совершенствование».

Отметим, что в ст. 2 названного закона в контексте определения фундаментальных научных исследований наряду с теоретической упоминается экспериментальная деятельность, которые направлены «на

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 114.

² Советский энциклопедический словарь. М., 1968. С.1545.

³ Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 1998. С. 773.

⁴ Федеральный закон от 23 августа 1996 № 127-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/c0a49fc869aeeb5b28ca88d3d37b7d8f7474375f/

получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды». Из этого следует, что экспериментальная деятельность, во-первых, законодательно связана с практической (не теоретической) сферой; во-вторых, способствует получению новых знаний, касающихся, в-третьих, основных закономерностей строения и развития человека и общества. Полагаем, что в совокупности со строением и развитием государства это вполне коррелируется и с предметом конституционно-правовой науки¹. Это поддерживает идею не просто об уместности, но и востребованности экспериментального исследования конституционно-правовых явлений и процессов. Поддерживает эту идею и конституционное закрепление эксперимента (опыта), а также его исследование, например, в европейских² и постсоветских³.

Анализ конституционных текстов зарубежных стран⁴ явил упоминания о «научном эксперименте» (ч. 3 ст. 26 Конституции Португалии), «осуществимом опыте самоуправления» (ч. 3 ст. 85 Конституция Португалии), «медицинском эксперименте» (ст. 18 Конституции Эстонии). В Конституции Франции (ст. 37-1) допустимо содержание в законе и регламенте положений «экспериментального характера». О «медицинских, научных и иных опытах» речь идет в ч. 2 ст. 21 Конституции России.

Следует в известной мере согласиться с мнением, что при наличии опыта правового регулирования и проведения правовых экспериментов в России «в настоящее время эта форма правотворчества используется недостаточно, хотя она могла бы быть полезна развитию права»⁵ особенно в тех случаях, когда отсутствует регулирование по предмету эксперимента, когда наличествующее регулирование не препятствует правовому эксперименту, когда предлагается новое, не соответствующее существующему регулирование. Вместе с тем следует тщательно осмыслить сформулированные Г.В. Мальцевым предупреждения, адресованные и осторожным, и рьяным экспериментаторам от науки и практики.

¹ Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М., 2001.

² Г.Г. Загайнова. Конституционные образы эксперимента: подходы европейских государств // <http://nv.bsu.edu.ru/nv/mag/03/>

³ Загайнова Г.Г. Конституционный императив недопустимости экспериментов над людьми в странах СНГ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 3 (94). С. 40-42.

⁴ <http://worldconstitutions.ru/>

⁵ Сивицкий В.А., Сорокин М.Ю. Правовой эксперимент и развитие права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 15.

Плоцкая Ольга Андреевна

профессор кафедры теории государства и права и основ правоведения
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
доктор юридических наук, доцент
(Сыктывкар)

**ОБЫЧНО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОМИ-ЗЫРЯН И ИХ
ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПОЗИТИВНОЕ ПРАВО РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ II пол. XVIII - I пол. XIX вв.**

«Где имеется определенный порядок и действуют упорядочивающие силы, там есть право, хотя не всегда оно так называется. Право четко вписывается в структуры бытия, если они устойчивы и целостны, но дестабилизация и разрушение порядка, произвол, хаос ослабляют, а затем прекращают действие права»¹.

Коми-зыряне к XVIII веку уже были включены в правовое пространство Российского государства, но социально-экономический уровень развития, а также наличие традиционных способов ведения хозяйства, особая «промысловая культура» населения, обычно-правовой быт отличали их от соседних народов, населявших западноевропейскую и иные части России. В связи с этим, жизнеспособность обычного права и его огромное значение в такой этнической среде, ведущей традиционный образ жизни, была очевидна. Кроме того, на практике правовые обычаи, как правило, не являлись единственным источником для принятия необходимых решений, так как при разрешении возникших споров старейшины руководствовались, «во-первых, собственным рассуждением, во-вторых, порядком, оставленным от прежде бывших родоначальников, и, в-третьих, наставлениями и внушениями по сей части земского начальства»².

В процессе исторического развития Российской империи вопрос о соотношении обычного и позитивного права решался неоднозначно, особенно большое значение он приобретает во II половине XVIII века «в связи с подготовкой Уложенной комиссии и правом государственных крестьян подавать свои наказания»³. Именно в это время «более явственно оформлялись

¹ Мальцев Г.В. Культурная традиции права. М., 2013. С. 6.

² Зибарев В. А. Из истории обычного права народов Севера // Советская этнография. – 1986. – № 2. – С. 76–77.

³ Колесников П. А. Воздействие народных масс на государственное законодательство России XVII – XVIII вв. // Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.): межвузовский сборник научных статей. – Пермь, 1982. – С. 164.

крестьянские представления о правосознании и об участии в правотворчестве»¹. Речь идет об опосредованном влиянии обычно-правовых представлений и существовавших правовых воззрений крестьян на позитивное право. Поэтому, проанализируем крестьянские указы, так как государственные крестьяне (коми-зыряне относились к этой категории) «признавались носителями публичного права: в 1767 г., когда Екатерина II создала Комиссию для сочинения нового уложения, они составляли указы и были привлечены к ее работе»².

Крестьянские указы второй половины XVIII века, основывались на существовавших в этот период обычно-правовых представлениях и нормах в крестьянской среде. В них, помимо описания тяжелого социально-экономического положения, крестьяне предлагали российскому законодателю ряд мер, направленных на улучшение их быта, изменение системы и форм труда, способы урегулирования земельных споров и многое другое, что нуждалось, по мнению крестьян, в незамедлительном реформировании. Так, зыряне Яренского уезда, отмечали бедственное положение, в котором они находились, в том числе собственную неплатежеспособность: «... за неимением в достаток сенных покосов, приходят не в состоянии указного подушного платежа и за свои души...»³; «крестьяне от помянутых, от недорода в каждый год обоего пола, да и от сносных земель, за неимением в достаток сенных покосов, приходят не в состояние указного подушного платежа и за свои души...»⁴; «да и к тому же лучшие владения стоят за Яренскими и вологодскими купцами»⁵. Кроме того, в своих указах они часто предлагали ряд мер, необходимых, с их точки зрения для улучшения сложившейся обстановки. Причем, важно отметить, что «в каждом пятом указе государственных крестьян Европейского Севера содержатся аргументированные предложения по изменению норм государственного законодательства»⁶. К примеру, крестьяне предлагают взыскивать подати, не только с них, но и с купца, владеющего землями в их волости: «нашей же волости у разных крестьян проданы для необходимой

¹ Колесников П. А. Указ. соч. – С. 164.

² Камкин А. В. Крестьянское правотворчество и государственное законодательство (по материалам второй половины XVIII в.) // Проблемы истории крестьянства Европейской части России (до 1917 г.): межвузовский сборник научных статей. – Пермь, 1982. – С. 178.

³ Указ Яренского уезда от крестьян Ошлапецкой волости // Коми край в XVIII веке: сб. документов / под общ. ред. А. К. Гагиевой. – Сыктывкар, 2012. – С. 42–43.

⁴ Указ Яренского уезда от крестьян Вожажской волости экономического ведомства // Коми край в XVIII веке: сб. документов / под общ. ред. А. К. Гагиевой. – Сыктывкар, 2012. – С. 44.

⁵ Указ крестьян Жешартской волости // Коми край в XVIII веке: сб. документов / под общ. ред. А. К. Гагиевой. – Сыктывкар, 2012. – С. 44.

⁶ Камкин А. В. Указ. соч. – С. 180.

нужды сенокосные земли Великоустюжскому купцу... с которых он в нашу волость никаких податей не платит и просят о том дозволения, чтобы благоволено было с него по раскладке мирских людей с тех владений взysкивать подушную и протчия государственных сборов деньги...»¹.

Справедливости ради, важно отметить, что российский законодатель принимал ко вниманию крестьянские просьбы. К примеру, в 1789 г. государственным крестьянам предоставляется право приобретать земельные угодья у помещиков: «Главной Дворцовой Канцелярии, повелено: покупать впредь по разсуждению той Канцелярии по смежности к волостям от помещиков малыя деревни с землями, не давая более 30 рублей за душу, а земли по выгодам, и променивать и покупать у помещиков, но с тем, чтоб за такая покупная земли те крестьяне, кому оныя земли надобны, или б свои деньги платили, или б, если на казенныя купятся, за каждую по покупке десятину давали в год по рублю 25 копеек оброку, и как таковыя покупки дозволено делать по разсуждению Главной Дворцовой Канцелярии...»².

Российский законодатель в 1797 году пытался решить проблемную ситуацию, связанную с «малоимением»³ земель у казенных крестьян, высказанную в крестьянских «наказах»: «...отдать из оброчных казенных земель такое количество, чтобы с находящеюся ныне у тех крестьян во владении было оное число по 15 десятин на душу; а где оброчных земель столь мало, что и чрез отдачу всех их того количества не составитя, там отдавать все, сколько их есть: ибо чрез таковое удовлетворение крестьяне, землями скудные, придут в лучшее состояние и сделаются исправными казенных податей плательщиками»⁴. Кроме того, законодатель юридически закрепляет уравнительную разверстку: «...для удобнейшаго прекращения впредь могущих произойти жалоб от крестьян в разверстке земель, предложить Правительствующему Сенату о учинении, ... о уравнительной разверстке... казенным крестьянам, неимеющим ... 15 десяток на каждую мужеска пола душу, отдать из оброчных казенных земель такое количество, чтобы, с находящеюся ныне у тех крестьян во владении, было оное число по

¹ Наказ Крестьян Ужгинской волости // Коми край в XVIII веке: сб. документов / под общ. ред. А. К. Гагиевой. – Сыктывкар, 2012. – С. 45.

² О наблюдении Начальникам Губерний, Казенным и Гражданским Палатам, дабы казенныя селения покупали земли у помещиков на основании Именных указов 1766 и 1788 годов от 26 октября 1789 г. // ПСЗ, Собрание (1649–1825): Т. 23 (1789–1796), № 16.813. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.01.2016).

³ Наказ крестьян Успенского погоста // Коми край в XVIII веке: сб. документов / под общ. ред. А. К. Гагиевой. – Сыктывкар, 2012. – С. 45.

⁴ О наполнении казенным крестьянам неимеющим указной пропорции земли, по 15 десятин на душу, и о предоставлении им во владение мельниц, построенных их иждивением от 27 ноября 1797 г. // ПСЗ, Собрание (1649–1825): Т. 24 (6 ноября 1796 - 1797), № 18.256. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.01.2016).

15 десятин на душу...»¹. Также законодатель предусмотрел следующую ситуацию: «а где оброчных земель столь мало, что и чрез отдачу всех их того количества не составится, там отдавать все, сколько их есть: ибо чрез таковое удовлетворение крестьяне, землями скудные, придут в лучшее состояние и сделаются исправными казенных податей плательщиками»². Законодательно оформляется право государственных крестьян на свободное переселение, в случае нехватки земли: «...ежели где у одних казенных крестьян земли недостаточно, а у других находится излишек, то сделать мероположение для дальнейшего уважения в Правительствующем Сенате, нет ли возможности и удобства учинить между ими полезное уравнивание переселением некотораго числа душ с одного места на другое и обращением в пособие сему казенных пустопорожних земель...»³. Таким образом, Российское государство «учло и законодательно оформило выдвигаемую значительной частью северного крестьянства идею об уравнивательных переделах земель»⁴.

Необходимо отметить, что прошения и челобитные от крестьян оказывали опосредованное влияние на позитивное право. Таким примером является история «законодательного оформления уравнивательных поземельных переделов»⁵, идея о которых «была подсказана правительству обедневшими малоземельными черносошными крестьянами»⁶.

В начале XIX века за казенными крестьянами закрепляется право приобретения земель без крестьян: «...признали Мы нужным право приобретение всяких под разными именами известных земель без крестьян... И в следствие того предоставляем не только купечеству, мещанству... но и казенным поселянам, к какому бы они ведомству ни принадлежали, равномерно и отпущенным на волю от помещиков приобретать покупкою земли от всех тех, кои имеют по законам право на продажу, и утверждать таковыя приобретения за собою совершением купчих каждому от своего

¹ О учинении Казенным Палатам уравнивательной разверстки земель между казенными поселянами вообще по Губернии и о представлении Сенату ведомостей о сей разверстке с положениями Палатскими, не отдавая земель во владение крестьянам от 19 августа 1798 г. // ПСЗ, Собрание (1649–1825): Т. 25 (1798 - 1799), № 18.633. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.01.2016).

² О учинении Казенным Палатам уравнивательной разверстки земель между казенными поселянами вообще по Губернии и о представлении Сенату ведомостей о сей разверстке с положениями Палатскими, не отдавая земель во владение крестьянам от 19 августа 1798 г. // Там же.

³ О переселении казенных крестьян в другие селения избыточные землями, не иначе, как по собственному желанию их от июля 1800 г. // ПСЗ, Собрание (1649–1825): Т. 26 (1800 - 1801), № 19.500. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.01.2016).

⁴ Камкин А. В. Указ. соч. – С. 178.

⁵ Камкин А. В. Указ. соч. – С. 185.

⁶ Камкин А. В. Указ. соч. – С. 185.

имени в учужденных на то местах законным порядком, собственность их ненарушимо ограждающим»¹.

Кроме того, в 1817 г. законодатель санкционировал заключение гражданско-правовых сделок с землей: «Сими постановлениями ясное сделано дозволение о переходе земель от крестьян, купцов и прочаго звания людей, к лицам другаго состояния посредством продажи, заклада и другаго рода сделок на основании законов...»². Важно отметить, что российский законодатель нормативно закреплял признание действия местных этнических правовых обычаев, наряду с действующим законодательством. В ст. 116 Устава о благоустройстве в казенных селениях сказано, что «... имущество домохозяина, по смерти его, за исключением семейнаго участка, строений и вещей, состоящих в хозяйственной описи, разделяется между наследниками, на основании общих законов и местных обычаев»³.

П. А. Колесников обозначил тенденцию, характерную для взаимодействия обычного и позитивного права в Российском государстве, начиная с XVIII века: «... взаимовлияние и определенная взаимозависимость между государственным законодательством и общественным сознанием крестьянства. Здесь наиболее явственно проявляется прямое и косвенное воздействие крестьянства... на законодателей»⁴.

В рассматриваемый период можно выделить факторы, способствовавшие сохранению и функционированию обычного права коми-зырян. Так, среди них можно назвать отсутствие компиляционных процессов, которые были бы направлены на упорядочение правовых обычаев и их письменную фиксацию, а также изъятие из правоприменительного оборота противоречивших друг другу правовых обычаев, что, несомненно, упрощало бы их использование. Подобный компиляционный процесс, который осуществлялся в странах романо-германской правовой системы Западной Европы в XV–XVII веках, приводил к «обесцениванию и обезличиванию» правовых обычаев. Такие обычаи, пройдя путь систематизации и облаченные в письменную форму, переработанные и нередко модернизированные, а также приспособленные к нововведениям, часто теряли свое первоначальное значение, причем понемногу превращаясь в часть правовой нормы.

¹ О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою земли от 12 декабря 1801г. // ПСЗ, Собрание (1649–1825): Т. 26 (1800–1801), № 20.075. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.01.2016).

² О дозволении перехода земель от крестьян к помещикам и обратно по законным актам от 31 января 1817 г. // ПСЗ, Собрание (1649–1825): Т. 34 (1817), № 26.649. – URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.01.2016).

³ Устав о благоустройстве в казенных селениях. – 1857. – URL: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/a04/12-2.pdf> (дата обращения: 04.01.2016).

⁴ Колесников П. А. Указ. соч. – С. 166.

Подводя итог, необходимо отметить, что государственным крестьянам во второй половине XVIII века была предоставлена уникальная возможность принять опосредованное участие в законотворческом процессе, путем оформления собственных обычно-правовых представлений и воззрений в «крестьянских наказах».

Сафронова Елена Викторовна

профессор кафедры конституционного и международного права

Юридический институт НИУ «БелГУ»

доктор юридических наук, профессор

Новиков Олег Александрович,

кандидат юридических наук

Сафронов Никита Алексеевич

аспирант кафедры теории и истории государства и права

Юридический институт НИУ «БелГУ»

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ПРАВОСЛАВНОЙ ДОКТРИНЕ

История человеческой мысли – это история духовного искания, стремления осмыслить мироздание, понять место, которое занимает человек в истории. Однако часто не принимается во внимание то, что мир имеет как материальное, так и духовное измерение. Если сравнивать различные политико-правовые доктрины, то нельзя не заметить, что с незапамятных времен история мысли, как и история человечества, проходила, и проходит под знаком борьбы двух противоположных начал – «идеи» Творца и «идеи» «восстания» против Него Его творения – человека. По словам Ж. ле Гоффа, - «Не осознавая ясно того, насколько «заняты» (замена авт.) были люди Средневековья жадой спасения... совершенно нельзя понять их ментальности, а без этого неразрешимой загадкой остается поразительная нехватка у них жажды жизни, энергии и стремления к богатству»¹. Н.М. Золотухина, говоря о политико-правовых идеях Древней Руси, отмечает, что: «...ключом к пониманию» мышления людей Средних веков «является «толковый словарь» символов Священного Писания [загл. авт.]»².

Впрочем, можно представить историю политико-правовой мысли и как некий «непрерывный прогресс» - процесс освобождения от религии, что отчасти будет верно применительно к западной мысли в последние пятьсот

¹Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2004, - С. 50.

²Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. – М., 1985. – С. 5.

лет, или даже ранее, - если «точкой отсчета» считать церковный раскол, который обрел явные контуры к 1204 году – после завоевания Константинополя крестоносцами (когда «стремление к богатству» все же «соорудило» первые бастионы в душах европейцев).

Христианский взгляд на историю приводит к выводу о противостоянии Божественного Замысла, воплощенного при Сотворении человека (этот догмат принадлежит к числу основных в христианском вероучении¹), - который прошел через его Искупление Христом и история которого, отражается, в частности, в эсхатологии, – учении о судьбах мира и человека, и сил, которые этому Замыслу противостоят. Сам человек, являясь своеобразным «орудием», делает свой выбор, становясь на сторону добра или зла, - определяя для себя «добро» и «зло», даже в том случае, когда он отказывается от такого признания, ибо «отказ» – также выбор человека, не остающийся без последствий. «Что здесь цивилизации? ... почему не все они родились под сенью креста? Потому что Творение сложнее, чем кажется. Ведь от всей партитуры пьесы люди знают лишь один небольшой фрагмент, да и то нетвердо»², – отмечает Д. Володихин. Христианство занимает совершенно особое положение по отношению к иным религиям, так как все религии только ищут Истину, а Православное христианство ей обладает. Можно сказать и то, что остальные религии – вовсе не религии в том плане, что их нельзя сравнивать с христианством. Если в иных религиях, обращение к Создателю якобы нужно Ему, то в христианстве оно необходимо, прежде всего, самому человеку.

Прежде всего, стоит отметить, что христианство изначально ищет смысл, оправдание человеческой жизни вне материального мира. Например, по словам христианского подвижника Исаака Сирина, «Отрешение от вещества по своему происхождению предшествует союзу с Богом»³. Подробный анализ происхождения греха содержится во многих произведениях Св. Отцов Православной Церкви. Так, например, Авва Дорофей пишет: «Бог сотворил человека по образу Своему... Но когда он [человек] преступил заповедь... отпал от естественного (состояния)⁴ и впал в противоестественное, и пребывал уже в грехе... Тогда мало-помалу начало возрастать зло... И тогда то благий Бог, умилосердившись над своим созданием, дал ему через Моисея написанный закон»⁵. То есть, здесь напрямую отмечается, что право есть ни что иное, как следствие греха.

¹ Митрополит Макарий (Осинюк). Эсхатология Св. Григория Нисского. Киев, 2006. – С. I.

² Традиция и русская цивилизация. М., 2006. – С. 44.

³ Творения Аввы Исаака Сирина. Слова подвижнические. – М., 1993. – С. 6.

⁴ Состояния единения с Творцом.

⁵ Авва Дорофей. Душеполезные поучения. - Псков, 1994, - С. 20.

Однако, закон при этом говорит: «Возлюби Господа Бога твоего всею душею твоею, и всею мыслию твоею (Второзак. 5). Таким образом, человеку подсказывается некий «магистральный путь», – то, из чего он должен исходить в своих поступках. Это делается прежде всего потому, что так будет лучше для самого человека. Нарушение нравственного закона всегда негативно сказывается и на государстве, и на обществе, и на жизни отдельного человека. Об этом свидетельствует опыт истории. И вопрос здесь, в первую очередь, – о наличии, и, одновременно, – о совершенстве нравственного закона, так как несовершенный закон не может в полной мере претендовать на звание «нравственного». В связи с этим, Авва Дорофей продолжает: «И так, благий Бог дал закон в помощь для обращения от зла, для исправления онаго; однако оно не исправилось... И Иеремия¹ также говорит: «врачевахом Вавилона, и не исцѣльл» (Иер. 51, 9)... Тогда, наконец преблагий и человеколюбивый Бог послал едиnorodного Сына Своего; ибо один только Бог мог исцелить такую болезнь»². Здесь подчеркивается важность принятия Христа, как единственного Искупителя. Точно также, государство, считающееся христианским, призвано основываться в своей политике на нравственном законе христианства. Цель христианства, и через него, – христианской политики, – не только установление правил человеческого общежития, как в Ветхом Завете, а уничтожение самой причины зла – греха. Причем нарушение закона становится грехом, так как «Грех есть преступление (нарушение) заповеди Божией, или... грех есть беззаконие (1. Ин. 3,4)»³. По словам Иоанна Лествичника, «законопреступником» является тот, кто совмещает Истину и ложь⁴. Стоит также отметить, что указанный подход сохраняется и в современной Православной Церкви. Например, Свт. Николай Сербский (Велимирович) говорит о том же применительно к событиям сербской истории XX века: «Мы оскорбили Господа и были наказаны. Попрали все, что было свято для наших отцов, и сами ныне попираемы. Не было в наших школах веры, в политике – честности, в армии – патриотизма, на государстве – благословения Божия. Потому и погибли... Двадцать лет⁵ мы старались не быть похожими на самих себя, и за это покрыла нас тьма чужеземная... Каким путем пойти нам теперь? Не тем, только не тем, которым двадцать лет шли»⁶.

¹ Ветхозаветный Израильский Пророк.

² Авва Дорофей. Душеполезные поучения. - Псков, 1994, - С. 20-21.

³ Шиманский Г.И. Учение святых отцов и подвижников Православной Церкви о борьбе с главными греховными страстями и о добродетелях. – М., 2007, - С. 18.

⁴ Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица, возводящая на небо. - М., 2006. – С. 25.

⁵ Святитель имеет ввиду период после окончания Первой мировой войны – в 1918-1941 гг.

⁶ Николай Сербский, святитель. Сквозь тюремное око. – М., 2006. – С. 9-11.

В то время как современная доктрина католичества говорит об обратном. Например, в документах Второго Ватиканского Собора (1962-1965 гг.) отмечается, что «...Церковь и сообщество служат... призванию одних и тех же людей. Свое служение ради всеобщего блага они будут нести тем успешнее, чем лучше они будут развивать здоровое сотрудничество между собою, принимая во внимание условия места и времени»¹. По словам Антонио Меннини, – представителя Ватикана в России (в 2006 году), «Государство и Церковь, хотя разделенные и независимы... служат одним и тем же людям... чтобы, как гласит, например, 1-ая глава соглашения между Италией и... [Ватиканом] 1984 г., они могли содействовать «развитию человека и благу государства»»². Здесь просматривается, прежде всего «курс» на «широкий компромисс» с миром. Для этого достаточно сравнить приведенные слова с VI Новеллой Св. императора Юстиниана: «Есть два величайших блага, дары милости Всевышнего людям – священство и царство. Каждое из этих благ, дарованных людям, установлено Богом, имеет свое собственное назначение. Но, исходя из одного и того же начала, оно и проявляется в единении, в совместной деятельности»³. Какова же цель, которую преследовал император в своей Новелле? Почему в христианской империи появилась концепция симфонии властей?

Поскольку право является следствием греха, то сам грех и его последствия необходимо преодолеть, – ибо оправдать существование права можно только в том случае, если оно служит высшим идеалам. Для Византийской империи таким идеалом было «воцерковление» общественной жизни, стремление к которому воплощалось в политической доктрине и законодательстве империи «ромеев».

Так, например, по словам Исагоги, – византийского законодательного и литературного памятника: «Цель патриарха – во-первых, та, чтобы тех людей, которых он принял от Бога, охранять в благочестии и чистоте жизни... он должен всех еретиков по возможности обращать к Православию и единству Церкви... а еще приводить к перениманию веры своего служения... спасение вверенных ему душ; он должен жить во Христе и распяться для мира... Царь же имеет подкреплять, во-первых, все написанное в Божественном Писании, потом также все догматы, установленные семью Святыми Соборами...»⁴.

Новелла императора Романа I Лакапина (920-945 гг.), вообще представляет собой исключительное явление среди когда-либо издававшихся

¹ Отделение Церкви от государства – хорошо это или плохо // Фома. - 2006. - № 9(41).

² Там же.

³ Шмеман А. Исторический путь Православия. – Киев, 2003. - С. 205.

⁴ Там же. - С. 276.

законов. В ней, в частности, император говорит: «Есть люди, которые заботятся только о земных благах и временном благополучии, отказываясь, таким образом, от прав на небесные награды, и забывая о Дне Судном. Такие люди... причина всех бедствий; отсюда происходят всяческие замешательства, отсюда великие и долгие страдания и многие стоны бедных. Но за бедных вступаетея сам Господь. Если же Сам Бог, возведший нас на царство, восстает на отмщение убогих, то как можем мы пренебречь своим долгом или вконец забыть о своей обязанности, когда именно от очей царских бедняк ждет себе здесь утешения»¹. Сама Новелла была направлена на защиту крестьянского землевладения от злоупотреблений со стороны т.н. «властелей», - сельской «аристократии».

«...Немало мы были обременяемы жалобами бедных... и, много раз путешествуя к войскам и проходя области царства нашего, собственными глазами видели совершающиеся ежедневно несправедливости и обиды в отношении к ним... Не должны ли мы сами вступиться, обуздать сильных, поддержать бедных в принадлежащих им правах, которые злым образом бывают у них отнимаемы или похищаемы обманом»², – говорит другой византийский император, – Василий II Болгаробойца (976-1025 гг.), в 26-й Новелле, изданной в 988 году.

Основой права при святоотеческом подходе является не «автономная» человеческая воля, а Божественный Закон, следование которому раскрывает способности человека, обозначает цель его жизни, которая «на Небесах». Нравственный закон, о котором современная юридическая наука почти ничего не говорит, является неизменным, вне зависимости от исторических условий, или отношения к нему. Если подходить к этому с христианских позиций, то нравственный закон иных религий в упрощенном виде можно назвать искажением христианского нравственного закона. При этом любая религия так или иначе говорит об Истине, в то время как допущение существования «нескольких» истин уничтожает религию. Христианский писатель, Максим Исповедник так говорит об Истине, по его словам – «истинном ведении»: «Разумным [существам] присуща естественная красота – слово. Красотой слова является строго сообразное с разумом разумение словесных [тварей]; красотой же разумения – ...навык... в добродетели под руководством разума. А красотой этого навыка служит безошибочное созерцание, возникающее из истинного ведения, целью которого является

¹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. Период Македонской династии (867-1057). - М., 2002. - С. 316-317.

² Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. Период Македонской династии (867-1057). - М., 2002. - С. 318.

мудрость, это яснейшее завершение разумения, представляющее собой как бы разум, приведенный в состояние совершенства по естеству, каковым и является чистый ум, достигший в соединении с Причиной [всего] премысленного состояния. В этом состоянии... он неведомым образом придерживается только одной этой Причины...»¹. По его же словам, «злом является забвение истинных благ»², а «чистое служение – доведенное до совершенства житие [наше]»³. Таким образом, становится понятно, что власть, руководимая такой идеей, не могла остановиться на «полпути», провозгласив только лишь религиозную свободу, а закономерно пришла к необходимости христианизации государства и самому активному участию в «устроении» церковной жизни, причем без каких бы то ни было просьб со стороны самой Церкви.

Вместе с тем, вопрос о том, почему государство, общество и человек должны следовать Божественному Закону, если исследовать только лишь раскрытие проблемы греха в произведениях Отцов Церкви, является в определенной степени открытым, так как необходимо понимание этого. Однако человек находится в силу самого факта своего рождения в самых тесных отношениях с Богом, так как он – Его творение. Так, например, Апостол Павел говорит в своем послании Коринфянам: «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние?» (1. Кор., 12 : 13-17).

Прежде всего, стоит отметить, что, по словам Иоанна Кассиана Римлянина, «...мы не должны думать, чтобы Бог сотворил что-нибудь по существу злое, когда Св. Писание свидетельствует: все, что Бог сотворил, весьма хорошо (Быт. 1, 31)»⁴. По словам Филарета Московского, - «Бог есть Господь наш по праву сотворения, – если мы почитаем собственным дом, который создаем... то не без сравнения ли большее право имеет Бог, как собственностью Его распоряжаться всем, что мы имеем и что есмы?»⁵.

Приводя пример Евангельских Притч о расслабленных, епископ г. Фессалоники, Свт. Григорий Палама говорит: «Что было причиной болезни в

¹ Максим Исповедник. Творения. В II кн. Кн. II. Вопросыответы к Фалассию. Часть I. Вопросы I-IV. – М., 1994. – С. 18.

² Там же. – С. 19.

³ Там же. – С. 57.

⁴ Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. – М., 1892. – С. 562.

⁵ Филарет Московский. Творения. Слова и речи. Т. 1. (1803-1821 гг.). – М., 2003. – С. 207.

них? – Грех... Оный Иерусалимский расслабленный лежал при исцеляющей Силоамской купели, так и вы отнюдь не отступали от... Церкви, но, как и тот не имел помощника, так и у вас не было здесь пастыря»¹. Таким образом, Григорий Палама говорит здесь как раз об участии Церкви в общественной жизни, ее содействии созидательным начинаниям власти, так как, по словам Амвросия Медиоланского: «Учительство составляет существенную обязанность епископского звания»².

О каждой идее можно судить в полной мере только лишь в случае ее наиболее полного осуществления. Так, например, порочность фашизма, наиболее последовательно воплощенного в Германии, очевидна. Сложнее обстоит дело с коммунистической идеологией, которая и в наше время имеет немало сторонников и часто представляется противоположностью либерализма. Однако коммунизм также ищет земного «рая», отказываясь, по словам Новеллы византийского императора Романа Лакапина (920-945 гг.), от «прав на небесные награды, и забывая о Дне Судном»³. Однако необходимо учитывать, что ее воплощение происходило далеко не в «чистом виде», как это может показаться. Так, например, Ф. Энгельс, в ответ на речь русского революционера М. Бакунина на общеславянском конгрессе в Праге в 1849 году о «братских революционных народах», сказал, что «речь идет не о братском союзе всех революционных народов... а о союзе революционных народов против контрреволюционных»⁴. Это, несомненно, роднит теоретика коммунизма с фашизмом. В России коммунизм впитал такие традиционные доминанты русской, или даже православной, византийской культуры, как соборность, стремление к справедливости (Правде), поиск Истины, и др. То же самое можно сказать и о Китае, где западная «псевдорелигиозная ересь» (коммунизм, по словам А.Дж. Тойнби) образовала синтез с конфуцианской этикой. Что же касается либерализма, то его наиболее полное и последовательное воплощение пока еще не наступило. Однако в истории есть пример Римской империи, где с одной стороны, человек был «мерой всех вещей», и, например, Апостола Павла как римского гражданина специально повезли на суд в Рим, а с другой – тысячи таких же людей, хотя и не граждан Рима, гибли не на полях сражений, и даже не в каменоломнях, а в гладиаторских боях. Вместе с тем, при светском подходе нельзя затронуть проблему «вреда» того или иного государства для Спасения душ людей – того,

¹ Беседы (Омилии). Свт. Григорий Палама. – Монреаль, 1965, - С. 18.

² Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. Три книги. Кн. Первая. Казань, 1908. – С. 3.

³ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. Период Македонской династии (867-1057). - М., 2002. - С. 316.

⁴ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2004, - С. 160.

чему призвана служить Церковь. Наличие противостоящих друг другу человеческих амбиций в таких условиях становится, пожалуй, главным препятствием к Спасению. Причем корень проблемы заключается в злоупотреблении человеческой свободой, когда личность становится на место Творца. По словам Свт. Филарета, митрополита Московского: «Как произошло зло? – Оно произошло так, как происходит темнота, когда зажмуришь глаза. Сотворивший око не виноват, что ты закрыл глаза и тебе стало темно»¹. Он же говорит, что «Свобода, исключаяющая всякую возможность уклонения от добра, есть всесовершенная, Божеская»².

Однако нельзя не рассмотреть также и примеры того, когда даже при формальном сохранении в обществе определенной, - внешней религиозности, тем не менее, речь идет о фактическом отступлении от Истины. При этом очевидны параллели как раз с атеистическими режимами и обществами, подчас в самых резких их формах. Так, например, американские пуритане строили «земной рай», что подтверждает мысль А. де Токвиля о том, что цивилизация Америки основывается на исключительно приземленных идеях, которые не имеют, в сущности, никакой внутренней связи с христианством. Власть над миром, к которой стремятся Соединенные Штаты, получает свое теоретическое обоснование в т.н. «идеи божественного предопределения».

Интересы одной страны, или, точнее одной нации – англосаксов «становятся» интересами всего человечества. И, кроме того, все действия этой нации оправданы, так как человек стал «истиной», и лучше всего этот идеал воплощается в англосаксах. Необходимо отметить, что идея о единстве всего «англосаксонского мира» проходит красной нитью через многие произведения. Так, например, о ней писал У. Черчилль, Р. Киплинг называл ее «долгом белого человека», колонизатор и, одновременно, идеолог английской экспансии С. Родс, в честь которого были названы две английские колонии (на территории которых в настоящее время существует две африканские страны), прямо говорил, что «...мы первая раса на Земле и чем шире мы населим мир, тем лучше будет для человечества»³. По словам французского мыслителя А. де Токвиля «царства свободы нельзя достичь без господства нравственности, также как нельзя сделать нравственным общество, лишенное веры»⁴.

Однако нельзя не принять здесь во внимание факт появления христианства. Истина Христа «обновила» человечество, и чтобы «запустить»

¹ Филарета, Митрополита Московского и Коломенского творения. – М., 1994. – С. 341.

² Там же. – С. 341.

³ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2004, – С. 67.

⁴ Токвиль. А. де. Демократия в Америке. - М., 1994. – С. 33.

разрушительные процессы, требовался новый «импульс», так как культура, будучи отражением реальности, базируется на определенном фундаменте и отражает ценности, существующие в обществе. Отличительная особенность христианства – целостность, проникновение Истины во все сферы общественной жизни. Христианство принесло в мир солидарность – соборность. Оно говорит об этическом равенстве людей – «едином христианском народе», обществе «равных возможностей» для спасения души, об абсолютных критериях добра и зла. Свт. Григория Палама так говорит жителям Фессалоники¹, после его назначения на епископскую кафедру в этом городе: «...мы... являемся братьями друг другу как сущие от одного земнородного Адама и едино сотворенные по образу Божию. Мы же... [«ромееи» – византийцы, жители Фессалоники] являемся братьями друг другу и как чада одного и того же народа... особенно – как все обладающие богатством иметь общую Матерь – Священную Церковь и Православие... Но... часто приходящая ненависть уничтожила наше единство... говорю не в целях порицания, но для того, чтобы, познав болезнь... стали внимательны»².

В настоящее время такое общество воспринимается совсем по-иному, чем тысячу или пятьсот лет назад. «Облегченное» христианство, из которого изъята его главная часть – следование воле Творца – смирение, перестает быть таковым. В государственной жизни, в отличие от жизни отдельного человека, это не всегда сказывается сразу, – как только общество перестает вкладывать реальное содержание в слова «Да будет Воля Твоя». Человек, отказавшийся, в отличие от ветхозаветного Исаака, пожертвовать ради Истины самым дорогим, со временем теряет все. «Где будет сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Так, например, отказавшись от Православия, Византия прекратила свое существование, так как власть утрачивала свою «дееспособность» в эпохи, когда стремилась следовать сиюминутным целям, какими бы благими они ни казались на первый взгляд. Такая ситуация имела место в период заключения церковных уний с католическим Западом с целью спасения гибнущего государства. Но власть добила лишь того, что подданные с сожалением отвернулись от империи, существование которой только ради самого существования, оказалось им просто не нужным. Будущий Константинопольский патриарх Геннадий Схоларий, который в то время находился в уединенном монастыре, писал за 14 лет до падения столицы Византии: «О жалкие ромееи! Зачем вы сбились с праведного пути: удалились

¹ В настоящее время: г. Салоники в Греции.

² Беседы (Омилии). Свт. Григорий Палама. – Монреаль, 1965, - С. 15-17.

от надежды на Бога и стали надеяться на силу франков; вместе с городом¹, в котором все будет разрушено, отступили вы и от благочестия вашего?... Обратите, несчастные граждане внимание: что делается? Вместе с пленом, который скоро настигнет нас, вы отступили и от отеческого предания и стали исповедовать нечестие. Горе вам, когда придет на вас суд Божий»².

Важной частью христианской духовной традиции является «бегство» от мира, от его соблазнов, будь то соблазны индивидуальные или «коллективные» – земное богатство, власть, и т.д.

Следствием проникновения мирского духа в западное христианство, своеобразным импульсом разрушения христианской культуры, стало католичество, вернее церковный раскол, в результате которого появилось и папство, и современная западная цивилизация. Как отмечал перешедший из католичества в Православие архимандрит Владимир Гетте, – «папство с девятого столетия захотело наложить на Вселенскую Церковь – и притом во имя Божие – иго, неизвестное в первые восемь веков»³. Вряд ли со всей точностью можно было бы определить с чего именно начался этот процесс, однако очевидно стремление к тому, чтобы поставить волю человека и сиюминутный интерес, выше мнения Церкви и авторитета Вселенских Соборов, проявившееся при возникновении Западной цивилизации. Таким образом, логичным представляется вывод о том, что Запад - это цивилизация разрушения, а развитие материальной стороны жизни только скрывает духовное оскудение. Так, например, К.Н. Леонтьев, сравнивая существование государств с жизнью людей, писал, что человек и во время болезни может отличаться «бурной деятельностью», вернее, ее иллюзией, но это не скроет сам факт болезни. И здесь можно выделить по крайней мере две предпосылки возникновения западноевропейского гуманизма:

- стремление к «земному царству». Так, например, в 800 году на Западе появилась «своя» империя и «свой» император – в противовес Византии, что в политических категориях того времени было немыслимо, так как христианский мир рассматривался как единое целое.

- стремление поставить акцент на человеческой природе Христа, что, возможно, с одной стороны, имеет основанием арианство⁴, которое отрицало Божественность Спасителя, а с другой, – также отражает стремление к

¹ Геннадий Схолярый говорит здесь о Константинополе, который в Византии называли просто «город», как впрочем, называют и сейчас в Греции и в греческом мире.

² Архимандрит Тихон (Шевкунов) Византийский урок. <http://www.otechestvo.org.ua/main/20082/1307.html>. (Дата обращения – 4.05.10).

³ Архим. Владимир (Гетте). Папство как причина разделения церквей, или Рим в своих сношениях с Восточной Церковью. – М., 2007. – С. 243.

⁴ Учение, осужденное как ересь, согласно которому Христос имеет не Божественную и человеческую природу, а только человеческую.

«земному», к «приближению небесного», которое, однако, можно «совершить» без соответствующего духовного опыта.

От внешнего «подражания Христу» проистекает и особое отношение к «правам» человека, его достоинству, что проявлялось, среди прочего и в рыцарской культуре. Ведь если человек, таким образом, «приближается» к Христу без чувства смирения перед Ним, то это является питательной почвой для развития представлений об исключительной самоценности человека, завуалированной в идее его «прав». Кроме того, как писал А.С. Хомяков, «...Церковь для западного христианина сделалась чем-то внешним... она обратила человека себе в раба, и, вследствие этого, нажила себе в нем судью... Как только авторитет сделался внешней властью, а познание религиозных истин отрешилось от религиозной жизни, так изменилось и отношение людей между собою: в Церкви они составляли одно целое, потому что в них жила одна душа; эта связь исчезла, ее заменила другая – общеподданническая зависимость всех людей от верховной власти Рима»¹.

Причем запад «паразитировал» на Византийской империи, так как им не было выдвинуто в то время ни одной своей идеи. Однако, понимая ущербность такой «традиции», несправедливость «кражи империи», Европа постепенно приходит к необходимости завоевания Византии. По словам русского византиниста Ф.И. Успенского, «то обстоятельство, что императорское достоинство сохранилось в Византии, наполняло умы политических деятелей Западной Европы озлоблением. Неудивительно поэтому, что очень рано возникла на Западе мысль о том, что нужно во что бы то ни стало отнять императорское достоинство у византийских царей»². Говоря о захвате Константинополя крестоносцами он задает вопрос о том, как могли христиане так «озлобиться»³. По словам же А.С. Хомякова, «Самим своим действием (то есть самовольным изменением символа⁴) римский мир подразумевательно заявил, что в его глазах весь Восток был не более как мир илотов в делах веры и учения»⁵. Как отмечает В.В. Сорокин, либерализм перенял у протестантизма и католичества представление о нравственной мотивации человеческих поступков, как о чем-то внешнем: «Бог, по католическому учению, ищет не святости как общего устройства души, а

¹ Хомяков А.С. Дар песнопенья; О старом и новом; Церковь одна; Труженик. – М., 2007. – С. 267.

² Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 1. Период I (до 527 г.). Период II (510-610 гг.). – М., 2001. - С. 52.

³ Там же. – С. 53.

⁴ Символа Веры.

⁵ Хомяков А.С. Дар песнопенья; О старом и новом; Церковь одна; Труженик. – М., 2007. – С. 264.

именно обнаружения этой святости вовне. А в протестантизме утверждается, что земной успех человека... есть свидетельство Божьего поощрения...»¹.

Эволюция Запада с тех пор связана с воплощением двух отмеченных выше идей, которые порождали разнородные явления. Так, протестантизм стал закономерным следствием католичества, - ведь если Истину может выражать один человек, то почему этого не могут делать все? Католичество «взяло» то, что Христом предназначалось «кесарю» и потеряло «оба меча». Протестантизм, в сущности, не претендовал ни на то, ни на другое, так как религия стала превращаться в «частное дело». По словам А.С. Хомякова, - «Протестантство значит... отрицание догмата, как живого предания, короче: Церкви»². Кроме того, он связывал Реформацию с насильственным распространением христианства среди германских племен³ (например, среди саксов в северной Германии). Религия превратилась в предмет политического торга в эпоху Реформации и Контрреформации, а также в последующее время, когда в Европе существовал принцип «чье государство, того и вера». Безрелигиозное по сути, а даже не по форме абсолютистское государство, стало условием и «питательной средой» для появления идеи, которая развивает это антирелигиозное начало – либерализма. «Мавр» абсолютизма «сделал свое дело» и вскоре должен был «уйти» с исторической сцены, открыв место скрытым формам того же абсолютизма. Точно также, как и в наше время, существует, например, скрытый колониализм – эксплуатация стран «третьего мира», которой уступили место колониальные империи, ставшие «несовременными» после второй мировой войны. И, наконец, современный мир провозглашает «единственной» Истиной человека. По словам Н.А. Нарочницкой, – «Христианская идея преображения мира, обожения человека извращается... в убеждение, что жизнь можно и нужно преобразовывать, исходя не из души, а из вещного мира. Неизбежное сосредоточение на конкретных земных потребностях вело европейского человека, с одной стороны, к равнодушию и теплохладности, с другой стороны, к оформлению общественного идеала и социального протеста, противоположному христианскому – в построении царства человеческого по своим критериям. На уровне духовном... происходит вырождение духа и высших ценностей»⁴, когда эсхатологические мотивы прикрывают вполне «земные» цели (как, например, фактическое уничтожение геополитических

¹ Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. – М., 2007. – С. 129.

² Хомяков А.С. Дар песнопенья; О старом и новом; Церковь одна; Труженик. – М., 2007. – С. 260.

³ Там же. – С. 195.

⁴ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2004. С. 39.

соперников, оправдываемое в доктрине американского мессианства), а некогда вселенские устремления утрачивают духовное содержание.

Что и выразилось в знаменитом выражении Р. Декарта: «мыслю – значит – существую». Французский мыслитель сделал один из первых шагов в сторону «освобождения» от религии, но этот шаг, бесспорно, принадлежит к числу самых важных, так как на место веры становится разум, а впоследствии, – на место Творца – человек. По словам католического епископа Марселя Лефевра, – «Субъективизм заключается в придании свободы мышлению, тогда как высокое достоинство мышления состоит, наоборот, в подчинении мышления своему субъекту... Не мышление творит вещи, но, напротив, вещи предписываются мышлению – такими, каковы они есть... Следовательно,... кто ищет истинного, должен отказаться от себя, от построений своего рассудка, отказаться от изобретения истины... Исторически это освобождение субъекта от объекта (от того, что существует) было реализовано тремя людьми. Сначала ЛЮТЕР (Прим: все загл. авт.) отверг авторитет Церкви... Он ввел свободу совести, исходя из ложно понятого библейского вдохновения – вдохновения индивида! Затем ДЕКАРТ и его последователь КАНТ систематизировали субъективизм: разум замкнулся в себе самом, он знает лишь свое собственное мышление... Наконец, РУССО: избавившийся от своего объекта, утративший здравый смысл, субъект остается беззащитным перед общественным мнением. Мышление индивида растворяется в общественном мнении... и такое мнение будет создаваться технологиями группового манипулирования... на наших глазах происходит распад субъекта, готового теперь подчиняться любым разновидностям рабства»¹.

В то время как христианская Традиция говорит о том, что «начало мудрости – страх Божий», а царь Давид восклицает о себе: «...червь, а не человек, поношение человеков и позор людей» (Пс., 21:7). Нетрудно заметить, что в последнем случае видно христианское смирение. «Мыслю» и «верю» – разные стороны мировосприятия. Можно мыслить, но не верить, однако верить, но не мыслить – невозможно. «Мыслю» вообще, вне Бога, и необязательно о нем, – тем самым утверждается «автономность» воли человека, иначе говоря, оправдывается то, что человек, в сущности, превращается в идола, – в предмет поклонения. Была подготовлена почва для воплощения самооценности человека в формуле «свобода, равенство и братство», которое можно понимать как свободу от нравственности, равенство Истины и лжи и объединение человечества на основе двух первых принципов в новое «братство», – в противовес христианскому «братству во

¹ Лефевр. М. Они предали Его. От либерализма к отступничеству. – М., 2007. – С. 63-65.

Христе». Однако, следуя иллюзии «свободы», человек всецело подчиняется этим принципам (что приводит к новому рабству), забывая Слова Библии: «Истина сделает вас свободными». И эти идеи были перенесены в Россию, в то время как, например, по словам митрополита Антония Храповицкого, в частности, Ф.М. Достоевский признавал и нигилизм, и революцию «явлением совершенно наносным, выросшим в Западной Европе на почве борьбы буржуазии с пролетариями при потере тою и другими высших целей жизни...»¹. Отмеченные идеи противоречат также и христианской традиции, – Домостроительству Спасения – действию Христа для Спасения человека².

Важная сторона государственной и общественной жизни, принадлежность самой «идеи государства» – это наличие некоего сверхправового начала. Его же можно назвать и сверхгосударственным. Анализ антихристианской идеологии в настоящее время исключительно важен, поскольку исторический материал вплоть до второй половины – конца XX века не давал столь значительной «пищи для размышлений», как сейчас. В настоящее время и религиозные и светские государства изучаются в рамках одного – «светского» подхода, в рамках только лишь категорий «светской» науки, и неудивительно поэтому, что многие феномены, порожденные религией, религиозным восприятием бытия, не получают должного освещения, в силу которого невозможно их адекватное понимание. Это в полной мере относится к феномену византизма – практическому воплощению христианской модели государства.

Однако на основе только лишь «светского» подхода невозможно в полной мере исследовать явления, порожденные протестом против религии, - например, либерализм, так как они рассматриваются как некие самоценные феномены. Таким образом, непонимание религии порождает непонимание жизни (так как в Евангелии говорится, что Христос «есть Путь, Истина и Жизнь»), не говоря уже о ее смысле и предназначении человека и мира. Поскольку не только исторические условия различных эпох часто диктуют различие моделей поведения человека, но и, что гораздо важнее – поведение людей может быть противоположным в рамках одного, сравнительно короткого, отрезка времени. При этом возможно и сходство мировоззрения и поведенческих моделей между обществами разных эпох. Таким образом, напрашивается вывод о том, что указанные сходства и различия находятся в прямой зависимости от тех идей, которые господствуют в определенную эпоху, в каждом отдельно взятом обществе.

¹ Ф.М. Достоевский и Православие. Публицистический сборник статей о творчестве Ф.М. Достоевского. – М... – С. 11.

² Епископ Николай Мефонский и византийское богословие: сб. иссл. – М., 2007. – С. 190.

Эти процессы находят свое выражение, в том числе, и в науке. И важной проблемой современной юридической науки в России является восстановление исторической преемственности русской мысли, которое в значительной степени также способствовало бы целостной оценке различных феноменов, в том числе, и права. На протяжении XX века Россия утрачивала свои идеалы, и общество в новом веке не может понять даже то, «во что оно не верит», а тем более определиться с тем «во что верить». Отрицание какой бы то ни было традиции стало характерной чертой определенной части общества в России, которое во многом и определило катастрофы в ее истории в прошедшем веке. Однако это отрицание отчасти затрагивает хотя бы на уровне деклараций все общество. Характерной особенностью современной науки является ее «светскость» - то есть многовековой опыт государств и правовых систем, которые основывались на религиозном фундаменте, если и не игнорируется, то, во всяком случае, рассматривается как нечто «низшее» по сравнению с той эпохой, когда право и политика «освободились» от религии, между тем как из поля зрения исследователей исчезает тот факт, что атеистическая мораль – отрицательная, она как раз и живет только лишь за счет отрицания религии, в сущности, по-прежнему «питаясь» ей. По словам Н.А. Нарочницкой, – «вопрос о соотношении современных историко-философских и социологических доктрин и христианского учения важен не только с точки зрения веры и судьбы христианства. Сопоставление категорий и ценностей современного общественного сознания с христианским наследием имеет огромное научное значение и не может не интересовать ученого-обществоведа... поскольку обществоведение по определению исследует воплощение в историческом процессе тех или иных идей»¹.

Однако вопрос о соотношении религии и права, проблема религиозных источников правовых норм интересны в наше время еще и вследствие кризиса современной цивилизации. Таким образом, на основе обращения к источникам, которые говорят о праве как следствии греха, и необходимо исследовать политико-правовую доктрину и политическую практику христианских государств. Нельзя сказать, что такой подход является оригинальным, так как он воспроизводился в разных формах в истории политико-правовой мысли. Однако само развитие политико-правовых доктрин на протяжении длительного времени рассматривалось в виде некоего «магистрального пути» - борьбы «прогресса» и «реакции». Но путь «прогресса» привел к многочисленным негативным последствиям, и, например, голландский исследователь Й. Хейзинга ищет, по словам

¹ Там же. – С. 6.

Н.А. Нарочницкой, «более глубокий подход, понимая, что «события, объяснить которые мы хотели бы в их взаимосвязи, можно рассматривать в противоположных парадигмах добродетели и греха, мудрости и глупости... силы и права, порядка и свободы, интереса и идеи, воли и обусловленности, индивидуальности и массы»¹. Таким образом, существует понимание того, что человечество, – мир, имеют определенную цель существования, и любая философия и политический режим основывается или на религии, или на ее отрицании.

В рамках первого подхода неизбежно отношение к формальному праву как к чему-то «священному», которое, необходимо отметить, не находит своего оправдания, так как правовые нормы создаются человеком. Но если человек, будучи творением (даже и «творением» природы, - продуктом ее эволюции, как в дарвинизме), встает на место Творца, то такой итог представляется вполне закономерным, так как он получает право объявлять по своему усмотрению Истину ложью, и наоборот, а грех отделяется от преступления. Такой «подход» получил свою реализацию, в частности, в истории ряда западных государств, население которых считалось «высшей» расой. Причем указанное замечание относится не только к фашистским режимам, но и к англосаксам, которые «несли» цивилизацию в Африку и Америку вместе с порабощением и истреблением местного населения, а в Азию – вместе с продажей опиума, которая оправдывалась принципом «свободы международной торговли». Такой подход к праву – только отражение глубинных явлений жизни общества, – «начала» будущего разложения, почвой которых служат все государства и народы, хотя и в разной степени.

Для изучения права, как следствия греха, представляется необходимым такой подход к нему, который акцентирует свое внимание одновременно и на идеях, на которых основывается право, и на их реальном осуществлении. Вместе с тем, в рамках этого подхода представляется необходимым выделение и ценностного ядра цивилизации – ее сверхценности, а также изучение той сферы, в которой она проявлялась, раскрывалась в наибольшей степени и, кроме того, результатов этого «раскрытия» сверхценности. Что же такое сверхценность? Она отражает собой нравственный идеал общества. Так, по словам Д. Володина, «внутри любой цивилизации существует невидимое нематериальное ядро, которое для удобства можно назвать сверхценностью. Это набор ключевых истин, которых придерживается социум... Сверхценность воспринимается цивилизацией как откровение. Она

¹ Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2004. – С. 14.

не может быть углублена, дополнена или модернизирована»¹. И «сверхценностью» для России является Православие.

Указанный подход требует четкого определения в системе ценностных ориентиров. Кроме того, ответы, получаемые «из» религии, стоят несравнимо выше философского знания, поскольку в религии воплощается и реальность, и отвлеченная идея. В силу этого религиозная философия, которая не ставит под сомнение догмы Церкви, предлагает целостное исследование проблем бытия.

Нравственный, или, религиозный закон – нравственная обязанность, основанная на религиозном подчинении, даже в обществе относительных ценностей требует «замены», и все большая роль в регулировании общественных отношений отводится праву. Как пишет Н.А. Нарочницкая: «Категории «личность» и «свобода», наполненные различным содержанием в зависимости от религиозного мировоззрения, не могут иметь универсального толкования... В либеральной философии главный вопрос – свобода «от чего» – предполагает перечисление «ограничителей». Православное толкование ищет ответ на вопрос – «для чего», и поэтому свобода неотделима от нравственного ориентира свободной воли»².

Христианский универсализм говорит совершенно об обратном – об объединении людей на основе Евангельского Откровения, при котором право получает прочное обоснование.

Император Никейской империи – Византии «в изгнании» (когда государство ромеев утратило свою столицу после IV Крестового похода), Феодор II Ласкарис (1254-1258 гг.) писал: «Философия принадлежит грекам, а нынче они ее выживают как иностранку. И поэтому она уйдет к варварам и прославит их. Вся былая духовная нищета последних падет на ее гонителей. Она станет врагом нашим и ополчится на нас. А разве можно справиться с мудростью? Поэтому она либо отдаст нас на погибель, либо сделает нас варварами. Пишу все это, охваченный мрачной тоскою»³. Слова императора применимы не только к его современникам – ромеям, для которых понятие философии было равнозначно термину «мудрость», «начало» которой «страх Божий». Отказ от этой мудрости, от традиций, от ценностей, которые на ней основаны, забвение истории - приводит к гибели государств и народов.

По словам Социальной Концепции РПЦ, «Право призвано быть проявлением единого божественного закона мироздания в социальной и политической сфере. Вместе с тем всякая система права, создаваемая

¹ Традиция и русская цивилизация. – М., 2006. – С. 7-8.

² Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2004. – С. 33-34.

³ Там же. – С. 285.

человеческим сообществом, являясь продуктом исторического развития, несет на себе печать ограниченности и несовершенства... Право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества... Однако в тех случаях, когда человеческий закон совершенно отвергает абсолютную божественную норму, заменяя ее противоположной, он перестает быть законом, становясь беззаконием...

Иными словами, человеческий закон никогда не содержит полноту закона божественного, но чтобы оставаться законом, он обязан соответствовать богоустановленным принципам, а не разрушать их... Когда же исполнение требования закона угрожает вечному спасению, предполагает акт вероотступничества или совершение иного несомненного греха в отношении Бога и ближнего, христианин призывается к подвигу исповедничества ради правды Божией и спасения своей души для вечной жизни»¹.

Агаджанян Анастасия Владимировна,
преподаватель высшей категории
ФГБ ПОУ «Кисловодский медицинский колледж
Минздрава России»
(Кисловодск)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

«Упорядоченному бытию противостоят хаос и абсурд, то есть бытие неупорядоченное. Хаос ... – это контрпорядок, необратимое смещение элементов системы, ее разрушение. Абсурд выражает обесмысливание предметов и отношений, потерю ими прежнего смысла, короче говоря, он есть контрсмысл»².

Заметим, что вопрос о процессуальных правоотношениях как самостоятельной правовой категории в российской правовой науке до настоящего времени является дискуссионным и недостаточно изученным.

¹ Основы социальной концепции РПЦ // Библиотека Веб-Центра «Омега», 2000. Используются материалы Официального сайта Русской Православной Церкви // <http://www.sedmitza.ru> (дата обращения – 11.04. 2010).

² Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 542-543.

В ряде случаев исследование данного вида правовых отношений происходит или исключительно в связи с юридическим процессом, или на отраслевом уровне¹.

Некоторыми авторами даже высказывается мнение об отсутствии процессуальных правоотношений как юридической категории. Например, А.А. Павлушина утверждает, что на уровне общей теории права понятие «процессуальное отношение» фактически лишено смысла и в принципе невозможно «развести» правовые отношения между субъектами на материальные и процессуальные. Но при этом делает следующий вывод: «Таким образом, налицо очевидная путаница, вызванная отсутствием общетеоретического понятия «процессуальное правоотношение», и далее: «... с научной точки зрения правильным является следующее обозначение: «процессуальная составляющая правоотношения» и «материально-правовая составляющая правоотношения», «материально-правовое содержание правоотношения» и «процессуально-правовое содержание правоотношения»². Следовательно, данный автор все-таки признает наличие процессуальных правоотношений в системе правового регулирования.

С точки зрения В.К. Бабаева, разграничение материально-правовых и процессуальных правоотношений имеет большое значение в делении правоотношений по отраслевой принадлежности. Процессуальные правоотношения возникают на базе процессуальных норм и производны

¹ См., напр.: Гражданский процесс: учебник / под ред. М.К. Треушникова. М., 2007. С. 82-92; Жильцова Н., Голиченко М. К вопросу о понятии гражданского процессуального правоотношения // Арбитражный и гражданский процесс. 2007 № 8; Кузовков В.В. О мерах финансово-процессуального принуждения предупредительного характера // Закон и право. 2007. № 7. С. 97-98; Погодина И.В., Попова З.В. О понятии и составе процессуального правонарушения как основания применения процессуальной санкции // Правоведение. 2007. № 4. С. 117-126; Демин А.А. Процессуальные правоотношения в административном праве // Труды Института государства и права РАН. 2009. № 1. С. 29-36; Машаров Е.И. Конституционно-процессуальное отношение: структура, виды // Закон и право. 2009. № 2. С. 10-14; Салищева Н.Г. Административно-процессуальные отношения: развитие на современном этапе, проблемы законодательного регулирования // Труды Института государства и права РАН. 2009. № 1. С. 17-29; Фролов М.В. К вопросу о понятии процессуального принуждения // Правонарушение и юридическая ответственность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тольятти, 2009. С. 342-345; Демин А.А. Рецензия на монографию М.Я. Масленникова «Российский административный процесс: перспективы легитимации, централизации и систематизации» // Административное право и процесс. 2010. № 1. С. 48-50; Муза О.В. Теоретические вопросы содержания административно-процессуальных правоотношений // Вестник Полоцкого государственного университета. 2013. № 6. С. 146-150; Алексеев Е.Ю. К вопросу о понятии и признаках процессуальных правоотношений в российской правовой системе // Право и практика. Журнал Кубанской коллегии адвокатов адвокатской палаты Краснодарского края. 2014. № 4. С. 4-11 и другие.

² Павлушина А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Самара, 2005. С. 441, 447, 449.

(вторичны) от материально-правовых отношений¹. И с этим мнением можно согласиться.

В свою очередь, Е.Г. Лукьянова предлагает следующее определение процессуальным правоотношениям: «это возникающее на основе норм процессуального права правовая связь субъектов процессуального права, взятая в единстве с их фактическим поведением»².

Приведем и точку зрения Е.Ю. Алексеева, который считает, что процессуальное правоотношение в российской правовой системе представляет собой динамичные организационно-управленческие отношения, возникающие на основе процессуальных норм права, выражающиеся в фактическом волевом поведении субъектов и направленные на установление режима законности³. На наш взгляд данное определение нуждается в следующем уточнении: процессуальное правоотношение должно возникать именно на основе процессуальных норм права.

Мы полагаем, что при определении понятия процессуальных правоотношений следует отталкиваться от общепринятого в теории права определения правоотношения с тем лишь уточнением, что процессуальные правоотношения представляют собой именно урегулированные нормами процессуального права организационно-процедурные отношения, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся на основе процессуальных норм и направленные на обеспечение режима законности при рассмотрении и разрешении юридических дел (подчеркнуто нами – авт.).

В связи с вышесказанным можно выделить следующие особенности процессуальных правоотношений:

- являются организационными, то есть направлены на упорядоченность организационно-процедурной деятельности;
- носят правовой характер и складываются только на основе процессуальных норм;
- по отношению к материальным правоотношениям носят вторичный, производный характер⁴, поскольку обеспечивают действия и операции, связанные с реализацией норм материального права, и являются средством применения охранительных правовых норм;
- носят публичный (властный) характер;

¹ См.: Бабаев В.К. Правовые отношения // Общая теория права. Курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 410.

² Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. С. 204.

³ Алексеев Е.Ю. Указ. соч. С. 4.

⁴ См., напр.: Юридическая процессуальная форма: теория и практика. М., 1976. С. 33; Погребной И.М. Общетеоретические проблемы производств в юридическом процессе. С. 8-9.

- возникают, изменяются и прекращаются на основе особых юридических фактов. Как справедливо считает Е.Ю. Алексеев, «процессуальные правоотношения возникают на основе особых юридических фактов-действий, а юридическим составом процессуальных правоотношений охватываются юридически значимые процессуальные действия и процессуальные акты-документы как результат»¹;

- процессуальные правоотношения и правоотношения материальные различаются во времени: субъекты права, как правило, вступают в процессуальные правоотношения на стадии правоприменения; в свою очередь, материальные правоотношения предшествуют правоотношениям процессуальным и сопровождают их на всех стадиях производства по конкретному юридическому делу.

Таковы, с нашей точки зрения, особенности процессуальных правоотношений, характеризующие их специфику и роль в системе правового регулирования.

Загайнова Гоар Грантовна

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала Российского
государственного университета правосудия
кандидат юридических наук, доцент
(Краснодар)

СВОБОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА КАК ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ

Принятие в состав Российской Федерации Республики Крым и города федерального значения Севастополь потребовало от государства, помимо прочего, консолидации правотворческих усилий в целях адаптации новых территорий к условиям единого социально-экономического, правового, и политического пространства². В этой связи нам видится интересным

¹ Алексеев Е.Ю. Указ соч. С. 7-8.

² См.: федеральные законы от 2 апреля 2014 г. № 37-ФЗ «Об особенностях функционирования финансовой системы Республики Крым и города федерального значения Севастополя на переходный период» (ред. от 29.07.2017 г.) // СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1529; от 22 декабря 2014 г. № 421-ФЗ «Об особенностях правового регулирования отношений, связанных с предоставлением мер социальной защиты (поддержки), а также выплат по обязательному социальному страхованию отдельным категориям граждан, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (ред. от 05.12.2017 г.) // СЗ РФ. 2014. № 52 (часть I). Ст. 7532; от 29 июня 2015 г. № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства)

содержание федерального закона от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»¹. Полагаем, правовое регулирование и заявленные в законе правоотношения можно расценивать в качестве экспериментальных. Об этом, наш взгляд, свидетельствуют положения самого федерального закона.

Во-первых, установленные сроки правовых явлений. Так, на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополь сроком на 25 лет создается свободная экономическая зона. В то же время ее функционирование может быть прекращено досрочно, если это вызвано необходимостью защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Во-вторых, последовательное использование в отношении правового режима характеристики «особый», что уже само по себе является отличием от стандартных процедур, применяемых к аналогичным правоотношениям. При этом в ст. 2 федерального закона от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ дано определение особого правового режима на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Он включает в себя особенности правового регулирования отношений в сферах привлечения к трудовой деятельности иностранных граждан, регулирования въезда в Республику Крым и город федерального значения Севастополь и выезда за пределы Республики Крым и города федерального значения Севастополя иностранных граждан, а также осуществления деятельности в области морского транспорта.

Таким образом, обобщенная характеристика правового режима в качестве «особого» опосредовала появление в законе смежного понятия «особенности», которое включено практически в каждую статью (к примеру, ст.ст. 4-6, 17, 22 и др.) и позволяет демонстрировать законодателю нетипичный подход в отношении правового регулирования заявленных территорий.

В-третьих, постановка цели реализации особого правового режима на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Она состоит в обеспечении устойчивого социально-экономического развития,

на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017 г.) // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3945 и др.

¹ СЗ РФ. 2014. № 48. Ст. 6658.

привлечении инвестиций в развитие действующих и создание новых производств, развитии транспортной и иных инфраструктур, туризма, сельского хозяйства и санаторно-курортной сферы, а также повышении уровня и качества жизни граждан на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя (ст. 1 федерального закона от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ).

Как видим, законодательно определена некоторая модель, составные элементы которой при достижении конкретных результатов, выраженных в количественном эквиваленте, могут подвергаться сравнению с учетом хронологического критерия или иных качественных характеристик.

Полагаем, в перспективе опыт реализации федерального закона от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ будет иметь важное практическое значение, как для территорий Республики Крым и города федерального значения Севастополь, так и его распространения на территории с аналогичными условиями. Сами территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь будут являться экспериментальными по отношению к последующим правоотношениям однородного характера с иными территориями. На основе положительных и отрицательных результатов развития экспериментальных территорий необходимо следуют содержательные дополнения и уточнения юридической науки, а также предложения, направленные совершенствования российского законодательства о территориях.

Лукьянченко Виктор Васильевич

судья административной коллегии Московского городского суда
соискатель кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук

(Москва)

ПРАВОСУДИЕ В КОНТЕКСТЕ КОНКУРЕНЦИИ «ТРАДИЦИОННЫХ» И «ЦИФРОВЫХ» СУДЕЙ

«...Правда, сегодня некоторые считают, что судья ... не в праве обнаруживать своих эмоций в связи с поведением участников процесса до вынесения судебного решения. Но принять этот взгляд и согласиться с тем, что суд и судьи должны скрывать собственную моральную позицию в процессе, дабы не бросить тень на свою беспристрастность, означало бы заведомое сокращение социально-регулятивных возможностей судебной деятельности, превращение суда в чисто технический, безразличный

механизм осуждений и оправданий, распределения юридических санкций и наказаний»¹.

Цифровые технологии, активно внедряемые во все области человеческой жизнедеятельности, невольно рождают опасения о сохранении человека в качестве высшей ценности, как это определено в ст. 2 Конституции России. В марксистской теории, как известно, рабочая сила, ассоциировавшаяся с человеком, обладала исключительной способностью создавать «продукт» стоимостью выше, чем она сама. Эта «прибавочно-продуктная» ценность человеческой рабочей силы поддерживала у многих поколений людей ощущение перманентной востребованности. Однако, пришли иные времена, приближенные, в том числе и технологическими разработками в сфере искусственного интеллекта. Последний, создаваемый вполне себе естественным интеллектом, наряду с признанием очевидной пользы порождает и волнение по поводу конкурентных преимуществ «интеллектов». Не празден вопрос: не оборачиваются ли информационные технологии, призванные облегчить жизнь и деятельность человека, в систематические посягательства на его права и свободы². Попробуем в этом разобраться на примере сферы правосудия.

Информационные технологии Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» названы неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства (гл. 2)³. Их эффективное применение признано фактором ускорения экономического развития государства и формирования информационного общества. Основываясь на п. 7 данного документа, где констатируется, что информационная сфера играет важную роль в обеспечении реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, конкретизируем это применительно к сфере правосудия в части, касающейся развития электронного правосудия и внедрения новых технологий в этой области.

Так, с целью искоренения волокиты, ускорения процесса исполняемости судебных решений, сокращения сроков поступления корреспонденции граждан и получения ими ответов постановлением Совета Судей Российской Федерации был дан старт инновационному проекту по

¹ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 180.

² Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Москва, 2005. С. 16.

³ <http://base.garant.ru/71556224/>

внедрению системы электронного правосудия в г. Москве. Проектом предусмотрены:

- запись каждого судебного заседания (в целях предоставления возможности его просмотра из личного кабинета гражданина);
- ознакомление с электронной копией материалов дела (в целях информирования и минимизации рисков утраты/изъятия документов);
- предоставление сторонами – участниками судопроизводства необходимых документов в электронном виде;
- дистанционное ознакомление с материалами дела (в целях оптимизации громоздкой и финансово затратной процедуры доставки обвиняемых в место нахождения материалов дела);
- введение процедуры электронного распределения дел (в целях устранения присутствующего человеку субъективизма);
- внедрение архивного хранения электронных копий уголовных, гражданских и административных дел через дополнительные системы «Электронное дело» и «Электронный архив дел» (в целях преодоления проблемы утраты судебных дел и дублирования документов).

Наряду с внедрением электронного документооборота обсуждается вопрос о внедрении технологий искусственного разума для вынесения решений по делам. В качестве аргументов здесь высказывается механическая беспристрастность машины, отсутствие физиологических отвлечений, дешевизна и скорость выполнения поставленных задач, способность выбирать наилучшее из большого объема информации, а также прогностические возможности.

С учетом этого руководством Московского городского суда была подчеркнута актуальность и необходимость внедрения в процесс судопроизводства новых технологий на основе искусственного разума и систем биометрии в течение ближайших 2-3 лет в целях облегчения и усовершенствования судопроизводства в судах г. Москвы.

Данные нововведения направлены на вынесение судебных приказов и решений по так называемым бесспорным делам – по искам о взыскании задолженностей по кредитам, когда роль судьи, зачастую, сводится к техническим функциям подсчета точной суммы долга и вынесения соответствующего решения¹.

Учитывая прогресс машинного разума в сфере правосудия и прогрессивность взглядов руководителей, не жалеющих средств на внедрение высоких технологий для усовершенствования этой системы, представляется,

¹ http://rapsinews.ru/moscourts_news/20180402/282385485.html

что в обозримом будущем коренным образом изменятся возможности и подходы и работников судебной системы, и иных участвующих в судебном разбирательстве лиц.

При всех преимуществах электронного правосудия нельзя умолчать о том, что машинный конкурент судьи-человека не в состоянии уловить суть дела, охватить обширный перечень жизненных обстоятельств в отсутствие интуиции, логики и понимания человеческой психологии и без пережитого опыта. Прежде всего это, а также невозможность постичь судейское усмотрение, рожденное на внутреннем убеждении, не позволит машинному разуму стать полноценным судьей.

Подытоживая, подчеркнем, что внедренный в сферу правосудия искусственный интеллект, несмотря на опасения, не в силах посягать на конституционное право «живых» судей на труд ввиду специфики предъявляемых к ним требований, присущих человеческой природе. Выскажем убеждение о незаменимости традиционных судей в деле отправления правосудия.

Макогон Борис Валерьевич

доцент кафедры конституционного и международного права

Юридический институт НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук

(Белгород)

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ГЕНЕЗИСЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ

Система субъектов правоотношений в сфере ограничений публичной власти характеризуется широким видовым многообразием. Обратимся – к классификационному базису.

По словам Г.В. Мальцева, в поле зрения юристов «падают прежде всего принципы, зафиксированные в конституции, законодательных и иных нормативных правовых актах, названные в них и структурно выделенные в юридических текстах»¹.

Взяв за основу классификации принцип разделения властей (который, полагаем, в значительной степени, является универсальным для многих современных развитых государств), в рамках данной работы остановимся на характеристике таких субъектов ограничительных правоотношений, как

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 663.

органы конституционной юстиции, занимающих особое место в системах органов государственной власти развитых стран современного мира, гарантий в гуманитарной сфере¹.

В длительном процессе непрерывного развития правовых систем и семей сложилось несколько моделей судебного конституционного контроля. В теории права особняком обозначены две модели конституционного контроля: американская и европейская.

Американский судебный контроль специфичен реализацией его судебными органами общей юрисдикции, отсутствием специализированного органа, функционирующего в рамках соответствующей сферы; наличием функций судебного контроля у всего судебного аппарата, «поскольку все дела, какова бы ни была их природа, разрешаются одними и теми же судами и, по сути, на одних и тех же условиях. Конституционные вопросы могут затрагиваться в любых спорных делах и не требуют какого-то специального к ним отношения»².

В качестве предмета конституционного контроля предстают законодательные, иные нормативные акты и распоряжения, в принципе, всех уровней государственной власти. Абстрактный конституционный контроль напрямую не соотнесен с полномочиями Верховного Суда, то есть нижестоящие суды не обращаются в Верховный Суд США с запросом по конкретному поводу, а самостоятельно решают вопрос о конституционности закона. В США отсутствует специальный институт индивидуальной конституционной жалобы, которую возможно подать в Верховный Суд, поэтому граждане вправе обращаться за защитой своих субъективных прав (один из наиболее актуальных вопросов современности) в нижестоящие суды. В качестве существенной особенности американского конституционного контроля следует заметить, что суды толкуют неконституционную норму «как несуществующую и не принимают ее во внимание при вынесении соответствующего решения по существу спора. В то же время, какого-либо конкретного акта или обязательной процедуры отмены неконституционной нормы при американской модели конституционного контроля как таковой не происходит»³.

В Европе первый конституционный судебный орган был создан в 1919 г. на территории Австрии. Его правовой статус был закреплен в Основном

¹ Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, 2005.

² Боботов С. В., Жигачев И. Ю. Введение в правовую систему США.

³ Клишас А.А. Конституционная юстиция в зарубежных странах. – М., 2004. – 288 с.

законе Австрии 1920 г. Впоследствии судебные органы конституционного контроля по соответствующему образцу стали создаваться и в других западноевропейских государствах (Чехословакия – 1920 г., и др.).

Фундаментальное теоретико-правовое обоснование объективной необходимости в институте конституционного правосудия можно признать за Гансом Кельзенем и его авторская концепцией, получившей название «чистой теории права», в соответствии с которой право представляется таким, как оно есть, без его оправдания или критики. Иными словами, он отказывался исследовать содержание позитивного права с точки зрения ценностей, утвердившихся в обществе. Заслугой австрийского ученого, безусловно, явилось то, что он обосновал необходимость существования Конституционного трибунала, призванного контролировать конституционность всей иерархии нормативных актов.

Особенностью европейской модели является признание автономии конституционной юстиции от системы общего правосудия и разрешение соответствующих споров с участием судей, обладающих специальной квалификацией. Либо же конституционный контроль осуществляется верховными или высшими судами, их специальными палатами в рамках особой процедуры. Но в любом случае это централизованный и, как правило, абстрактный конституционный контроль (но не всегда, например, в России – конкретный конституционный контроль)¹.

В рамках европейской модели можно выделить следующие виды органов конституционного судебного контроля: 1) конституционные суды (Албания, Белоруссия, Россия и др.); 2) централизованный конституционный контроль, осуществляемый верховными судами; 3) квазисудебные органы конституционного контроля (Франция, Марокко). Их формирование происходит, как правило, без участия судебного корпуса. При рассмотрении дела судебная процедура используется только частично².

Отдельно следует заметить, что в ряде государств формируется смешанная модель конституционной юстиции, для которой характерно сочетание не только различных форм и видов контроля, но и осуществление его как судами общей юрисдикции, так и специализированными органами конституционного правосудия (Португалия).

Отметим, что в унитарном государстве обычно существует лишь один орган конституционной юстиции, юрисдикция которого распространяется на

¹ Хлобыстова К.А. Конституция и модели конституционного контроля // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 2. – С. 7-9.

² Сафонов В.Е. Институт судебного конституционного контроля в зарубежных странах: история, теория, практика. – М., 2003. – 280 с.

всю территорию страны. В странах же с федеративной формой государственного устройства в отдельных случаях наряду с общенациональным органом конституционного контроля могут быть созданы собственные аналогичные органы в субъекте федерации. Однако даже в этом случае целостная система конституционной юстиции не организуется, так как важнейшим направлением функционирования органа конституционной юстиции (на федеральном уровне) является контроль за соответствием правовых актов федеральной Конституции, а в компетенцию подобных публичных органов субъектов федерации входит обеспечение соответствия правовых актов, принимаемых в данном субъекте, его конституции.

В общей теории права относительно систем судебного конституционного контроля в субъектах федераций также имеют место быть дискуссии о двух моделях. Первая – «американская модель» – характеризуется тем, что субъекты практически полностью воспроизводят механизм федерального судебного конституционного контроля, но не являются подконтрольными или зависимыми от центра. В США – очень значительна роль верховных судов штатов в толковании конституций и оценке законодательства штатов в связи с рассматриваемыми ими судебными делами или жалобами на решения административных органов. Представляется очевидным, что специальные судебные (либо квазисудебные) органы конституционного контроля здесь отсутствуют.

Вторая система – «европейская» – отличается большим своеобразием, в том числе, в ней наличествуют и квазисудебные органы конституционного контроля.

Представляется справедливым замечание, сделанное Ю. А. Юдиным и Ю. Л. Шульженко, сущность которого заключается в том, что «из всех федераций, где действует европейская модель конституционного правосудия, наибольший интерес представляют ФРГ и Россия, хотя в последней процесс создания органов конституционного правосудия в субъектах федерации еще не завершился»¹.

На протяжении исторического развития Германии, так же, как и в современной России, в 60-70-х гг. XX века был период, в котором к заявленным органам относились как к «излишней роскоши». Тогда же обозначилась тенденция к практически полному подчинению земельных судов влиянию судов федеральных. Однако эта ситуация успешно разрешилась. С объединением Германии в конце произошло расширение фактических полномочий вышеуказанных органов и, в целом, повышение их

¹ Юдин Ю.А., Шульженко Ю.Л. Конституционное правосудие в федеративном государстве (сравнительно-правовое исследование). – М., 2000. – 107 с.

статуса. На уровне земель «региональные» конституционные суды предстали как единственные внепартийные, непристрастные, независимые органы и тем самым как символ земельной государственности¹.

Сделаем заключение, в рамках которого отметим, что органы конституционной юстиции представляют собой значимый интерес в рамках теоретико-правового анализа отношений в сфере ограничительного регулирования деятельности публичных властных субъектов, особенной контекстной ответственности последних.

Причем не только благодаря широкому многообразию подходов к достаточно сложным системам их организации и функционирования, но и вследствие факта, в соответствие с которым, качественные характеристики процесса деятельности государственных органов конституционной юстиции в значительной степени являются существенной мерой роли современного демократического государства как гаранта воплощения в жизнь «верховенства права» как фундаментальной правовой категории.

Минасян Анна Артуровна

ассистент кафедры конституционного и международного права

Юридический институт НИУ «БелГУ»

(Белгород)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ И КОНТРОЛЬНАЯ СФЕРЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ МЕХАНИЗМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАЛАТ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИИ

«Социальную систему образуют институционализованные наборы ролей, или, другими словами, устойчивые модели взаимодействия ... в ходе институционализации, процесса организационного структурирования отдельные явления-факторы, дотоле разрозненные, не имеющие внятного смысла, неустойчивые и даже случайные, обретают некоторую форму и формат»².

В юридической литературе понятие «правовой механизм» относится к числу часто употребляемых. Отличия в содержательной части данного понятия обусловлены различными подходами к его исследованию.

¹ Брусин А.М. Защита конституционных прав и свобод личности как направление деятельности Федерального конституционного суда и конституционных судов земель ФРГ: сравнительно-правовой аспект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2002 – С. 33.

² Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 405.

Так, В.В. Гончаров и И.И. Пефтиев рассматривают правовой механизм как совокупность мотиваторов, реализующих функции государства¹. М.В. Пономарев под правовым механизмом понимает четко оформленную конструкцию, включающую в себя комплекс юридических средств². Преломляя позицию Н.В. Витрука о механизме действия конституции, включающем «как ее прямое, непосредственное действие внутри государства и вне его, так и реализацию установлений конституции в различных юридических формах, включая и их применение конкретными органами и должностными лицами»³, применительно к теме нашего исследования полагаем возможным рассмотреть механизм взаимодействия палат Федерального Собрания как детерминированную конституционным и регламентным регулированием совокупность сфер и форм их совместного функционирования. Рассмотрим более подробно сферы взаимодействия палат федерального парламента.

На основе анализа конституционных и регламентных норм, а также исходя из функционального критерия, поскольку взаимодействие палат является функционально обусловленным, представляется возможным выявить и охарактеризовать законодательную и контрольную сферы указанного взаимодействия, существующие в рамках соответствующих юридических процессуальных форм⁴.

Законодательная сфера взаимодействия палат Федерального Собрания выступает в качестве приоритетной в силу конституционных предписаний ст. 94, 105 и др. Принципиальные аспекты процедуры принятия законов закреплены в Конституции России и более детально конкретизированы в регламентах палат Федерального Собрания. Законодательно установлено, что исключительные полномочия по принятию законов возлагаются на Государственную Думу. Влияние Совета Федерации здесь отсутствует, что, по нашему мнению, можно интерпретировать как ограниченность его полномочий.

Ограниченность полномочий Совета Федерации в законодательном процессе проявляется и в том, что в случае неодобрения им принятого Государственной Думой закона последняя обладает правом преодоления вето Совета Федерации путем повторного принятия данного закона в аутентичной

¹ См.: Гончаров В. В., Пефтиев И. И. О некоторых вопросах конституционно-правового механизма реализации гражданами Российской Федерации права на альтернативную гражданскую службу // Юридический мир. 2010. № 7. С. 45.

² См.: Пономарев М. В. Правовой механизм экологического аудита // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 107.

³ Витрук Н.В. Верность Конституции. М., 2008. С. 147.

⁴ Макогон Б.В. Научная конструкция юридической процессуальной формы и ее виды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 17-22.

редакции (ч. 5 ст. 105 Конституции России, ч. 3 ст. 127 Регламента Государственной Думы). В этой связи необходимо отметить, что законодательные полномочия Государственной Думы шире аналогичных Совета Федерации, что дает основания дополнительной критики характеристик палат в качестве «верхней» и «нижней».

При этом действующий Регламент Государственной Думы содержит положения, фактически расширяющие конституционные полномочия Совета Федерации в части, касающейся согласования проекта закона о федеральном бюджете (ст. 112, ст. 114). Так, согласно положениям ч. 3 ст. 122, ст. 123 указанного Регламента Государственная Дума направляет в адрес Совета Федерации проект закона о федеральном бюджете, подготовленный к первому и второму чтениям. При этом Совет Федерации наделяется правом внесения изменений в текст законопроекта. Отметим, что конституционно установлено обязательное рассмотрение Советом Федерации принятого Государственной Думой закона о федеральном бюджете (п. «а» ст. 106), регламентно же предусмотрено право содержательного участия Совета Федерации в согласовании законопроекта о федеральном бюджете. Полагаем, что «потенциальное право» рассматривать проект данного закона, предоставленное Совету Федерации Регламентом Государственной Думы, имеет позитивный смысл, который выражается в согласованном принятии решения обеими палатами парламента уже на законопроектной стадии.

Регламент Совета Федерации в п. «г» ч. 1 ст. 27 предусматривает возможность комитетов участвовать в предварительном рассмотрении проектов законов, поступивших Государственную Думу, а также право отправлять своих представителей для работы над законопроектом по согласованию с Государственной Думой.

Как отмечает И.А. Конюхова, для усиления взаимодействия палат Федерального Собрания России и повышения уровня принимаемых ими законов, законопроекты уже на стадии рассмотрения в Государственной Думе должны быть представлены на ознакомление членам Совета Федерации и соответствующим комитетам палаты¹.

Единой функциональной сферой взаимодействия палат Федерального Собрания России является контрольная. По нашему мнению, контрольная сфера является производной от представительной сущности парламента. В рамках ее функционирования можно выделить три сегмента – кадрово-контрольный, организационно-контрольный и финансово-контрольный.

¹ Конюхова И. А. Двухпалатность как принцип организации национальных парламентав: опыт России и мировая практика // Журнал российского права. М., 2004. №1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кадрово-контрольный сегмент взаимодействия Совета Федерации и Государственной Думы реализуется палатами при формировании органов государства и назначении должностных лиц. Так, палаты Федерального Собрания участвуют в формировании Счетной палаты как органа государственного финансового контроля, в назначении на должность членов Центральной избирательной комиссии (ЦИК), а также, по сути, в назначении на должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Как известно, Конституция Российской Федерации закрепила за палатами совокупную обязанность по формированию Счетной палаты Российской Федерации (пункт «и» ч. 1 ст. 103, пункт «д» ч. 1 ст. 104). Так, Совет Федерации назначает на должность заместителя Председателя Счетной палаты, а Государственная Дума – ее Председателя. Назначение аудиторов Счетной палаты осуществляется на паритетной основе – каждая из палат назначает по 6. Именно через Счетную палату Совет Федерации и Государственная Дума осуществляют контроль за исполнением Правительством Российской Федерации и другими исполнительными органами федеральных бюджетов на соответствующие годы¹.

Палатами парламента на паритетных началах формируется и Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Данное взаимодействие не отражено конституционно, а имеет законодательную природу. Согласно положениям Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»², конкретизированным главами 27 и 24 регламентов Совета Федерации и Государственной Думы соответственно, каждая из палат парламента назначает по 5 членов ЦИК.

Согласно положениям п. «е» ст. 103 Конституции Российской Федерации к ведению Государственной Думы относится полномочие по назначению на должность и освобождению от нее Уполномоченного по правам человека. При том, что полномочие Совета Федерации участвовать в данном процессе конституционно не закреплено, такая возможность предусмотрена Федеральным конституционным законом «Об

¹ См.: Гранкин И. В. Контрольная деятельность палат парламента России: состояние и пути совершенствования // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 6. С. 24.

² Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (ст. 7)¹ и Регламентом Государственной Думы (ст. 155)².

При рассмотрении кадрово-контрольного сегмента взаимодействия палат Федерального Собрания считаем необходимым обратить внимание на конституционное взаимодействие палат, связанное с отрешением от должности Президента России, предусмотренное ст. 93 Конституции России (ст. 93). В отличие от уже рассмотренных вариантов взаимодействия палат в кадрово-контрольном сегменте сотрудничества в рамках процедуры отрешения от должности является не императивным, а инициативным.

Подводя своеобразный итог рассмотрению кадрово-контрольного сегмента контрольной сферы взаимодействия палат Федерального Собрания, отметим, что систематичность такого взаимодействия палат парламента обусловлена, как правило, сроком полномочий Счетной палаты (6 лет), Центральной избирательной комиссии (5 лет) и Уполномоченного по правам человека (5 лет).

Следующим сегментом контрольной сферы взаимодействия палат российского парламента выступает организационно-контрольный. Данный сегмент предполагает формирование обеими палатами Федерального Собрания постоянных и временных комиссий. В числе последних согласительные комиссии и комиссии по парламентским расследованиям.

Наиболее показательным является взаимодействие палат Федерального Собрания Российской Федерации при преодолении разногласий, возникших в ходе работы палат. Особую роль при этом играют согласительные комиссии, которые имеют свое нормативное закрепление как в Конституции Российской Федерации, так и в регламентах палат Федерального Собрания Российской Федерации.

Согласительные комиссии имеют конституционное происхождение (ч. 4 ст. 105 Конституции Российской Федерации), получив дальнейшую конкретизацию в регламентных нормах (ст. ст. 109, 111-115 Регламент Совета Федерации, ст. ст. 127-132 Регламента Государственной Думы).

Своеобразным видом согласительных комиссий выступают специальные комиссии, которые формируются в случае отклонения

¹ Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

² Зубарев А.С. Взаимодействие Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации как форма парламентского контроля // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7 С. 49-59.

Президентом России одобренного Советом Федерации закона (ст. 107 Конституции Российской Федерации).

Еще одним видом временных комиссий являются комиссии по парламентским расследованиям, представляющие применительно к нашему исследованию наиболее яркое проявление контрольной функции парламента, которая существенно укрепилась в силу принятия Федерального закона от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации»¹. Институт парламентских расследований позволяет Федеральному Собранию не только применять надзорные полномочия, но реагировать и пресекать правонарушения со стороны соответствующих лиц.

Парламентские комиссии, в соответствии с указанным законом, могут инициироваться как членами Совета Федерации, так и депутатами Государственной Думы. Периодичность их создания не предусмотрена, что отражается и на рассматриваемом взаимодействии палат парламента.

Финансово-контрольный сегмент взаимодействия палат Федерального Собрания выделен в связи принятием палатами парламента федерального бюджета. Особенность состоит в том, что данный законопроект всегда «приходит» в Государственную Думу из Правительства Российской Федерации (п. «а» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации) и в обязательном порядке рассматривается Советом Федерации (п. «а» ст. 106 Конституции Российской Федерации). Указанное обстоятельство, по нашему мнению, подчеркивает императивность и ежегодность указанного взаимодействия палат Федерального Собрания России. Финансово-контрольный сегмент взаимодействия палат российского парламента непосредственно сопряжен с законодательной сферой, поскольку федеральный бюджет принимается исключительно в форме федерального закона.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что законодательная и контрольная сферы взаимодействия палат, являясь едиными функциональными сферами взаимодействия палат российского парламента, выступают, по сути, приоритетными в рамках указанного взаимодействия.

¹ Федеральный закон от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ (ред. от 07.05.2013) «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 1. Ст. 7.

Никонова Людмила Ивановна

доцент кафедры конституционного и международного права

Юридический институт НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук, доцент

Бондарева Алина Владимировна

студентка Юридического института НИУ «БелГУ»

(Белгород)

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

«Все наиболее значимые результаты в праве и юридической науке достигались вследствие их методологической ориентации на объективную необходимость, определенность, устойчивость, обратимость, причинность, истинность, точность и другие качества знаний, превозносимые классической наукой»¹.

Актуальность вопросов международного сотрудничества государств в сфере информационной безопасности обусловлена зависимостью всех сфер жизни современного общества от информационных технологий². Распространение новейших глобальных средств коммуникации, с одной стороны, открывает колоссальные возможности для развития общества, а с другой, порождает многочисленные проблемы, связанные с угрозами применения современных ИКТ, решение которых возможно только совместными усилиями международного сообщества.

Нормативное определение «международной информационной безопасности» содержится в п. 6 Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года. Под ней понимается «такое состояние глобального информационного пространства, при котором исключены возможности нарушения прав личности, общества и прав государства в информационной сфере, а также деструктивного и противоправного воздействия на элементы национальной критической информационной инфраструктуры»³.

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 101-102.

² Макогон Б.В. Современное государство в условиях глобализации // Проблемы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 29-31.

³ Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 24 июля 2013 № Пр-

Исходя из данной дефиниции, можно сделать вывод, что содержательная часть включает в себя как технические аспекты (критическую информационную инфраструктуру), так и обширный круг политико-идеологических моментов (манипулирование информацией, пропаганду посредством глобальных информационных сетей, информационное воздействие и др.).

Согласно ст. 2 Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹ критическая информационная инфраструктура включает как объекты (информационные системы, автоматизированные системы управления субъектов критической информационной инфраструктуры, информационно-телекоммуникационные сети), так и сети электросвязи, используемые для организации их взаимодействия. Например, информационные системы сети госорганов, автоматизированные системы управления технологическими процессами в оборонной индустрии, в сфере здравоохранения, связи, на транспорте, в кредитно-финансовой сфере и энергетике, а также в ряде отраслей промышленности, включая топливную, атомную, ракетно-космическую и другие отрасли.

Представители Центра стратегических оценок и прогнозов к критически важному сегменту информационной инфраструктуры России относят «такую информационно-телекоммуникационную систему, выход из строя или нарушение режима функционирования которой может оказать негативное влияние на состояние национальной безопасности Российской Федерации»². В критически важный сегмент информационной инфраструктуры включены: системы телекоммуникаций военного и специального назначения; системы управлений энергетикой, транспортом, водными системами; ИТС служб реагирования на чрезвычайные ситуации; банковские и финансовые ИТС; другие государственные и частные ИТС, минимально необходимые для функционирования экономики и государства.

Второй составляющей в российской версии определения международной информационной безопасности является информационно-психологическая, под которой понимается «состояние защищенности от негативных информационно-психологических воздействий в связи с

1753) // Официальный сайт Совета Безопасности РФ; URL: <http://www.scrf.gov.ru> (дата обращения 05.04.2018).

¹ Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 27.07.2017. (дата обращения 05.04.2018).

² Информационная война и защита информации. Словарь основных терминов и определений // Центр стратегических оценок и прогнозов. М., 2011. С. 32.

использованием специальных средств и методов воздействия на психику отдельных лиц и (или) групп лиц, и связанных с этим иных жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной сфере»¹.

По мнению Д.А. Молчанова, именно такая структура, сочетающая в себе как технические, так и психологические аспекты информационной безопасности характеризует выбор российской терминологии².

Для эффективного сотрудничества между странами в информационной сфере необходима однозначная интерпретация используемых понятий. Зарубежные страны, и прежде всего США, в отличие от России используют термин «cybersecurity». Данная формулировка применяется и Международным союзом электросвязи, членами которого является 191 государство. Кибербезопасность – это совокупность инструментов, политик, понятий безопасности, гарантий безопасности, рекомендаций, подходов управления рисками, действий, обучения, лучших практик, гарантий и технологий, которые используются с тем, чтобы защитить киберсреду («cyberspace») организации-пользователя и активы пользователя. Организация-пользователь и активы пользователя включают связанные вычислительные устройства, персонал, инфраструктуру, прикладные технологии, услуги, телекоммуникационные системы и совокупность переданной и/или сохраненной информации в киберсреде»³.

В Международной стратегии США для киберпространства «Процветание, безопасность и открытость сетевого мира» 2011 г.⁴ определение «cybersecurity» также отражает только один аспект, связанный со средствами обработки информации. Кибербезопасность представляет собой защиту и оборону информации и информационных систем против несанкционированного доступа или модификации информации, находящейся в процессе хранения, обработки или передачи, а также против прекращения функционирования системы для санкционированных пользователей.

¹ Баришполец В.А. Информационно-психологическая безопасность: основные положения // Радиоэлектроника. Наносистемы. Информационные технологии. 2012. № 5. С. 65.

² Молчанов Д.А. Дифференциация содержания понятия «информационная безопасность» в национальном законодательстве Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки как сдерживающий фактор прогрессивного развития международно-правового регулирования [Электронный ресурс] // Право: современные тенденции: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). Краснодар: Новация, 2017. С. 122-125; URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/225/11706/> (дата обращения 05.04.2018).

³ Касенова М.Б. Трансграничное управление Интернетом: основные термины и понятия [Электронный ресурс] // Юридический мир. 2014. № 2. (206). С. 58-63.

⁴ International Strategy For Cyberspace, Washington DC. Prosperity, Security, and Openness in a Networked World // The White House : offic. website. 2011. May.25 p. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf (дата обращения 05.04.2018).

Информационная безопасность включает меры, необходимые для обнаружения, документирования и ответа на эти угрозы¹.

О выявлении проблем семантического характера при использовании терминов пишет М.Б. Касенова. Так, «cybersecurity» напрямую связана с «cyberspace». Термин «cyberspace» применяется в документах Международного союза электросвязи, где означает среду с подключенными компьютерными устройствами, пользователями, инфраструктурой, приложениями, сервисами, телекоммуникационными системами, а также совокупность передаваемой и (или) хранящейся в этой среде информации. В то же время в национальном законодательстве Польши данный термин имеет иное содержательное значение (пространство производства и обмена информацией, создаваемой телеинформационными системами)².

В России формулировка «киберпространство» не применяется, а используется «информационное пространство». Оно определено как «сфера деятельности, связанная с формированием, созданием, преобразованием, передачей, использованием, хранением информации, оказывающая воздействие в том числе на индивидуальное и общественное сознание, информационную инфраструктуру и собственно информацию»³.

Смысловые и содержательные различия употребления тех или иных терминов зависят также и от вариантов их перевода на другие языки. Например, слово «cybersecurity» с английского языка на русский буквально переводится как «кибербезопасность», но Россия использует понятия «информационная безопасность» или «безопасность применения информационно-коммуникационных технологий». Следует отметить, что не только в России применяется данный термин. Например, он сформулирован и закреплён в концепции Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, предложенной к рассмотрению на 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2011 г. Китаем, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном.

Согласно данной Конвенции «международная информационная безопасность» представляет собой состояние международных отношений, исключающее нарушение мировой стабильности и создание угрозы

¹ Касенова М.Б. Указ. соч. С. 60.

² Цит. по: Чеботарева А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном пространстве // Юридический мир. 2016. № 8. С. 63-66.

³ Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) // Официальный сайт Министерства иностранных Дел Российской Федерации; URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29 (дата обращения 05.04.2018).

безопасности государств и мирового сообщества в информационном пространстве»¹.

Модельный закон стран Содружества Независимых Государств 2002 г. «О международном информационном обмене» также использует понятие информационная безопасность и определяет ее как «состояние защищенности информационной среды общества, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, организаций, государства»².

Концепция сотрудничества государств - участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности, утвержденная Советом глав государств СНГ в 2008 г., трактует информационную безопасность как «состояние защищенности от внешних и внутренних угроз информационной сферы, формируемой, развиваемой и используемой с учетом жизненно важных интересов личности, общества и государства»³. Такой узкий технократический подход, включающий только ее защиту, существенно сужает проблему информационной безопасности. Поэтому в Рекомендациях предлагается использовать сущностную трактовку, закрепленную в тексте Соглашения между Правительствами государств - членов Шанхайской организации сотрудничества «О сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности» (Екатеринбург, 2009 г.). В этом документе анализируемая категория представлена как «состояние защищенности личности, общества и государства и их интересов от угроз, деструктивных и иных негативных воздействий в информационном пространстве»⁴. Такая дефиниция включает в себя в том числе, и актуальные угрозы социально-гуманитарного плана, например, угрозу распространения информации, наносящей вред общественно-политической и социально-экономической системам государства, духовной, нравственной или культурной среде общества.

¹ Там же.

² Модельный закон «О международном информационном обмене» (Принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 26 марта 2002 г. № 19-7) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 2002. № 29; URL: <http://base.garant.ru/2569410/> (дата обращения 05.04.2018).

³ Концепция сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности и Комплексный план мероприятий по реализации Концепции сотрудничества государств - участников Содружества Независимых Государств в сфере обеспечения информационной безопасности 2008 г. [Электронный ресурс] // Интернет портал стран СНГ; URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=20229> (дата обращения 05.04.2018).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 16 июля 2009 г. № 984-р «Об утверждении Соглашения между правительствами государств - членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности» [Электронный ресурс] // Текст Распоряжения официально опубликован не был; URL.: <http://www.garant.ru> (дата обращения 05.04.2018).

В действующем сегодня Соглашении о сотрудничестве государств - участников СНГ в области обеспечения информационной безопасности от 2013 г. информационная безопасность понимается как «состояние защищенности личности, общества и государства и их интересов от угроз, деструктивных и иных негативных воздействий в информационном пространстве»¹.

Таким, образом, для эффективного и плодотворного международного сотрудничества государств по созданию системы информационной безопасности странам необходимо прийти к консенсусу относительно использования идентичных дефиниций и содержания понятий в данной сфере. Так как западные страны (члены Международного союза электросвязи) и США используют термин «cybersecurity», а Россия и государства-участники региональных организаций СНГ и ШОС – «информационная безопасность». Разницу в формулировках сопровождает и разное наполнение содержательной сущности данных терминов. Так, Россия придерживается широкого подхода к определению структуры информационной безопасности и включает в нее как информационно-техническую сферу, так и информационно-психологическую (психофизическую) составляющую. Западные страны и США придерживаются более узкого подхода, ограничиваясь только технической сферой.

Нифанов Алексей Николаевич

доцент кафедры конституционного и международного права

Юридический институт НИУ «БелГУ»

кандидат юридических наук, доцент

(Белгород)

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

«Мир, действительно, во многом не определен, но право должно добиваться определенности, четкости отношений так, где это необходимо и важно для общества»².

¹ Распоряжение Правительства РФ от 15 ноября 2013 г. № 2120-р «О подписании Соглашения о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности // Сборник законодательства РФ. 2013. № 47. Ст. 6135.

² Мальцев Г.В. Социальные снования права. М., 2007. С. 115.

Наряду с новыми феноменами в рассматриваемой сфере до сих пор встречаются понятия, которые используются уже длительное время. Однако у них нет однозначного определения. Так, приграничная территория – понятие, часто встречающееся в юридической литературе, но в полной мере не разработанное. Вопрос о том, каково его значение и содержание, остается недостаточно выясненным.

Термин «приграничная территория» широко используется современным зарубежным и российским законодательством. В нашей стране правовое регулирование отношений в рамках приграничной территории предусмотрено в Земельном и Градостроительном кодексах¹, федеральных законах «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² и «О связи»³, в Законе РФ «О Государственной границе Российской Федерации»⁴ и Указе Президента РФ «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками»⁵ и др.

Однако до настоящего времени возникают правовые коллизии из-за отсутствия единства в толковании рассматриваемого понятия: примерно в половине нормативных правовых актов Российской Федерации приграничная территория рассматривается в качестве единого пространства (определенной полосы), протянувшегося вдоль государственной границы, а в других актах речь идет о множестве приграничных территорий⁶.

Вместе с тем анализ законодательства в отношении приграничной территории Российской Федерации позволил выделить несколько подходов к формулировке ее определения:

1) территория, в пределах которой военнослужащие пограничных органов выполняют свои обязанности и пользуются правами, установленными законодательством Российской Федерации, независимо от наличия в ней режима;

2) территория в пределах административно-территориального образования, в составе субъекта Российской Федерации, внешние границы

¹ Российская газета. – 2001, 30 октября; 2016, 13 июля; Российская газета. – 2004, 30 декабря; 2017, 10 марта.

² Российская газета. – 2003, 8 октября; 2017, 5 апреля.

³ Российская газета. – 2003, 10 июля; 2017, 19 апреля.

⁴ Российская газета. – 1993, 4 мая; 2016, 12 июля.

⁵ Российская газета. – 2011, 11 января; 2016, 13 апреля.

⁶ Седов А.А. Правовое содержание понятия приграничной территории: теория и история вопроса // Евразийский юридический портал: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=5109:2016-10-03-09-10-49&catid=154:2012-10-04-03-50-06&Itemid=2 (дата обращения 10.05.2017 г.).

которого совпадают с государственной границей, где, в соответствии с национальными интересами и нормами международного права, возможно установление запретных и охранных зон;

3) территории муниципальных образований субъектов Российской Федерации, расположенные в пределах федерального округа, прилегающих к государственной границе Российской Федерации с сопредельным или сопредельными государствами;

4) территории или часть территорий административно-территориальных образований государств – участников Содружества Независимых Государств, прилегающие к государственной границе указанных государств и определяемые в качестве таковых в соответствии с их национальным законодательством или международными договорами, участниками которых они являются.

Если в первом случае приграничная территория рассматривается исключительно с позиций возможности использования пограничного режима, то во втором случае предполагается существование множества «приграничных территорий» по числу административно-территориального образований в составе приграничных субъектов Российской Федерации. Третий подход состоит в рассмотрении «приграничной территории» как объекта международного приграничного сотрудничества и вынужденно имеет слишком упрощенный характер. В четвертом примере рассматриваются конкретные географические пространства Дальневосточного федерального округа¹.

Учитывая крупномасштабность субъектов Российской Федерации, а также нагрузку, которую на себе несут земли, непосредственно выходящие к государственной границе, полагаем, в порядке научной дискуссии необходимо использовать потенциал категории приграничной территории в аспекте обеспечения национальной безопасности; для исследования взаимосвязи различных сфер общественной жизни; обмена позитивным законодательным опытом зарубежных стран по приграничным вопросам.

¹ Седов А.А. Правовое содержание понятия приграничной территории: теория и история вопроса // Евразийский юридический портал: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=5109:2016-10-03-09-10-49&catid=154:2012-10-04-03-50-06&Itemid=2 (дата обращения 10.05.2017 г.).

Новикова Алевтина Евгеньевна
доцент кафедры конституционного и международного права
Юридический институт НИУ «БелГУ»
кандидат юридических наук, доцент
(Белгород)

ДОСТОЙНЫЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ КАК ФАКТОР МИНИМИЗАЦИИ ПРАВООЩИТНЫХ РИСКОВ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ

Одной из конституционных, то есть высших, социальных гарантий человека является обязанность государства обеспечивать человеку достойный уровень жизни, либо создавать все необходимые условия, обеспечивающие достойную жизнь. Понятия достойного или достаточного уровня жизни являются оценочными на сегодняшний день, хотя некоторые аспекты были формализованы в международных и национальных актах. Представляется, что обращение к международному опыту, практике различных государств и теоретическим разработкам позволит определить обеспечительный потенциал категории «достойный (достаточный) уровень жизни» для безопасности конституционного строя.

Всеобщая декларация прав человека, принятая ООН в 1948 г. провозгласила, что «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам» (ст. 25)¹. Положение процитированной статьи справедливо интерпретируют как право на достойный уровень жизни².

Еще один важный международный документ в области защиты прав и свобод человека и гражданина – Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах – провозгласил в ст. 11 право каждого на достаточный жизненный уровень, ограничив, однако, круг обеспечивающих

¹ The Universal Declaration of Human Rights 1948 // <http://www.ohchr.org/> (дата обращения 15.06.2018).

² Волостнова Т.И. Достойный уровень жизни как право человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 45). Ч. II. С. 41-44.

его элементов достаточным питанием, одеждой и жилищем¹. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам издал несколько общих комментариев, объясняющих составные части этого права. Оно включает право на достойное жилище (комментарии общего порядка 4 и 7), право на питание (комментарий общего порядка 12), право на воду (общий комментарий 15), а также право на социальное обеспечение (комментарий общего порядка 19)². С помощью этих общих комментариев Комитет уточняет, какие критерии должны быть соблюдены, чтобы реализовать на достойном уровне права на жилище, пищу и воду и обеспечивает единое наиболее полное толкование этих прав в соответствии с международным правом.

В соответствии со ст. 14 Конвенции «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин»: «государства-участники должны принять все соответствующие меры, чтобы устранить дискриминацию женщин в сельских районах, чтобы гарантировать право на обладание соответствующими условиями жизни, особенно относительно жилья, санитарии, электроснабжения и водоснабжения, транспорта и коммуникации»³. Комитет по ликвидации расовой дискриминации признает право каждого человека, без различия расы, цвета кожи, национального или этнического происхождения, пользоваться, в частности, правом на жилище, а также правом на социальное обеспечение и социальное обслуживание.

Кроме того, некоторые документы, направленные на защиту людей при определенных обстоятельствах, также содержат положения, касающиеся надлежащего уровня жизни. Так обстоит дело, например, с Конвенцией «О статусе беженцев» и Женевских конвенциях. Конвенция о статусе беженцев предусматривает право на жилище (ст. 21), правительственную помощь и поддержку (ст. 23) и социальную защиту беженцев (ст. 23)⁴. Право на достаточный жизненный уровень, также предусмотрено в Дополнительном протоколе № 1 к Женевским конвенциям, касающемся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. Согласно его ст. 54 голодание гражданского населения в качестве метода ведения войны запрещено. Статьей 54 (2) запрещено нападение, уничтожение, удаление или приведение в негодность объектов, необходимых для выживания гражданского населения, таких, как продукты питания, водные установки и расходные материалы для

¹ International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights 1966 // <http://www.ohchr.org/> (дата обращения 15.06.2018).

² <http://www.ohchr.org/en/hrbodies/cescr/pages/cescrindex.aspx> (дата обращения 15.06.2018).

³ The Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women 1979 // <http://www.un.org/> (дата обращения 15.06.2018).

⁴ The 1951 Refugee Convention // <http://www.unhcr.org/> (дата обращения 15.06.2018).

ирригационных работ, для конкретной цели уничтожения пропитания имеющего значение для гражданского населения не независимо от целей и мотивов. Протокол № 2 о вооруженных конфликтах немеждународного характера имеет аналогичное положение в ст. 14. Хотя эти условия не сформулированы как права человека по сути, они нацелены на обеспечение людей или их групп, которые не участвуют или больше не принимают участие в военных действиях, правом на обеспечение достойных условий.

Международные документы в области защиты прав ребенка также не оставляют без внимания право ребенка на достойный жизненный уровень, хотя в них отсутствуют формулировки «достойный уровень жизни». Так, например, положением ч. 1 ст. 27 Конвенции о правах ребенка за каждым ребенком закрепляется право на такой уровень жизни, который необходим для его физического, умственного, духовного, социального и нравственного развития¹.

Статья 28 Конвенции о правах инвалидов посвящена достаточному уровню жизни². Государствами-участниками этой Конвенции признается право инвалидов на достаточный жизненный уровень не только для них самих, но и их семей. В Конвенции раскрывается понятие достойного уровня жизни, в него входит достаточное питание, одежда и жилище, а также непрерывное усовершенствование жизненных условий. Государства обязуются принимать должные меры по обеспечению и поощрению воплощения в жизнь этого права с отсутствием какой-либо дискриминации по признаку инвалидности.

В Европейской Социальной Хартии также используется понятие «достойный уровень жизни». Так, в п. 1 ст. 4 в целях обеспечения эффективного осуществления права на справедливое вознаграждение стороны Хартии "обязуются признать право трудящихся на вознаграждение, которое позволит обеспечить им и их семьям достойный уровень жизни"³. Однако, в самом документе это понятие никак не раскрывается.

Комитет по социальным правам, анализирующий и собирающий данные по реализации Хартии государствами, отметил, что само понятие «достойного уровня жизни» является весьма иллюзорным, относительным и дифференцировано в различных государствах⁴. В пятом наблюдательном цикле Комитета был установлен «предел достойности». Так, было

¹ Convention on the Rights of the Child 1989 // <http://www.ohchr.org/> (дата обращения 15.06.2018).

² Convention on the Rights of Persons with Disabilities 2006 // <http://www.un.org/> (дата обращения 15.06.2018).

³ The European Social Charter 1961 // <http://www.coe.int/> (дата обращения 15.06.2018).

⁴ Conclusions II of the Committee of Independent Experts 1998 // <http://www.europarl.europa.eu/> (дата обращения 15.06.2018).

определено, что любой заработок, который значительно меньше среднего заработка по стране, не будет являться достаточным, так как не может гарантировать достойный уровень жизни в данном обществе¹. Комитет определил, что минимальный допустимый заработок должен составлять 68 % от среднего заработка в данной стране. Если сумма заработка падает ниже этого процента, то Комитет принимает во внимание наличие социальных, семейных и образовательных льгот, а также налоговые меры для получающих низкую заработную плату, существующие в данном государстве.

В рамках специализированных учреждений ООН с правами, связанными с соответствующим уровнем жизни, имели дело Международная организация труда (ILO), Пищевая и Сельскохозяйственная Организация Организации Объединенных Наций (ФАО) и Всемирная организация здравоохранения (WHO). В структуре этих организаций есть несколько инструментов, нацеленных на защиту соответствующего уровня жизни. Были приняты, такие как документы МОТ № 117 о социальной политике и № 169 относительно местных и племенных народов². Руководящие принципы ООН о беженцах и вынужденных переселенцах требуют, чтобы компетентные органы гарантировали безопасный доступ к а) существенным продуктам и питьевой воде; б) жилью; в) соответствующей одежде; и d) основным медицинским услугам и санитарии.

Комитет ООН по Экономическим, Социальным и Культурным Правам является основой, которая обеспечила наиболее всестороннее рассмотрение права на соответствующий уровень жизни.

Для получения более полной «картины» того, как категория достойный уровень жизни учтена различными государствами, проведен анализ конституционного опыта закрепления норм, регулирующих эту категорию. В качестве фокусной группы были избраны конституции Германии, Эстонии, Азербайджана, Российской Федерации, Японии и некоторых арабских стран. Научный интерес к конституциям именно этих стран обусловлен тем, что их развитие и становление правовых систем проявляется по-разному, а значит, более наглядны различия.

В базовом законе Германии отсутствуют формулировки «достойный уровень жизни», «достаточный уровень жизни»³. При этом в статьях немецкой Конституции закреплены положения, свидетельствующие о

¹ Conclusions V of the Committee of Independent Experts 1999 // <http://www.europarl.europa.eu/> (дата обращения 15.06.2018).

² <http://www.ilo.org/> (дата обращения 15.06.2018).

³ Basic Law for the Federal Republic of Germany 1949 // <https://www.bundestag.de/> (дата обращения 15.06.2018).

социальной ориентации государства. Так, например, в ст. 6 перечислены некоторые государственные гарантии семьи, детей, матерей.

Аналогично выглядит ситуация с базовым законом Эстонии, который в ст. 27 и ст. 28 лишь перечисляет некоторые аспекты государственной обязанности по поддержанию родителей, детей, граждан, нуждающихся в дополнительной защите по причине старости, нетрудоспособности, бедности и т.д.¹

Конституции Азербайджана и Российской Федерации в данном аспекте имеют сходства, используя категорию достоинства, а не достаточности. В ч. 1 ст. 7 Конституции России содержится положение о социальности государства, что подразумевает его соответствующую политику по обеспечению достойной жизни человека², а в ч. 1 ст. 16 базового закона Азербайджана устанавливается государственная обязанность заботиться о социальной защите и достаточном уровне жизни³.

В 1946 г. в Японии была принята Конституция, ст. 25 которой содержала положение о праве на обеспечение минимального уровня здоровой и культурной жизни. Во всех сферах жизни японскому государству надлежит прилагать усилия для подъема и последующего развития благосостояния общества, социального обеспечения, а также здоровья нации⁴.

Базовый закон Кувейта также закрепляет право каждого на достаточный жизненный уровень в ст. 20⁵, не расшифровывая, однако, что именно необходимо для поддержания такого уровня жизни. Интересно, что конституции Египта и Марокко, наоборот, не содержат общих положений об уровне жизни, но закрепляют те минимумы, которые обеспечивают достаточный жизненный уровень: достаточное жилище (ст. 31 Конституции Марокко⁶), право на воду, здоровое и достаточное питание (ст. 79 Конституции Египта⁷).

В науке сложились также некоторые, отличающиеся между собой мнения по поводу того, что понимается под достаточным уровнем жизни человека.

Некоторые ученые делают акценты на минимальном доходе населения и на бюджетной политике государства, которая должна учитывать личные

¹ Constitution of the Republic of Estonia 1992 // <https://www.president.ee/> (дата обращения 15.06.2018)

² Constitution of the Russian Federation 1993 // <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 15.06.2018).

³ Constitution of the Republic of Azerbaijan 1995 // <http://azerbaijan.az/> (дата обращения 15.06.2018).

⁴ Constitution of Japan 1946 // <http://japan.kantei.go.jp/> (дата обращения 15.06.2018).

⁵ Constitution of Kuwait 1962 // <https://www.constituteproject.org/> (accessed 7 June 2016).

⁶ Constitution of the Kingdom Morocco 2011 // <https://www.constituteproject.org/> (дата обращения 15.06.2018).

⁷ Constitution of the Arab Republic Egypt 2014 // <https://www.constituteproject.org/> (дата обращения 15.06.2018).

потребности различных категорий населения¹. Руководитель Всероссийского центра уровня жизни В.Н. Бобков считает, что «уровень жизни представляет собой денежную оценку ресурсов, необходимых для обеспечения качества жизни личности, социальных групп и общества в целом»², то есть уровень жизни сводится здесь к денежной оценке ресурсов, с чем нельзя согласиться. Следует присоединиться к высказыванию о том, что денежная оценка благ и услуг, фактически потребляемых в среднем домохозяйстве в течение известного промежутка времени и соответствующих определенному уровню удовлетворения потребностей, представляет собой стоимость жизни, а это уже другая категория.

Ученые сходятся во мнении, что минимально установленные в государстве размеры оплаты труда не позволяют человеку полноценно удовлетворить потребности в еде, жилье, медицинских услугах, даже если субъектом федерации минимальные стандарты оплаты труда выше, чем общефедеральные (применительно к федеративным государствам)³.

Другие ученые уделяют большее внимание праву на достаточное питание и продовольствие, отмечая, что особые проблемы доступности этих прав наличествуют у женщин⁴.

Применительно к социальному обеспечению нуждающихся категорий граждан (с ограниченными возможностями, безработные, одинокие родители и др.) достаточность социальных выплат определяется как способность выплат поддерживать базовый приемлемый уровень жизни, который согласуется с преобладающими в обществе стандартами⁵.

Интересным представляется позиция, согласно которой достаточный уровень жизни предполагает не только набор минимальных социально-экономических прав и гарантий, касающихся доходов, труда и отдыха, здоровья, образования, но также и набор политических прав, и принцип недискриминации⁶.

Как показал анализ норм международных актов, а также конституций некоторых государств, категории «достойный уровень жизни» и

¹ Deeming C. 2011. Determining minimum standards of living and household budgets: Methodological issues. *Journal of Sociology*, March 2011, vol. 47, 1, pp. 17-34.

² <http://www.vcug.ru/> (дата обращения 15.06.2018).

³ Kotval Z., Kotval KZ., Machemer P., Mullin J. 2012. A living wage standard: A case study of the US Virgin Islands. *Local Economy*, August/September 2012, vol. 27, 5-6, pp. 541-557.

⁴ Bellows A., Lemke S., Jenderedjian A., Scherbaum V. 2015. Violence as an under-recognized barrier to women's realization of their right to adequate food and nutrition: case studies from Georgia and South Africa. *Violence Against Women*, October 2015, vol. 21, 10, pp. 1194-1217.

⁵ Saunders P., Wong M. 2011. Pension Adequacy and the Pension Review. *The Economic and Labour Relations Review*, November 2011, vol. 22, 3, pp. 7-26.

⁶ Horrell S. 2010. Living Standards in Britain 1900-2000: Women's Century? 2000. *National Institute Economic Review*, April 2000, vol. 172, 1, pp. 62-77.

«достаточный уровень жизни» по своему содержанию употребляются тождественно. Вместе с тем, полагаем, что хотя различия в смысловой нагрузке этих категорий минимально, понятие достойности имеет более идеализирующий характер, проявляющийся в том числе, в постоянном стремлении к нему, в то время как достаточность является более материальной категорией.

Достойный уровень жизни предполагает социальные обязанности государства, социальные права и гарантии человека, социальное обеспечение незащищенных и особо нуждающихся категорий граждан (инвалиды, дети, пенсионеры, родители-одиночки и др.), то есть охватывает так много аспектов, что бесспорно является центральным элементом всей социальной системы государства. Именно это качество категории «достойный уровень жизни» позволяет говорить о нем как о правовом инструменте безопасности социальных основ конституционного строя.

Тресков Алексей Павлович,
судья Кировского районного суда
г. Ростов-на-Дону,
кандидат юридических наук
(Ростов-на-Дону)

РОЛЬ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ТРАКТОВКЕ ПРИНЦИПА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ ТОЛЬКО СУДОМ

«Вопрос о правовых принципах является в настоящее время одним из наиболее обсуждаемых в юридической литературе. Это говорит о развитии правовой системы в условиях, когда многие ее нормативные структуры не приобрели еще достаточной «тектонической» устойчивости. Но это может свидетельствовать также о назревшей, широко осознаваемой модернизации способов действия норм права, переходе от излишне жестких к гибким методам регулирования общественных отношений»¹.

На основании с ч. 1 ст. 118 Конституции правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом². Данное установление

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 661.

² Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.

соответствуют принципу разделения государственной власти (ст. 10) и, на первый взгляд, не предполагает множественной интерпретации. Вместе с тем, компоненты нормы ч. 1 ст. 118 Конституции России, ключевым из которых выступает «правосудие» не определены текущим российским законодательством.

Подобная правовая неопределенность обусловила научный интерес к понятию правосудия и его различным аспектам его реализации¹.

Полагаем, в совокупности с концептуальными разработками важное значение в установлении содержания ч. 1 ст. 118 Конституции России принадлежит решениям Конституционного Суда Российской Федерации. С их помощью были конкретизированы такие аспекты, как:

– разграничение правосудия и смежных функций. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П определено, что судебная функция разрешения уголовного дела и функция обвинения должны быть строго разграничены, каждая из них возлагается на соответствующие субъекты. Возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а в предусмотренных законом случаях – также потерпевшими. Суд же, осуществляющий судебную власть посредством уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные правомочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром².

Ранее данному вопросу также было посвящено постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П³ со ссылкой на подход, нашедший отражение в резолюции Экономического и Социального Совета ООН 1989/60 от 24 мая 1989 г. и утвердившей Процедуры эффективного осуществления основных принципов независимости судебных

¹ См., например: Гафуров Я.М. Понятие и сущность правосудия в контексте стандартизации отдельных видов государственной деятельности // Адвокат. 2015. № 10; Голубов И.И. О противоречиях в понимании термина «правосудие» в юридической науке // Юридическая образование и наука. 2013. № 3; Наделяева Т.В. Современное понятие и сущность правосудия в Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2011. № 6; Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия. М.: Статут, 2009. Т. 1 и др.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // СЗ РФ. 2003. № 51. Ст. 5026.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // СЗ РФ. 1996. № 50. Ст. 5679.

органов, согласно которым, в частности, ни от одного судьи нельзя требовать выполнения функций, не совместимых с его независимым статусом;

– исключительность полномочий принятия окончательного решения в споре о праве, что, в свою очередь, означает недопустимость преодоления вынесенного судом решения посредством юрисдикционного акта административного органа.

Преодоление судебного решения путем принятия административным органом юрисдикционного акта, влекущего для участников спора, по которому было принято судебное решение, иные последствия, нежели определенные этим судебным решением, означает нарушение установленных Конституцией Российской Федерации судебных гарантий прав и свобод, не соответствует самой природе правосудия, и несовместимо с конституционными принципами самостоятельности судебной власти, независимости суда и его подчинения только Конституции Российской Федерации и федеральному закону¹.

При этом исключительная по своему существу возможность преодоления вступивших в законную силу окончательных судебных актов предполагает установление таких особых процедурных условий их пересмотра, которые отвечали бы прежде всего требованиям правовой определенности, обеспечиваемой признанием законной силы судебных решений, их неопровержимости, что, как правило, даже в судебных процедурах может быть поколеблено, только лишь если какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство или обнаруженные фундаментальные нарушения неоспоримо свидетельствуют о судебной ошибке, без устранения которой компетентным судом невозможно возмещение причиненного ею ущерба. Тем более, недопустимо дезавуирование судебного решения во внесудебной процедуре².

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 марта 2009 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положения, содержащегося в абзацах четвертом и пятом пункта 10 статьи 89 Налогового кодекса Российской Федерации, в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Варм» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 2.

² См.: постановления Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан» // СЗ РФ. 2005. № 22. Ст. 2194; от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 932.

Таким образом, исходя даже из приведенных немногочисленных позиций Конституционного Суда Российской Федерации, видно, что они не только корректируют недостатки законодательного регулирования, но также являются частью конституционно-правовой теории принципа реализации правосудия только судом, одновременно унифицируя доктрину и практику.

Амельчаков Олег Игоревич,
аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»,
ведущий специалист юридического управления
МГУ имени М.В. Ломоносова
Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеративный характер российского государства предполагает наличие не только федеральных органов государственной власти, но и собственных органов власти субъектов федерации, сформированных на основе закрепленного в ст. 10 Конституции Российской Федерации¹ принципа разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти, а также с учетом конституционных параметров вертикали государственной власти².

Наличие двухуровневой системы органов государственной власти, провозглашение их самостоятельности и независимости вовсе не означает, что действуют они полностью автономно. В частности, мониторинг российского законодательства позволяет говорить о различных формах взаимодействия Федерального Собрания с законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Полагаем, что в силу значимости данной тематики изучение подобного взаимодействия представляет научный интерес. Актуальность и своевременность проводимого исследования обусловлены и

¹ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 13. Ст. 851.

² Мархгейм М.В. Конституционные параметры вертикали государственной власти в России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2001. № 1. С. 65.

тем фактом, что, к сожалению, на современном этапе развития юридической науки данный вопрос изучен российскими учеными в недостаточной степени. При этом отметим, что отдельные направления подобного взаимодействия нашли свое отражение в ряде диссертационных исследований. Так, вопросы взаимодействия федерального и региональных законодательных органов были рассмотрены в контексте их статусов¹, законодательной деятельности², в связи с формированием Совета Федерации³.

В силу ограниченности объема данной статьи представляет возможным обозначить лишь некоторые, наиболее значимые направления взаимодействия Федерального Собрания и законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Во-первых, с точки зрения своей структуры Федеральное Собрание состоит из двух палат. По мнению С.В. Нарутто, Н.Е. Таевой, Е.С. Шугриной, наличие Совета Федерации объясняется необходимостью сдерживания чрезмерного радикализма нижней палаты представителей от народа, политических партий, а также учета особенностей субъектов Федерации, уравнивания различных социальных сил и укрепления парламента⁴. О достоинствах двухпалатной структуры парламента пишут и другие авторы⁵. Подчеркивая бикамерализм в структуре российского парламента, П.А. Астафичев верно замечает, что Совет Федерации – это институт регионального представительства⁶. Порядок его формирования неоднократно изменялся и после внесенных в 2014 году поправок в Конституцию Российской Федерации⁷ ч. 2 ст. 95 Конституции Российской Федерации

¹ Шаклеин Н.И. Конституционно-правовой статус федерального и региональных парламента Российской Федерации и проблемы его совершенствования: сравнительно-правовое исследование: дис... д-ра юрид. наук. - М., 2011. 430 с.

² Мамедов Д.О. Законодательная инициатива в законотворчестве субъекта Российской Федерации: правовой анализ и проблемы реализации: автореф. дис... канд. юрид. наук. – Казань, 2011. – 24 с.; Ринчино В.Д. Участие законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации в законодательной деятельности Федерального Собрания Российской Федерации: на примере Республики Бурятия: автореф. дис... канд. юрид. наук. - М., 2007. – 29 с.

³ Быков С.В. Порядок формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: становление и перспективы развития: автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 30 с.

⁴ Нарутто С.В., Таева Н.Е., Шугрина Е.С. Конституционное право России: учебник. – 2-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. С. 298.

⁵ Например, см.: Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 445-446; Чиркин В. Е. Сравнительное государственное управление: учебное пособие. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2016С. 109-110.

⁶ Астафичев П.А. Конституционное право России: учебник. - М.: РИОР: ИНФРА-М, 2016. С. 205.

⁷ Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4202.

выглядит следующим образом: «в Совет Федерации входят: по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации – по одному от законодательного (представительного) и исполнительного органов государственной власти; представители Российской Федерации, назначаемые Президентом Российской Федерации, число которых составляет не более десяти процентов от числа членов Совета Федерации – представителей от законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Непосредственно порядок наделения полномочиями члена Совета Федерации – представителя от законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации определяет в общем виде в ст. 3 специального закона¹ и детализируется в регламенте законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации².

Во-вторых, депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации правомочны присутствовать на заседании законодательного (представительного) органа власти субъекта Российской Федерации. Например, право российских парламентариев присутствовать на закрытых заседаниях Белгородской областной Думы зафиксировано в ч. 5 ст. 46 Регламента Белгородской областной Думы.

В-третьих, сразу о нескольких формах взаимодействия законодательных органов власти федерального и регионального уровня можно говорить в рамках исследования законодательного процесса. Причем такое взаимодействие охватывает сразу несколько его стадий. Прежде всего, стадию законодательной инициативы. Среди субъектов, наделенных подобным правом на федеральном уровне согласно ч. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации и ст. 103 Регламента Государственной Думы³, названы законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации. Изучение научной литературы дает основание признать, что

¹ Федеральный закон от 03.12.2012 № 229-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50 (часть 4). Ст. 6952.

² Например, раздел 15 Регламента Белгородской областной Думы, утвержденного Постановлением Белгородской областной Думы от 30.05.2002 № 8 (ред. от 14.12.2017) // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 2002. № 39. Апрель-май.

³ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 № 2134-П ГД (ред. от 10.05.2018) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

последние годы право законодательной инициатива субъектов Российской Федерации является предметом активных научных дискуссий¹.

Законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации относятся к числу субъектов законодательной инициативы, право которых не ограничено компетенционными рамками, что означает возможность разработки ими законопроекта, направленного на регламентацию различных по своему содержанию сфер общественных отношений. Сказанное наглядно подтверждается примерами из конституционной практики. Так, 4 июня 2018 года Воронежская областная Дума внесла на рассмотрение Государственной Думы сразу несколько законопроектов, в том числе «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», «О внесении изменений в Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества». В этот же день исследуемое право было реализовано Законодательным Собранием Пермского края, предложившим скорректировать положения ст. 106 Бюджетного кодекса Российской Федерации².

Законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации наделены также правом законодательной инициативы в отношении предложений о поправках и пересмотре положений Конституции Российской Федерации, что предусмотрено ст. 134 Конституции Российской Федерации и детализировано в положениях специального закона³. Например, 18 мая 2018 года Парламентом Чеченской Республики был внесен проект закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации в части изменения положения ч. 3 ст. 81 Конституции Российской Федерации. В законопроекте предлагается изложить названную конституционную норму следующим образом: «Одно и то же лицо не может

¹ Например, см.: Морозова А.С. Некоторые аспекты реализации права законодательной инициативы в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 49-52; Степкин С.П. Оценка регулирующего воздействия как инструмент законотворчества // Закон. 2017. № 11. С. 145-153; Цалиев А.М. О законодательной инициативе субъекта Российской Федерации в Государственной Думе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 2. С. 54-58; Иналкаева К.С. Законодательная инициатива Парламента Чеченской Республики // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9. С. 43-49; Симонишвили Л.Р. Особенности реализации права законодательной инициативы в государствах с федеративной формой государственного устройства // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 4. С. 35-39 и др.

² Статистика законодательного процесса за 2018 год: Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL.: <http://www.gosduma.net/legislative/statistics/>

³ Федеральный закон от 04.03.1998 № 33-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.

занимать должность Президента Российской Федерации более трех сроков подряд»¹.

Согласимся с мнением А.М. Цалиева, отмечающего, что право законодательной инициативы, реализуемое законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации на федеральном уровне, носит самостоятельный характер, имеет прямое действие и не ставится в зависимость от усмотрения других органов власти или должностных лиц, в том числе иных участников законодательного процесса².

Следующий принципиальный момент состоит в том, что в 2009 году в Регламент Совета Федерации были внесены изменения (ч. 2 ст. 140, ч. 4 ст. 141), которые предусмотрели возможность разработки и реализации консолидированной законодательной инициативы, под которой понимается внесение в Государственную Думу законопроекта совместно Советом Федерации с законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации.

В свою очередь, правом законодательной инициативы на уровне субъектов федерации наделены и члены Совета Федерации³. Например, подобное право члена Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации – представителя от Белгородской областной Думы зафиксировано в ст. 30 Устава Белгородской области⁴, а также ст. 84 Регламента Белгородской областной Думы.

Считаем уместным заострить особое внимание на особенностях принятия законов по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Как не раз подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, федеральный закон, который регулирует определенные вопросы совместного ведения, призван устанавливать права и обязанности участников правоотношений, в том числе полномочия органов государственной власти. Таким образом, осуществляется разграничение их полномочия на основе принципа разделения властей, распространяющегося, как мы уже отмечали

¹ Статистика законодательного процесса за 2018 год: Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL.: <http://www.gosduma.net/legislative/statistics/>

² Цалиев А.М. О законодательной инициативе субъекта Российской Федерации в Государственной Думе // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2017. № 2. С. 56.

³ Ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 05.02.2018) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2018) // *Собрание законодательства РФ*. 1999. № 42. Ст. 5005.

⁴ Закон Белгородской области от 31.12.2003 № 108 (ред. от 19.02.2018) «Устав Белгородской области» // *Сборник нормативных правовых актов Белгородской области*. 2004. № 56 (часть I). Сентябрь-декабрь, 2004.

ранее в настоящей статье, на осуществление государственной власти в и на федеральном, и на региональном уровнях (например, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28.03.2017 № 10-П¹). Принятый в первом чтении законопроект по вопросам, предусмотренным в ст. 72 Конституции Российской Федерации, подлежит направлению в законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации (ч. 7 ст. 119 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации).

В случае отсутствия на федеральном уровне соответствующего федерального закона по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов Российской Федерации, либо в случаях наличия в нем отдельных пробелов, законодатель субъекта федерации наделен право осуществления самостоятельного правового регулирования. Однако, как верно подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не должны противоречить нормам федерального законодательства (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2015 № 32-П²).

При этом законопроекты субъектов Российской Федерации по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов Российской Федерации могут быть предварительно рассмотрены комитетом Совета Федерации. Однако в данном случае есть одно условие – требуется согласование подобных действий с субъектами Российской Федерации (ст. 27 Регламента Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации).

В рамках проводимого исследования уже шла речь о некоторых процедурных правилах принятия поправок к Конституции Российской Федерации. Согласно ст. 9, 10 Федерального закона «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации подлежит рассмотрению законодательным (представительным) органом субъекта Российской Федерации. Безусловно, что процедура изменения конституционных положений весьма сложная и такая работа ответственная и важная. Осознавая данные факты, федеральный законодатель определил достаточно большой срок для выполнения законодательным (представительным) органом субъекта Российской Федерации названной обязанности. Такой закон должен быть рассмотрен не позднее одного года со

¹ Собрание законодательства РФ. 2017. № 15 (часть VII). Ст. 2284.

² Собрание законодательства РФ. 2015. № 51 (часть III). Ст. 7414.

дня его принятия. Принятое законодательным (представительным) органом субъекта Российской Федерации решение оформляется соответствующим мотивированным постановлением, которое направляется в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Проведенное исследование позволяет признать, что законодательство Российской Федерации предусматривает различные направления взаимодействия Федерального Собрания и законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, реализуемые, как показывает российская практика, весьма активно, что свидетельствует о целостности механизма современного российского государства.

Гелуненко Валерия Вадимовна

аспирант кафедры конституционного и международного права

Юридический институт НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – профессор М.В. Мархгейм

(Белгород)

СВОБОДА СЛОВА В КОНСТИТУЦИОННЫХ КОНТЕКСТАХ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Юридические свободы являются одним из самых сложных правовых феноменов. Это, помимо прочего, связано с тем, что детерминированные юридическими нормами свободы личности в доктрине нередко рассматривается сквозь призму прав личности. Тем самым поддерживается дискуссия о водоразделе между правами и свободами. При этом единодушие проявляется в том, что «исходное и элементарное право человека – свобода от опасностей. Человек должен быть свободен от угроз, направленных против его жизни, здоровья, достоинства, нормального духовного и физического развития»¹.

Одним из сторонников определения свободы как права является М.С. Строгович, отмечавший, что «свобода – это тоже право, именно право совершать определенные действия, право свободно располагать собою, своими поступками»². Л.С. Явич говорил о том, что право – это и есть свобода, так как, «в любом субъективном праве юридическая возможность – это свобода действий управомоченного лица, объём и вид которой (свободы)

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 190.

² Строгович М.С. Избранные труды: Проблемы общей теории права: в 3 т. М.: Наука, 1990. Т. 1. С. 224.

диктуется, в конечном счете, степенью социального прогресса общества, является официально признанным и охраняется организованным принуждением (государством)»¹.

Аналогичное восприятие юридических прав и свобод получило отражение и на конституционном уровне некоторых постсоветских стран.

В конституционно-правовой доктрине складываются «разделительные» подходы. Например, М.В. Мархгейм отмечает, что «конституционные свободы определяются как закрепленные в конституционном порядке возможности для самореализации лица, которые не требуют строгой правовой регламентации»². Схожей позиции придерживались Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин, определявшие права и свободы, как юридически признанную возможность человека избирать вид и меру своего поведения. В рамках свободы, человек сам устанавливает свою самостоятельность, устанавливает границы от невмешательства. Что касается права, то оно предполагает реализацию положительных действий или правомочия на участие в деятельности определенных общественно-политических, хозяйственных структур³. К.Е. Игнатенкова определяет, что понятие свободы – это самостоятельный вид дозволения, заключающийся в физической и духовно-нравственной неприкосновенности личности и предоставлении субъекту в данных сферах всей полноты существующих возможностей по распоряжению собой и своими действиями, гарантированное запретом необоснованного внешнего вмешательства в них, в том числе со стороны государства в лице его органов и должностных лиц⁴.

Рассматривая данные позиции, мы не можем не согласиться ни с первыми, ни со вторыми, т.к. свобода выступает самостоятельной, признаваемой юридической возможностью человека, избирать меру своего поведения. При этом, как мы полагаем, такая избираемая мера поведения, должна быть очерчена социальными нормами, например, морали, религии, права. Привлекательная идея абсолютной свободы на практике трансформируется во вседозволенность, превращается в произвол, влечет хаос.

В этой связи особый научный интерес представляет анализ конституционных норм, в которых закладывается юридическая природа

¹ Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1976. С. 179.

² Конституционное право Российской Федерации : учебник / М.Б. Смоленский, М.В. Мархгейм, Е.Е. Тонков Изд. 2-е. испр. и доп. Ростов н/Д : Феникс. 2009. С. 192.

³ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. С. 241.

⁴ Игнатенкова К.Е. Дозволение как способ правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2006. С. 20

«свободы». Полагаем весьма показательным обратить внимание на новейшие конституционные решения, реализованные на постсоветском пространстве, поскольку данные решения принимались с учетом как общности прежнего государственного строительства, так и на волне суверенных ожиданий. Рассмотрим это, в частности, на примере очевидно личностно привлекательной и конституционно закрепленной «свободы слова».

Первичный анализ конституционных текстов указанных стран позволил выделить две принципиальные группы. В первую включены конституции, в которых свобода слова рассматривается через право, а во вторую, – в которых свобода слова рассматривается посредством гарантии.

Первая группа постсоветских стран представлена Азербайджаном, Арменией, Киргизией, Узбекистаном.

Так, в Конституции Азербайджана¹ в главе 3 «Основные права и свободы человека и гражданина» в ч. 1 ст. 47, которая именуется «Свобода мысли и слова» говорится, что «каждый обладает правом на свободу мысли и слова». Тем самым законодатель определяет свободу слова, как право, а не самостоятельную свободу. В ч. 2 этой же статьи устанавливается запрет на принуждение обнародования мысли и убеждения или отказаться от мыслей и убеждений, а в ч. 3 – не допускаются агитация и пропаганда, возбуждающие расовую, национальную, религиозную и социальную рознь и вражду. Исходя из такого закрепления, выходит, что в Конституции Азербайджана, свобода слова определяется, как право, которое дополнительно очерчено позитивными правовыми границами в виде запрета на принуждение к свободе слова или запрет на агитацию и пропаганду.

В Конституции Республики Армения² в ст. 27 свобода слова определяется как право на свободное выражение своего мнения, устанавливается запрет на принуждение к отказу от своего мнения. Конституционно закрепляется, что каждый имеет право на свободу слова, включая свободу поиска, получение и распространение сведений и идей через любые средства информации, независимо от государственных границ. Также, регламентируется свобода СМИ и гарантируется деятельность независимых СМИ. В данной конституционной норме свобода слова и свободное выражение своего мнения употребляются как синонимы, опосредованные правом, которые могут быть реализованы независимыми СМИ.

Конституция Киргизии³ в главе второй «Права и свободы человека» в ч. 1 ст. 31 определяет, что каждый имеет право на свободу мысли и мнения,

¹ Конституция Азербайджана. Сайт. URI: <http://worldconstitutions.ru/?p=133>.

² Конституция Армении. Сайт. URI: <http://worldconstitutions.ru/?p=132>.

³ Конституция Киргизии. Сайт. URI: http://www.gov.kg/?page_id=263&lang=ru.

закрепляет реализацию права на свободу выражения мнения, свободу слова и печати. Думается, что законодатель намеренно разделяет свободу мысли и мнения и свободу слова, т.к. последняя, возможно, понимается им в политическом ключе. Как и в других конституциях, в Киргизии устанавливаются позитивные ограничения, выражающиеся в запрете пропаганды, дискриминации, вражды и насилия.

Конституция Узбекистана¹ в разделе втором «Основные права, свободы и обязанности человека и гражданина», в главе пятой «Общие положения», устанавливает право на свободу мысли, слова и убеждений, беспрепятственное право поиска, получение и распространение любой информации, за исключением направленной против существующего конституционного строя и других ограничений, предусмотренных законом.

Конституционное ограничение может возникать в случае угрозы государственной или иной тайне. В данной конституции, свобода слова тесно сопряжена с правом на информацию, установлено позитивное ограничение, которое не должно вредить государству. Однако в данной статье нечего не сказано об угрозе, которая может быть нанесена человеку посредством дискриминации, вражды, пропаганды.

Вторая группа постсоветских стран, где свобода слова закреплена посредством гарантии, представлена Беларусью, Грузией, Казахстаном, Молдовой, Россией, Таджикистаном, Туркменией.

В Конституции Республики Беларусь² во втором разделе «Личность, общество, государство» в ст. 33 свобода слова определяется как гарантированное каждому свободное выражение свободы мнений, убеждений, устанавливается запрет на принуждение выражения своих убеждений. Отличительным является закрепление недопущения монополизации средств массовой информации.

Конституция Грузии³ в главе второй «Гражданство Грузии. Основные права и свободы человека» в ст. 19 наряду с гарантией каждому свободы слова, мнения, гарантируется свобода совести, вероисповедания и убеждений. Такая конституционная формулировка не является типичной, поскольку названные свободы не получают закрепление в одной статье. В отличие от других конституций, законодатель Грузии, устанавливает прямой запрет на преследование лица в связи с использованием им свободы слова, мнений, совести, вероисповедания и убеждений. Также отметим, что запрещается

¹ Конституция Узбекистана. Сайт. URI: <http://worldconstitutions.ru/?p=123>.

² Конституция Республики Беларусь. Сайт. URI: <http://worldconstitutions.ru/?p=131>.

³ Конституция Грузии. Сайт. URI: <http://worldconstitutions.ru/?p=130>.

ограничение перечисленных в данной статье свобод, если их проявление не ущемляет прав и свобод других лиц.

Конституция Республики Казахстан¹ в разделе втором «Человек и гражданин» в ч. 1 ст. 20 гарантирует свободу слова и творчества. Данная гарантируемая свобода связана со свободным получением информации, но не распространяется на сведения, составляющие государственные секреты Республики Казахстан. Не допускаются пропаганда или агитация, угрожающая безопасности, личности и государства.

Конституция Республики Молдова² во втором разделе «Основные права, свободы и обязанности» в главе второй «Основные права и свободы» в ст. 32 свобода слова гарантируется каждому через свободу мысли, мнений, а также свободу публичного выражения посредством слова, изображения или иными возможными способами. Несмотря на то, что конституционно установлены способы реализации свободы слова, она гарантируется «каждому гражданину». Полагаем, что данная норма сформулирована ограничительно.

В Конституции Российской Федерации³ свобода мысли и слова гарантируется каждому. При этом не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая вражду или превосходство, устанавливается запрет на цензуру. В данной конституционной норме свобода слова сопряжена с правом на информацию вкупе с гарантиями свободы массовой информации.

В конституциях Таджикистана⁴ и Туркменистана⁵ свобода слова закрепляется идентично. В текстах данных конституций каждому гарантируется свобода слова, печати, право на пользование средствами информации, запрещается цензура. Закономерно отмечена защита сведений, относящихся к государственной тайне.

Украина своими конституционными формулировками⁶ объединила рассмотренные подходы, определив в разделе втором «Права, свободы и обязанности человека и гражданина» в ст. 34 свободу слова как гарантированное государством право: «каждому гарантируется право на свободу мысли и слова, на свободное выражение своих взглядов и убеждений». Наряду со свободой слова установлены право на информацию, а

¹ Конституция республики Казахстан. Сайт. URI: <http://worldconstitutions.ru/?p=129>.

² Конституция республики Молдова. Сайт. URI: <http://worldconstitutions.ru/?p=127>.

³ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ от 30.12.2008 № 7-ФКЗ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.

⁴ Конституция Таджикистана Сайт. URI: <http://worldconstitutions.ru/?p=125>.

⁵ Конституция Туркменистана. Сайт. URI: <http://worldconstitutions.ru/?p=124>.

⁶ Конституция Украины. Сайт. URI: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр>.

также возможность ее ограничения в интересах национальной безопасности, территориальной целостности либо общественного порядка.

Резюмируя изложенное, констатируем, что в анализируемых нами конституциях свобода слова закреплена везде, но по-разному. В одних конституциях свобода слова закрепляется как право, в других как гарантируемая свобода. В основном в конституциях используются такие формулировки как: свобода мнения, свободно выражение своего мнения, свобода слова, свободное выражение мыслей и взглядов, свобода творчества.

Однако, основным смыслом всех этих юридических конструкций является возможность лица, посредством свободы слова вносить вклад в развитие общества и государства. Поэтому, полагаем, не столь важна лексическая форма закрепления данной свободы, сколь значима реальная возможность ее использования.

Каторгина Наталья Петровна

аспирант кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – проф. Е.Е. Тонков

(Белгород)

ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ СПЕЦИАЛИСТОМ В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Законодательство Российской Федерации, регулирующее конституционное судопроизводство, предусматривает возможность привлечения специалиста с целью оказания содействия правосудию. Участие специалиста регулируется нормами Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ (далее – ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ) и Регламента Конституционного Суда Российской Федерации² (далее – Регламент КС).

Согласно абз. 2 ст. 49, абз. 1 ст. 50 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ и § 27, п. 3 § 50, § 71.1 Регламента КС деятельность специалиста в конституционном судопроизводстве может быть реализована в двух формах: оказание технической помощи и дача консультации.

При возникновении в ходе судебного разбирательства ситуаций, для разрешения которых требуются специальные знания, возможно обращение

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Конституционном Суде Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Регламент Конституционного Суда РФ (ред. от 10.10.2017) / СПС «КонсультантПлюс»

Конституционного Суда Российской Федерации к специалистам за оказанием технической помощи в различных областях деятельности. В словаре русского языка термин «помощь» понимается как «содействие кому-нибудь в чем-нибудь, участие в чем-нибудь, приносящее облегчение кому-нибудь»¹.

В соответствии со ст. 59 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ в судебном заседании ведется протокол, фиксирующий весь ход судопроизводства. В протоколе описывается процедура и результаты заслушивания доводов сторон и мнения иных участников заседания, а также факты и обстоятельства, наблюдаемые Судом, имеющие значение для разрешения дела². Согласно п. 3 § 50 Регламента КС для обеспечения полноты и точности протокола может осуществляться аудио- и видеозапись, с целью которой привлекается специалист.

Основная задача специалиста в ходе аудиозаписи зафиксировать не только содержание судебного заседания, но и акустическую сторону процесса, которая не отражается в протоколе. При осуществлении видеозаписи задача специалиста состоит в проведении качественной визуальной фиксации, что позволит облегчить Суду (судье) многократное наглядное восприятие отдельных обстоятельств рассматриваемого дела. Использование видеозаписи в конституционном судопроизводстве предпочтительнее, так как осуществляется максимальная полнота и объективность фиксации; автоматизация процесса и его быстрота; возможность использовать функции увеличения или уменьшения изображения, замедления движения кадра, остановки кадра (стоп-кадр) и другие. Специалист при применении видеосъемки должен выбрать оптимальные приемы и методы съемки, выстроить композицию кадров, изменить масштаб кадра (если это необходимо) и прочее.

Специалист в области IT-технологий может быть приглашен, например, для транслирования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» заседания Конституционного Суда Российской Федерации. Участие специалиста возможно по собственной инициативе Суда либо с разрешения Суда по ходатайству лиц, участвовавших и присутствовавших в заседании (п.п. 1, 5 § 71.1 Регламента КС).

К.Б. Калиновский, ссылаясь на ст. 61 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ, утверждает, что Суд не может откладывать судебное заседание на

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов и фразеологических выражений / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., исп. и доп. – М.: ООО «Издательство «Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2011. – С. 722.

² См.: Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г.А. Гаджиева. Норма, Инфра-М, 2012 / СПС «Консультант Плюс».

неопределенный срок, поэтому участие необходимых лиц при разбирательстве дела, возможно реализовать с помощью видеоконференцсвязи¹ с целью их дистанционного участия².

При подготовке к видеоконференцсвязи специалист должен решить ряд организационных вопросов, таких как: определить расположение изображения на экране (автоматическое переключение камеры по голосу или режим постоянного присутствия, когда на экране видны сразу несколько участников судопроизводства); настроить Интернет-ресурс (потребуется ли дополнительное оборудование для организации подключения к сети, насколько доступна и надежна сеть выбранного типа (публичная или корпоративная сеть) и т.д.); выбрать помещение, в котором будет проходить видеосвязь; установить камеру; выставить освещение; настроить микрофон; отрегулировать параметры аудиосистемы (расположение, громкость, эхоподавление, синхронизация аудио и видео) и прочее. По мнению И.Р. Силантьевой необходимо учесть технические требования к аппаратно-программному комплексу для обеспечения бесперебойной связи, минимизации искажения, как для участников видеоконференции, так и для присутствовавших в судебном заседании³.

Другой формой участия специалиста в конституционном судопроизводстве выступает дача консультации (ст. 49 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ). Ст. 50 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ наряду с консультацией, оказываемой специалистом, отдельно выделяет разъяснение и изложение профессионального мнения. Считаем данные категории (консультация, разъяснение, изложение профессионального мнения) совпадают по смысловому содержанию и составляют единое целое.

В словарных источниках под консультацией понимается «совет, даваемый специалистом»⁴; мнение специалиста, основанное на специальных знаниях, сообщаемое Суду устно или письменно⁵. В русском словаре термин «разъяснение» равноценен понятию «разъяснить», которое представляет

¹ См.: Калиновский К.Б. Принцип очности в российском конституционном судопроизводстве. // Развитие идей правового государства и гражданского общества: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. С.Е. Еркенова. – Караганда: КЮИ МВД РК им. Б. Бейсенова, 2009 / URL: <http://www.iuaj.net/node/557>

² См.: Силантьева И.Р. Проблемы и перспективы использования систем видеоконференцсвязи в процессе правореализации // Вектор науки ТГУ. – 2013. – № 1 (23). – С. 246.

³ См.: Силантьева И.Р. Указ. работа. С. 247-248.

⁴ Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1985. С. 621; Ожегов С.И. Указ. работа. С. 373.

⁵ См.: Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. – 2-е изд. доп. М.: Мегатрон XXI, 2000 / URL: <http://fanread.ru/book/download/4142577/>; Исютин-Федотков Д.В. Криминалистический словарь-справочник. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. – С. 170.

собой как «объяснить, сделать ясным, понятным»¹. С.И. Ожегов категорию «профессиональное мнение» разделяет на два самостоятельных понятия: «профессиональный», который определяется как «относящийся к какой-нибудь профессии, связанный с профессией» и «мнение» – «суждение, выражающее оценку чего-нибудь, отношение к чему-нибудь, взгляд на что-нибудь»². Из вышеизложенного следует, что консультация специалиста включает в себя дачу разъяснений и изложение профессионального мнения.

Аналогичной позиции придерживаются ученые-правоведы. По мнению Т.Д. Телегиной консультирование представляет собой дачу советов сведущим лицом по выбору наилучшего варианта в рассматриваемой ситуации, а справочная деятельность – сообщение сведений сведущим лицом, знания которого являются профессиональной компетенцией³. Н.В. Корепанов указывает, что консультация дается специалистом для пояснения узкопрофильных вопросов⁴.

Судья, проводящий предварительное изучение обращения, может запрашивать консультации специалистов по поставленным в обращении вопросам (§ 27 Регламента КС). Для получения консультации специалиста судья-докладчик оформляет в письменном виде задание, если имеется в этом необходимость (п. 2 § 35 Регламента КС). Однако законодатель не определяет юридические основания привлечения специалиста и не регламентирует структуру такого документа. На наш взгляд, основанием для дачи заключения специалистом должно стать определение, структуру которого целесообразно ориентировать на определение о назначении экспертизы. Определение выносится в случае привлечения специалиста для предоставления консультации в письменной форме. Требования Конституционного Суда Российской Федерации о привлечении специалиста обязательны для всех органов, организаций и лиц, которым они адресованы. Профессиональное мнение должно быть направлено Конституционному Суду Российской Федерации в течение месяца со дня получения этих требований, если не указан иной срок (ст. 50 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ).

Специалист помимо письменного изложения своего

¹ Ожегов С.И. Указ. работа. С. 853.

² Ожегов С.И. Указ. работа. С. 813, 454.

³ См.: Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений: монография. – М: Изд-во «Юрлитинформ», 2011. – С. 89.

⁴ См.: Корепанов Н.В. Использование адвокатом специальных познаний при осуществлении защиты по экономическим преступлениям // Федеральное агентство по адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2004. – С. 234.

профессионального мнения может дать разъяснения и устно¹. Л.В. Зорин консультацию специалиста, даваемую в устной форме, называет неофициальной консультативной деятельностью специалиста². В ходе устной консультации сведущее лицо может дать рекомендации, например, направленные на использование Судом (судьей) тактических приемов для разрешения задач, возникающих при рассмотрении дела.

Основопологающей задачей специалиста вне зависимости от формы предоставления сведений является сообщение Конституционному Суду Российской Федерации информации, необходимой для правильного разрешения вопроса³. Консультация специалиста становится незаменимой формой использования специальных знаний, когда Суду (судье) необходимо получить необщедоступные сведения для подготовки дела к слушанию, например: определить экспертную перспективу планируемого исследования; определить и сформулировать задачи для эксперта; оценить заключение эксперта; разъяснить сущность используемых терминов, понятий, определений, слов, словосочетаний и прочие.

Сведущее лицо, давая консультацию, не устанавливает новые факты применительно к конкретной правовой ситуации, а разъясняет Суду (судье) из теории и практики на основе используемых им специальных знаний научные положения, опытные, справочные данные. Если вопросы, поставленные перед специалистом, выходят за пределы его специальных знаний либо представленных материалов недостаточно, то он может отказаться от дачи консультации полностью (частично) или обратиться к Суду (судье) с предложением об изменении (уточнении) поставленных перед ним задач.

Получение консультации позволит Конституционному Суду Российской Федерации дать оценку собранным по делу материалам, что будет способствовать объективному, всестороннему и своевременному разрешению дела. Сведения, полученные в ходе деятельности специалиста, в некоторых случаях будут достаточными для принятия мотивированного решения Суда (судьи) без назначения и проведения правовой экспертизы, что существенно сократит процесс рассмотрения дела.

Считаем, что итоговым документом консультативной деятельности специалиста должно выступать заключение специалиста, которое может

¹ См.: Нарутто С.В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации: Научно-практическое пособие. «Норма», «Инфра-М», 2011 / СПС «Консультант Плюс».

² См.: Зорин Л.В. Процессуальные формы деятельности специалиста // Вестник ЮУрГУ. – 2006. – № 13. – С. 86.

³ См.: Мархгейм М.В. Конституционное судопроизводство: учеб. пособие. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – С. 19.

составляться по аналогии или максимально приближенное к заключению эксперта. К заключению специалиста должны предъявляться определенные процессуальные требования, регламентирующие, в том числе, его структуру, включающую вводную, описательную и заключительную части¹.

В заключении специалиста, используемом в конституционном судопроизводстве, на наш взгляд, должны содержаться следующие сведения.

Во вводной части: номер и дата составления заключения; данные о специалисте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы по специальности, место работы и занимаемая должность, почетные звания, ученая степень и ученое звание (если имеется)); сведения об инициаторе, по требованию которого представляется заключение; кратко изложить обстоятельства дела; перечень вопросов, поставленных перед специалистом; материалы, предоставленные специалисту.

В описательной части: подробное описание представленных материалов; ход рассуждений по поставленным вопросам.

Содержание описательной части заключения специалиста должно соответствовать следующим требованиям:

а) объективность и обоснованность. Отражаемые в заключении сведения должны являться результатом тщательно проверенной и изученной информации, исключать фактические неточности, обеспечивать полноту вывода специалиста;

б) полнота и комплексность отражения в заключении всех существенных обстоятельств, имеющих отношение к рассматриваемому вопросу;

в) четкость, лаконичность и доступность изложения. Содержащиеся в заключении формулировки должны исключать возможность двоякого толкования; изложение должно быть кратким, четким, ясным, последовательным и, по возможности, доступным для лиц, не имеющих специальных знаний в консультируемой области.

В заключительной части: выводы по поставленным перед специалистом вопросам. Выводы специалиста должны быть: понятными в изложении; сформированы на основе специальных знаний сведущего лица; логичными, то есть вытекать из вводной и описательной частей заключения.

¹ См.: Логвинец Е.А., Каторгина Н.П. Специальные знания в судопроизводстве: дилеммы теории и практики: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 79-80; Данилова Л.С., Громов Н.А. Об универсальности термина «специалист» // Право и политика. 2006. № 2; Современное право. 2006. № 8 / СПС «КонсультантПлюс»; Земцова С.И., Зырянов В.В. Использование результатов предварительного исследования в доказывании: проблемы и возможности // Российский следователь. 2011. № 24 / СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, изложенное указывает на целесообразность глубокого анализа форм использования специальных знаний специалистом в конституционном судопроизводстве, что неизбежно повлечет необходимость внесения изменений и дополнений в нормы ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ и Регламента КС.

Корнюшкин Александр Васильевич
аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридический институт НИУ «БелГУ»,
Научный руководитель – профессор М.В. Мархгейм
(Белгород)

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРИНЦИПОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Безусловно, принцип выступает базисным понятием по отношению к любым явлениям и, исходя из этого, в обобщенном виде принципы права определяют как руководящие, основные положения, начала, на которых базируются отдельные нормы, институты, отрасли, иные правовые явления и учреждения, а также все право в целом¹.

В отечественной правовой науке достаточно широкое распространение сохраняет традиция по рассмотрению принципов права как особой разновидности норм. Учеными-единомышленниками принципы права раскрываются как принципы действующего права, выступающие отправными положениями (правилами), непосредственно входящими в его содержание². Принципы представлены в праве как нормативно закрепленные основные идеи в виде норм-принципов, реально выраженных в правовых нормах. Поэтому принципы, входящие в данную группу, обладают всеми свойствами правовых норм, являются обязательными для участников регулируемых отношений, и отступление от них расценивается как нарушение закона. Эта позиция обладает той степенью объективности и определенности, которая позволяет наиболее четко определить и зафиксировать путем воплощения в нормативных правовых актах основополагающие идеи – принципы права, что делает их доступными и понятными для правоприменения³.

¹ См.: Винницкий И.Е. Проблема родового понятия в определении принципов права // История государства и права. 2011. № 15. С. 4-7.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1963. С. 151; Лукашова Е.А. Принципы социалистического права. М., 1973. С. 21.

³ Бутакова Н.А. О понятии принципов права // История государства и права. 2007. № 16. С. 2-3.

Совершенно противоположно мнению Г.В. Мальцева, который указывал, что правовой принцип является видом нормы особого типа, для которого не всегда обязательны формальная институционализация, фиксация в писаном нормативном акте¹.

В данном контексте лежат и воззрения В.П. Грибанова. По его мнению, отождествление правового принципа и нормы права практически равнозначно отрицанию правовых принципов вообще². Формально принципы могут быть закреплены в нормах права, однако они могут находить в них и косвенное отражение. Именно по этой причине было бы неправильно отождествлять принципы с нормами права.

Сторонники этого подхода также определяют правовые принципы в качестве исходных юридических положений и идей, не вошедших в содержание действующего права, соответственно, не зафиксированных в нормах права и свойствами нормативности не обладающие³. К ним относятся те, которые прямо в нормах не закреплены, имеют смысловое выражение и находят свое воплощение в таких компонентах правовой системы, как правосознание, правотворчество, правореализация и др. В данном случае идея, определяемая как правовой принцип, по сути своей субъективна.

В современной научной литературе в опровержение приведенного мнения группы авторитетных ученых сформулирован тезис о том, что все принципы права, даже с учетом их различной градации и классификации, должны быть отражены в конкретных нормах права. В противном случае они будут лишены свойства положительно влиять на общественные отношения. Мнение о существовании принципов права в форме общих руководящих идей права, не закрепленных законодательно, делает их категорией иллюзорной и крайне субъективной. Поэтому принципы права как основополагающие идеи, наиболее правильно и адекватно отражающие социальную действительность в соответствии с достигнутым в обществе на данный момент уровнем ее познания, должны существовать только в определенной форме права (нормативном акте и т.п.)⁴.

Не отрицая и не подвергая сомнению важность формализации любых правовых принципов, тем не менее, настаиваем на том, что объективны случаи существования правовых принципов не только в нормативных правовых актах различного уровня, но и в доктрине. Связано это с тем, что формирование принципов, как и воспроизводство любых других идей,

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 681.

² Грибанов В.П. Принципы осуществления гражданских прав // Вестник МГУ. Серия «Право». 1966. № 3. С. 12.

³ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2005. С. 168.

⁴ См.: Бутакова Н.А. О понятии принципов права // История государства и права. 2007. № 16. С. 2-3.

является сложным, противоречивым, но в то же время естественным, закономерным процессом, который детерминирован сложной системой объективных (социальных) и субъективных (психологических) факторов. Само их возникновение сопряжено с потребностью человека в осознании окружающей его действительности, ее осмыслении и объяснении, а также его стремлением к ее активному преобразованию с учетом собственных интересов и потребностей. Трансформация идей – закономерное следствие развития сознания и его преобразующего воздействия на окружающую человека реальность¹. Стадия формального определения правовых принципов в данном процессе может быть финальной и, безусловно, имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Что касается принципов взаимодействия прокуратуры и общественности, то относительно недавно появившийся специальный акт – Приказ Генпрокуратуры РФ от 10 сентября 2008 г. № 182 «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению»², таких принципов не содержит. А публичный субъект – общественность, который функционирует, как в соответствии с государственными установлениями, так и на основе саморегулирования, не позволяет в исчерпывающем варианте формализовать принципы такого взаимодействия. В связи с этим, конечно, при формулировании принципов взаимодействия прокуратуры и общественности мы, придерживаясь их доктринально-нормативной природы, понимаем под ними руководящие, основные положения, начала, на которых базируется обмен юридически значимой деятельностью уполномоченных субъектов по различным основаниям для разъяснения законодательства, правового просвещения населения, а также установления по данным поводам обратной связи.

В числе таких принципов мы предлагаем следующие их виды: принцип сотрудничества, принцип гласности, принцип планирования, принцип научности, принцип сочетания ситуативности и системности, принцип определенности субъектов, принцип сочетания надзорных и ненадзорных направлений деятельности при взаимодействии прокуратуры и общественности.

¹ Винницкий И.Е. Проблема родового понятия в определении принципов права // История государства и права. 2011. № 15. С. 4-7.

² Законность. 2008. № 10.

Кунейко Алексей Николаевич
соискатель кафедры теории и истории государства и права
Кубанский государственный университет
(Краснодар)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ НАУКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТОРГОВОГО ПРАВА (1804–1821 гг.)

К началу XIX в. наука торгового права России находилась в зачаточном состоянии. Объясняется это тем, что большинство институтов торгового права фактически отсутствовало.

В российских университетах, которые получили новый импульс своего развития с 1804 г. – года утверждения общего университетского Устава и создания ряда провинциальных университетов (в Казани, в Харькове), торговое право не преподавалось, а наука торгового права не развивалась¹. В Дерптском университете при его преобразовании в 1802 г. были созданы четыре кафедры, две из которых могли иметь некоторое отношение к торговому праву, однако даже кафедра гражданского и торгового права ориентировалась не на российское, а на немецкое право. Профессора К.-Ф. Мейер и И.-Л. Мютель работ по торговому праву не оставили, да его и не преподавали, как, впрочем, и пришедшие им на смену Х.-Х. Дабелов, Х.-Ю. Штельцер².

На законодательном уровне, конечно же, имелись некоторые нормы, относящиеся к торговле как таковой, которые впоследствии были инкорпорированы в торговые своды, но торговое право как элемент системы частного права отсутствовало. Российского торгового права как системного элемента российского права и как объекта исследования науки еще не существовало, если понимать этот объект исключительно как уже действующее право. Однако неоспоримо то обстоятельство, что писаное

¹ Имеется достаточно обширная литература о развитии юриспруденции в университетах России в первой трети XIX в., однако ни в одной из работ не упоминается о науке торгового права. См.: «Изучать юриспруденцию яко прав искусство»: очерки истории юридического образования в России (конец XVII – XX в.) / под общ. ред. В.В. Захарова, Н.Н. Зипунниковой. Курск, 2008; Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России первой трети XIX в.: учеб. пособие. М., 2011; Корнев А.В. Государственно-правовая мысль и юридическое образование в дореволюционной России. М., 2011; Алексеева И.Ю. Развитие юридического образования в России в XVIII – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2000. С. 17–36.

² Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский университет за сто лет его существования (1802–1902). Исторический очерк. Т. 1: Первый и второй периоды (1802–1865). Юрьев, 1902. С. 107, 146, 159, 177.

право является результатом выработки и фиксации идей, которые могут генерироваться только человеком.

Представляется, что зарождение науки российского торгового права следует относить ко времени появления идеи разработки «коммерческого уложения» в планах деятельности Комиссии составления законов (КСЗ) в начале XIX в.¹ В значительной степени идея отдельного российского торгового уложения была навеяна разработкой французского Торгового кодекса, который послужил не только побудительным мотивом, но и источником будущих российских проектов. Косвенным подтверждением этого можно считать свидетельства о недостаточности законодательных материалов для разработки проекта на исторических национальных основаниях. Об этом министр юстиции П.В. Лопухин прямо докладывал императору 4 июня 1804 г.² Однако отнесение самой идеи торгового уложения «на счет французского влияния» и, в частности, Торгового кодекса Франции 1807 г.³ представляется явным преувеличением хотя бы потому, что в России вопрос был поднят до принятия указанного акта.

Тогда же императору был представлен проект Коммерческого устава для Одессы. Содержание этого проекта установить пока не удалось, но известно, что в его обсуждении принимал участие выходец из Франции градоначальник Одессы граф Эммануил Осипович Дюк де Ришелье⁴. Поэтому можно предположить, что с учетом последующих преобразований в Одессе сферы торговли и предпринимательства и официального создания коммерческого суда в 1808 г. французское влияние в данном проекте имелось.

Первые сведения научного характера о системе российского частного права мы находим в Главном расположении книги законов – докладе министра юстиции П.В. Лопухина, утвержденном 28 февраля 1804 г. императором Александром I. Следует предположить, что автором этой идеи мог быть Н.Н. Новосильцов, товарищ министра юстиции, который

¹ Представляется весьма показательным, что некоторые современные исследователи даже не догадываются о серьезных попытках кодификации торгового права в период правления Александра I и излагают своими словами давно обсуждаемые моменты, связанные с разработкой проекта гражданского уложения. См.: Ружицкая И.В. Кодификационные проекты императора Александра I как составная часть его политических реформ // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2012. № 11. С. 130–139.

² Доклад министра юстиции о преобразовании комиссии составления законов. СПб, 1804. С. 65 и др.

³ Удинцев В.А. История обособления торгового права. Киев, 1900. С. 93-94.

⁴ Мы приводим имя этого известного политического деятеля России и Франции в российской официальной версии. См.: Доклад министра юстиции о преобразовании комиссии составления законов. СПб, 1804. С. 65–68.

фактически руководил подготовкой официального доклада. По крайней мере, данная идея была им одобрена так же, как и самим министром¹.

В докладе предусматривалось, что в последней, шестой части книги законов должен содержаться Устав о коммерции, а начертание и разделение предметов Коммерческого устава поручалось второй экспедиции КСЗ.

Вопросы торгового права в соответствии с Положением о составе и управлении КСЗ от 7 марта 1809 г. должны были разрабатывать сотрудники третьего отделения Ф.К. Вирст и его помощник, статский советник Роман Максимович Цебриков². Ф.К. Вирст 18 марта того же года представил по инстанции «Подробное означение предметов Гражданского коммерческого уложения», документ, представляющий собой обозначение системы торгового права. Данный план выделял четыре основных раздела торгового права: 1) «О торговле вообще» (8 глав), 2) «О морской торговле» (6 глав), 3) «Об упавших и банкротах» (5 глав), 4) «О коммерческом судопроизводстве» (4 главы)³.

По существу, это первое научное изложение системы торгового права России. Учитывая положительное отношение М.М. Сперанского к французскому законодательству, а также то, что в 1807 г. был принят Торговый кодекс Франции, трудно было бы предположить, что Ф.К. Вирст за столь небольшой промежуток времени с момента постановки задачи предложит что-то иное, чем система французского торгового кодекса. Действительно, сравнение предложений Ф.К. Вирста с системой Торгового кодекса Франции показывает их практически полное совпадение. Несмотря на почти полное совпадение системы предполагаемого кодекса с Торговым кодексом Франции, необходимо отметить ставшую впоследствии ключевой особенность этой системы. Речь идет об отсутствии деления на материальное и процессуальное торговое право. В дальнейшем эта система была адаптирована к российской правовой действительности и потребностям торгового оборота.

Общие положения торгового права, кроме Ф.К. Вирста, разрабатывали чиновники отделения Николай Иванович Тургенев⁴ и Владимир Федорович

¹ Министерство финансов. 1802–1902. Ч. 1. СПб, 1902. С. 200; Министерство юстиции за сто лет (1802–1902): исторический очерк. СПб, 1902. С. 25.

² ПСЗРИ-1. Т. 30. № 23525; ОР РНБ. Ф.731. Д. 902. Л. 1.

³ РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 309. Л. 1–36.

⁴ Николай Иванович Тургенев. URL: <http://www.rulex.ru/01190415.htm> (дата обращения: 02.04.2014).

Вельяминов-Зернов¹. Н.И. Тургенев (1789–1871-е гг.) стал впоследствии известным общественным деятелем России, привлекался к ответственности по делу декабристов. В КСЗ он был зачислен в 1812 г. Участвовал в разработке проекта коммерческого уложения и оставил труды по теории налогов, по уголовному праву, по истории общественного движения России. В.Ф. Вельяминов-Зернов родился в Москве в дворянской семье, окончил Московский университет, гражданскую службу начал в 1804 г., в 1813 г. был назначен секретарем Совета КСЗ по коммерческому уложению. С 1821 г. числился корреспондентом КСЗ. Он оставил значительный след в развитии гражданского права. Им был издан «Опыт начертания российского частного гражданского права» (Санкт-Петербург, 1815–1821). Это, по существу, одно из первых систематических изложений гражданского права в России. Кроме того, к уточнению системы торгового права привлекался советник коммерции Вильгельм Иванович Рувье². Он эмигрировал в Россию из Сант-Доминго в 1798 г., за различные сочинения по торговле был пожалован чином коммерции-советника. С 1807 г. числился корреспондентом КСЗ. В 1810 г. зачислен в Коммерческий комитет при КСЗ, который занимался вопросами текущего законодательства о торговле, а также вопросами таможенного и налогового обложения торговли.

Усилиями этих чиновников был разработан вариант проекта, представленный в КСЗ в 1813 г. (проект КСЗ 1813 г.). Этот проект содержал 10 глав (по первому плану – 8 глав). Проект устанавливал правоспособность «торгующих лиц», права и обязанности конкретных субъектов торговой деятельности, вексельному праву были посвящены главы 5 и 6.

Начиная с января 1813 г. проект был вынесен на обсуждение Совета КСЗ с участием известных петербургских купцов Якова Николаевича Молво (первый председатель Санкт-Петербургской биржи), Ивана Васильевича Водовозова (купец первой гильдии, разорившийся в 1828 г.), Ивана Григорьевича Мейера (купец первой гильдии), Ивана Васильевича Кусова (купец первой гильдии, представитель известного купеческого, впоследствии дворянского рода), Андрея Ивановича Северина (коммерции советник, купец первой гильдии) и др. Дальнейшее редактирование и изменение проекта было поручено Н.И. Тургеневу.

¹ Вельяминов-Зернов Владимир Федорович // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: http://www.dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron/ (дата обращения: 02.04.2014); РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 900. Л. 93–102.

² РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 901. Л. 102; ОР РНБ. Ф. 731. Д. 911. Л. 1.

13 декабря 1813 г. доработанный проект начал рассматривать сам П.В. Лопухин. Он в целом одобрил проект. Окончательное редактирование проекта было поручено Г.А. Розенкампу и В.Ф. Вельяминову-Зернову.

Наконец в 1814 г. проект первой части Торгового уложения был внесен в Департамент законов Государственного совета, который рассматривал его в течение мая – июня в пяти заседаниях. Доработанный проект Департамент законов утвердил и предписал «окончить рассмотрение Проекта Торгового Уложения»¹. Именно в данной редакции первая часть Торгового уложения, по указанию П.В. Лопухина от 16 декабря 1816 г., была напечатана, а впоследствии опубликована в 1874 г. в Архиве государственного совета.

Таким образом, имелись как минимум два варианта указанного проекта. Первый, состоящий из 10 глав, представленный в Совет КСЗ в январе 1813 г., и второй, состоящий из трех частей, утвержденный Департаментом законов в 1814 г. 18 глав первой части по существу выделяли общую часть торгового права, положения о вексельном праве («Вексельный устав») составляли вторую часть, а «Банкротский устав» – третью. Но вторая и третья части были разработаны позднее.

Проект, по своей сути, был первым систематическим изложением торгового права в России, а поскольку проект так и не стал законом, то в истории осталась только его научная составляющая, позволяющая представить общее состояние науки торгового права России того периода времени². Само существование такого проекта не позволяет согласиться с мнением о том, что не приходится говорить о самостоятельной науке торгового права вплоть до середины 1850-х гг., что «она развивалась в рамках общей системы российского патриархального гражданского права»³.

¹ Архив Государственного совета: Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента законов: Рассмотрение проектов уложений гражданского, уголовного и торгового. СПб, 1874. Т. 4, ч. 1. С. 187–188.

² Отметим, что непреходящее значение проектов уложений того времени для развития науки права признается современными исследователями, например, применительно к гражданскому праву. Однако относительно торгового права таких упоминаний нет. См.: Томсинов В.А. Проект Гражданского уложения Российской империи 1809–1814 годов и его значение в формировании российской науки гражданского права // Законодательство. 2014. № 10. С. 88–94; 2014. № 11. С. 88–94; 2014. № 12. С. 81–87; 2015. № 1. С. 88–94; Лядашева-Ильичева М.Н. Проекты гражданского уложения в России 1809–1825 годов // Право. Законодательство. Личность. 2010. № 2 (9). С. 135–138; Иванов В.С. Проекты гражданского уложения Российской империи 1809 и 1814 года // Юриспруденция в современной России: материалы Всерос. заочной науч.-практ. конф. Новосибирск, 2011. С. 42–49; Штыркова А.В. О проектах гражданского уложения в Российской империи 1809 и 1814 года // Конституционные основы гражданского судопроизводства: история, современное состояние и пути совершенствования: сб. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов. Саратов, 2013. С. 367–369.

³ Лебедев К.К., Попондопуло В.Ф., Яковлева В.Ф. К 20-летию кафедры коммерческого права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета // Актуальные

Системное выделение науки торгового права, на наш взгляд, следует связывать даже не с созданием Устава торгового, инкорпорированного в Свод законов 1832 г., а именно с разработкой проекта Торгового уложения. Уже тогда научные представления о системе права достаточно четко выделяли торговое право из гражданского. Эти тезисы достаточно наглядно иллюстрируются содержанием проекта Торгового уложения.

Таким образом, первое систематическое изложение норм торгового права в проекте Торгового уложения одновременно является и первым систематическим научным изложением идей торгового права как единого системного образования, регулирующего имущественные отношения купцов-предпринимателей.

Проект Торгового уложения (1814–1821 гг.) и подготовительные материалы по его разработке фактически стали первыми материальными свидетельствами развития науки торгового права в России. Вполне естественно, что до этого времени отдельные идеи научного характера относительно правового регулирования деятельности, которая впоследствии получила название предпринимательской, периодически появлялись. Однако, до появления идеи «коммерческого уложения» не шло речи о системном отраслевом акте, который бы являлся основанием для выработки системных научных представлений и идей. В связи с тем, что само Торговое уложение так и не стало нормативным правовым актом, его значение как источника новых для того периода времени идей трудно переоценить. В то же время, следует корректно оценить значение проекта и деятельности КСЗ по его разработке. Идейным вдохновителем проекта был Торговый кодекс Франции. Однако одно то, что авторы проекта Торгового уложения приспособили основные идеи буржуазного по своей сути торгового права к условиям феодально-крепостнической России, свидетельствует о наличии научной составляющей проекта. Если же оценивать значение проекта для России, то это был действительно серьезный шаг в развитии юридической науки в стране.

Деятельность законопроектных и законосовещательных органов Российской империи безусловно изначально была направлена на выработку нормативных актов в целях регулирования общественных отношений. В данной деятельности, в частности, велика политическая составляющая. Вместе с тем порядок разработки таких актов, смена и борьба идей, которая выливалась в итоге в принятие нормативного акта или в оставление его в качестве проекта, свидетельствуют о научном подходе их авторов.

В условиях фактически отсутствия университетской науки торгового права на первый план выходит деятельность ученых, работавших в государственных учреждениях, и научная составляющая такой деятельности – «официальная» наука торгового права.

Лебедь Анна Викторовна

соискатель кафедры конституционного и международного права

Юридический институт НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – профессор М.В. Мархгейм

(Москва)

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ РЕБЕНКА-ИНВАЛИДА В РОССИИ

«...А пока желанная перспектива не осуществилась, в масштабах государства должна быть организована система материального обеспечения и обслуживания лиц, временно или постоянно пребывающих в бедственном или близком к тому состоянию, а также граждан, социальное положение которых ухудшается в связи с некоторым событием (потерей работы, выходом на пенсию, заболеванием и т.п. либо постоянно отстает от уровня жизни, признанного нормальным, средним. Идея создания подобной системы была безусловно позитивной и сегодня еще принадлежит к самым замечательным начинаниям нашего времени»¹.

Проблема доктринального определения конституционно-правового статуса ребенка-инвалида в Российской Федерации приобретает все большую актуальность, поскольку количество детей-инвалидов в России неуклонно растет², а принятие государственной стратегии в отношении детей-инвалидов представляется невозможным без разработки понятийного аппарата и ретроспективного анализа законодательных норм.

Международные нормы, ориентированные на защиту прав и свобод инвалидов, получили свое развитие сравнительно недавно. Международное сообщество при разработке действующей ныне системы защиты прав человека в первую очередь обращало свое внимание на универсальные

¹ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 257.

² Федеральная служба государственной статистики, общая численность инвалидов по группам инвалидности

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#

механизмы и нормы защиты прав человека, распространяя их на всех людей, в том числе, на так называемые «уязвимые группы», к которым относятся и дети-инвалиды. К таким универсальным международным соглашениям в области прав человека относятся Всеобщая декларация прав человека, Международные Пакты о правах человека и другие¹.

Позднее представители международного сообщества, осознав, что данных общих норм и гарантий не достаточно для обеспечения реализации и защиты прав отдельных категорий лиц в рамках существующих процессуальных форм², приступили к разработке специальных международно-правовых механизмов. К таким механизмам можно отнести международные договоры, регламентирующие специальные механизмы ликвидации дискриминации в отношении женщин и расовой дискриминации, защиты прав детей, предотвращения пыток, защиты прав инвалидов и др.³

Попытки периодизации законодательства об инвалидах предпринимались ранее, однако с точки зрения рассмотрения детской инвалидности хронология становления российского законодательства не подвергалось анализу. Развитие внутригосударственных механизмов регулирования и защиты правового статуса ребенка-инвалида в России является предметом настоящего исследования. Автором предлагается выделять следующие этапы, характеризующие генезис механизмов регулирования и защиты правового статуса ребенка-инвалида.

Исходный период - законодательное закрепление правового статуса ребенка-инвалида путем создания специальных норм, регулирующих положение детей-инвалидов. Данный период очерчен временными рамками с 1979 года по 1995 год. В 1979 году ЦК КПСС и Советом министров СССР было принято Постановление «Об улучшении материального обеспечения инвалидов с детства»⁴. С этого момента было введено понятие ребенок-инвалид в СССР.

¹ Всеобщая декларация прав человека принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. / Все о правах человека: сборник нормативных актов. – М., 2017; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // www.garant.ru

² Макогон Б.В. Научная конструкция юридической процессуальной формы и ее виды // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60). С. 17-22.

³ Декларация прав ребенка, принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Все о правах ребенка: сборник нормативных актов. – М., 2017; Декларация о правах умственно отсталых лиц" (Принята 20.12.1971 Резолюцией 2856 (XXVI) на 2027-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // www.garant.ru; Конвенция № 159 Международной организации труда «О профессиональной реабилитации и занятости инвалидов» (Заключена в г. Женеве 20.06.1983) // www.garant.ru; «Конвенция о правах инвалидов» (Заключена в г. Нью-Йорке 13.12.2006) // www.garant.ru

⁴ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 23.05.1979 № 469 «Об улучшении материального обеспечения инвалидов с детства» // www.garant.ru

Противоречивость и сложность правовой политики государства в отношении детей-инвалидов в этот период была вызвана коренными изменениями, происходившими в связи с распадом СССР и образованием на его территории суверенных государств. Положения принятого в конце 1990-го года Верховным советом СССР Закона «Об основных началах социальной защищенности инвалидов в СССР» не были в полной мере реализованы.

С принятием 12 декабря 1993 года Конституции Российской Федерации произошли изменения в составе субъектов, формирующих и реализующих правовую политику в отношении детей-инвалидов. К ним относятся Президент Российской Федерации, Федеральное собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, профильные министерства, Конституционный суд Российской Федерации, Верховный суд Российской Федерации, Прокуратура. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации также осуществляют правовую политику в отношении инвалидов на региональном уровне. В связи с недостаточной согласованностью деятельности органов на федеральном и региональном уровне, а также разрозненностью нормативного регулирования в рассматриваемый период выявлялись факты нарушения прав детей-инвалидов, в целом в отношении детей-инвалидов отсутствовала системность и упорядоченность правового регулирования.

Окончание исходного периода следует условно обозначить принятием Федерального закона от 24 ноября 1995 года № 181 «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»¹, поскольку с принятием вышеуказанного закона стартовал качественно новый период, характеризующийся более глубокой проработкой государственной и муниципальной политики в отношении детей-инвалидов.

Следующий период развития законодательства в отношении детей-инвалидов предлагается обозначить концептуально-обеспечительным и считать его началом 24 ноября 1995 года. Вступивший в силу в 1995 году Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» был первым законодательным актом, в котором кодифицированы основные правовые нормы, определившие правовой статус детей-инвалидов, предоставление им льгот, содержащихся ранее в многочисленных нормативно-правовых актах. В данный период происходит в определенной степени смена концепции в отношении проблем инвалидности: начинается создание доступной для инвалидов среды, врачебно-трудова экспертиза преобразовывается в медико-социальную экспертизу. Данный период

¹ Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // www.garant.ru

получил название концептуально-обеспечительного еще и потому, что для реализации Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» необходимо было принятие большого количества подзаконных нормативно-правовых актов, происходило разрастание нормативно-правовой базы, что в определенной степени затрудняло и на сегодняшний день затрудняет правоприменительную практику в отношении детей-инвалидов.

Условное окончание данного периода наступило в сентябре 2012 года, когда Российской Федерацией была ратифицирована Конвенция о правах инвалидов, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 2006 года.

Международно-стандартизированный период берет свое начало в Российской Федерации в 2012 году, не смотря на то, что Конвенция о правах инвалидов была принята резолюцией 61/106 ГА ООН от 13 декабря 2006 года. Конвенция о правах инвалидов дает государствам ориентиры совершенствования национального законодательства и правоприменительной практики в духе инклюзивного отношения к инвалидам. Со стороны международного сообщества обеспечивается защита полного и равного участия инвалидов в жизни общества и стимулируется государственное участие в создании условий для такого равенства.

Иными словами, в данный период Россия интегрировалась в деятельность мирового сообщества по выполнению важной задачи каждого государства – выработке стратегии и политики по реализации Конвенции на национальном уровне, разработке законодательства и системы механизмов по ее последовательному воплощению в жизнь. Среди задач Российской Федерации, решение которых необходимо для реализации положений Конвенции, можно выделить:

- координацию и сотрудничество различных органов власти в обеспечении прав людей с инвалидностью;
- планирование ресурсов, в частности финансовых, и их справедливое распределение;
- обеспечение равенства и соблюдения принципа недискриминации в реализации прав инвалидов, их доступа к услугам и объектам.

Также данный период положил начало развития концепции интеграции, полноценного включения инвалидов, в том числе детей-инвалидов, в жизнь российского общества. На современном этапе в России формируется так называемый социальный подход к детям-инвалидам. Это связано с необходимостью воспитания и возвращения членов общества, способных к активному участию в развитии социума, трудовой деятельности и самостоятельному обеспечению своих нужд. В целях реализации социального

подхода следует выработать государственную стратегию в отношении детей-инвалидов с учетом российских практик и зарубежного опыта социальной интеграции.

Насандратра Лаурита

аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
(Мадагаскар)

Научный руководитель – профессор Е.В. Сафронова
(Белгород)

СОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ

Согласительные средства играют особую роль в мирном урегулировании споров и разногласий между суверенными государствами, что особенно ярко проявляется в современных условиях глобальной взаимозависимости¹. Суть этих средств состоит в том, что спор улаживается в результате прямого контакта сторон и соглашения. Этими средствами являются переговоры, консультации, добрые услуги, посредничество, установление фактов, примирение.

Переговоры – это прямой контакт сторон в целях достижения взаимоприемлемого соглашения. Они проводятся либо через обычные дипломатические каналы или в форме специально созываемых совещаний. Также и письменная форма, и обмен посланиями. Переговоры по правилам должны предшествовать применению других средств разрешения споров. Переговоры начинаются по соглашению сторон. Вступление в переговоры может быть и обязательным. Такие случаи предусматриваются договорами. Соответствующее предписание может содержаться в решении арбитража либо международной организации.

Переговоры проще организовать, и не требуют значительных расходов, поэтому они имеют ряд преимуществ по сравнению с другими средствами. И самое главное, они не оказывают отрицательного влияния на взаимоотношения сторон. Разные опыты свидетельствуют об эффективности переговоров. При их помощи решается основная масса разногласий между государствами. Переговоры могут быть двусторонними, и многосторонними. Но из них последние самые распространение.

¹ Макогон Б.В. Современное государство в условиях глобализации // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 29-31.

Появилось понятие парламентской дипломатии, означающей многосторонние переговоры в рамках международных органов и организаций. В 1999 г. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 53/101 «Принципы и установки для ведения переговоров». Резолюция подчеркивает, что в ходе переговоров государствам следует руководствоваться соответствующими принципами и нормами международного права. Переговоры должны быть совместимы с принципом достижения декларируемой цели переговоров и способствовать этому в соответствии со следующими установками: 1) добросовестное ведение переговоров; 2) привлечение к переговорам государств, интересы которых непосредственно затрагиваются; 3) принятие мер к поддержанию конструктивной атмосферы на переговорах и воздержание от шагов, способных затруднить или сорвать переговоры; 4) содействие достижению главных целей переговоров; 5) необходимость придерживаться взаимно согласованных рамок ведения переговоров; 6) продолжение работы по достижению взаимоприемлемого решения в случае неудачи переговоров.

Консультации представляет собой разновидность переговоров, отличающаяся простотой организации, меньшей формальностью. Зачастую они предшествуют официальным переговорам. Многие договоры предусматривают урегулирование разногласий путем консультаций и переговоров.

Добрые услуги означают деятельность третьей стороны по установлению прямого контакта между спорящими сторонами.

В отличие от переговоров эти средства решения споров предполагают участие третьей стороны. Начало кладется соглашением сторон. Но может существовать и обязанность сторон прибегнуть к их помощи, когда это предусмотрено договором или резолюцией международного органа. Функции третьей стороны определяются сторонами в споре. Ее роль могут выполнять государства и международные организации, их должностные лица, а также авторитетные частные лица.

В некоторых случаях стороны соглашаются на более широкие функции третьей стороны, на ее участие в самих переговорах. В таких случаях добрые услуги приближаются к посредничеству. Ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН указывают на необходимость активизации деятельности Совета Безопасности по использованию миссий добрых услуг¹.

¹ Филимонова М.В. Международное право: Учебник. – М.: Норма, 2007. – С. 183.

Посредничество представляет собой способ решения спора, при котором третья сторона участвует в целях согласования взаимных претензий и внесения собственных приемлемых для сторон предложений.

Гаагские конвенции о мирном разрешении международных споров 1899 и 1907 гг. установили, что роль посредника заключается в согласовании конфликтных претензий и умиротворении чувств сопротивления сторон. Посредниками могут быть как государства, так и международные органы, и организации, а также отдельные лица.

Особенность процедуры посредничества – неформальность и конфиденциальность. Предложения посредника не обязательны для сторон. Результаты посредничества находят отражение в совместном коммюнике, соглашении или в джентльменском соглашении. Установление фактов – процедура, применяемая в случае необходимости установления фактов, лежащих в основе спора, в частности фактов нарушения соглашения. В таких случаях обычно создается смешанная комиссия, состоящая из равного числа представителей сторон. В других случаях в комиссию включается и третья сторона. Иногда эти функции осуществляются отдельным лицом, в частности должностным лицом организации.

В резолюции «Вопрос о методах установления фактов» 1963 г. Генеральная Ассамблея подчеркнула важности этого средства и, в частности, беспристрастного установления фактов в рамках международных организаций. Процедура может включать слушание сторон, опрос свидетелей, посещение соответствующих мест. Результатом процедуры является доклад, сообщаемый сторонам. Некоторые договоры придают итогам установления фактов большое значение. Приложение VIII к Конвенции по морскому праву 1982 г. предусматривает, что принятое заключение будет окончательным для сторон в споре.

Порядок создания и деятельность следственных комиссий определены Гаагской конвенцией мира 1907 г.: доклад комиссии ограничивается установлением фактов – он не является решением, стороны свободны определять его обязательную силу. Эти положения подтверждены Факультативными правилами для следственных комиссий по установлению фактов, принятыми бюро Постоянной палаты третейского суда в 1996 г. При этом подчеркивается, что если стороны не решат иначе, то доклад должен быть конфиденциальным. Объясняется это тем, что публикация доклада может отрицательно сказаться на отношениях сторон.

Следственные комиссии учреждаются на основании особого соглашения между сторонами, в котором определяются: подлежащие расследованию факты, порядок и срок деятельности комиссии, ее

полномочия, место пребывания комиссии, язык разбирательства и другие. Расследование комиссией производится в состязательном порядке. Стороны в установленные сроки излагают комиссии факты, представляют необходимые документы, а также список свидетелей и экспертов, которые должны быть заслушаны. Комиссия может запросить от сторон дополнительные материалы.

В процессе разбирательства производится допрос свидетелей, о чем составляется протокол. После того как стороны представили все разъяснения и доказательства, а все свидетели заслушаны, следствие объявляется законченным, а комиссия составляет доклад. Доклад комиссии ограничивается установлением фактов и не имеет силы решения суда или арбитража. Стороны имеют право использовать решение комиссии по своему усмотрению¹.

Примирение сочетает в себе установление фактов и посредничество. Обычно примирение осуществляется согласительной комиссией. Такая комиссия выясняет предмет спора, собирает необходимую информацию и стремится подвести стороны к соглашению. О результатах комиссия информирует стороны в споре. Поскольку согласительная комиссия не ограничена жесткими рамками права, постольку она обладает широкими возможностями для достижения взаимоприемлемого урегулирования. В большинстве многосторонних конвенций предусмотрен следующий способ формирования следственной комиссии. Каждая из сторон назначает в ее состав своего гражданина и одного гражданина другого государства. Эти члены назначают пятого, который становится председателем.

Подводя итоги можно отметить, что в последние десятилетия многие универсальные и региональные договоры предусматривают использование согласительных комиссий. При этом некоторые из них установили, что в случае недостижения согласия сторон о создании согласительной комиссии в течение определенного срока к ее формированию привлекается третья сторона, обычно должностное лицо международной организации. Такие положения содержат, например, Венская конвенция о праве договоров и Конвенция ООН по морскому праву.

¹ Международное право: Учебник / Отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. – М.: Юрист, 2007. - С. 173.

Пасенов Александр Николаевич

ассистент кафедры конституционного и международного права
Юридический институт НИУ «БелГУ»
(Белгород)

МЕХАНИЗМ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

После принятия в 2015 г. Повестки дня в области устойчивого развития мировое сообщество сосредоточило усилия на достижении Целей устойчивого развития, обозначенных в документе. При этом каждое государство создает свой механизм достижения обозначенных целей. В данной статье рассмотрим ситуацию в Российской Федерации и Республике Беларусь

В Российской Федерации в 2012 г. распоряжением Президента Российской Федерации была создана Межведомственная рабочая группа при Администрации Президента Российской Федерации по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития¹.

Согласно Положению данная группа является «координационным органом, образованным в целях обеспечения эффективного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, общественных объединений, научных и других организаций при реализации государственной политики по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития»².

Правовую основу деятельности рабочей группы составляют Конституция Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, а также Положение о группе.

В своей деятельности межведомственная рабочая группа должна решать следующие задачи:

«а) координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, общественных объединений, научных и других организаций по вопросам реализации Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденной Указом

¹ Распоряжение Президента РФ от 13.12.2012 № 563-рп «О межведомственной рабочей группе при Администрации Президента Российской Федерации по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 51. Ст. 7194.

² Там же.

Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440, и Климатической доктрины Российской Федерации, утвержденной распоряжением Президента Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 861-рп;

б) продвижение интересов Российской Федерации по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития в «Группе восьми», «Группе двадцати» и объединении БРИКС;

в) обеспечение взаимодействия, в том числе информационного, федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, общественных объединений, научных и других организаций по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития»¹.

Для эффективного решения обозначенных задач группа наделяется рядом прав, среди которых:

«а) запрашивать и получать в установленном порядке от федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, общественных объединений, научных и других организаций необходимые материалы и информацию по вопросам, отнесенным к ее компетенции;

б) заслушивать на своих заседаниях членов межведомственной рабочей группы, а также представителей федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, общественных объединений, научных и других организаций по вопросам, относящимся к ее компетенции;

в) создавать при необходимости экспертные группы по направлениям своей деятельности из числа представителей федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, общественных объединений, научных и других организаций;

г) принимать в пределах своей компетенции решения, а также разрабатывать предложения, направленные на обеспечение координации деятельности федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов, общественных объединений, научных и других организаций по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития»².

В состав Межведомственной рабочей группы входят представители Администрации Президента Российской Федерации, федеральных органов

¹ Распоряжение Президента РФ от 13.12.2012 № 563-рп «О межведомственной рабочей группе при Администрации Президента Российской Федерации по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 51. Ст. 7194.

² Распоряжение Президента РФ от 13.12.2012 № 563-рп «О межведомственной рабочей группе при Администрации Президента Российской Федерации по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 51. Ст. 7194.

исполнительной власти, иных государственных органов, общественных объединений, научных и других организаций.

В том числе, в рабочей группе представлены Министерство финансов, Министерство экономического развития, Министерство иностранных дел, Министерство здравоохранения, Министерство природных ресурсов и экологии, Министерство транспорта, Министерство промышленности и торговли, Министерство образования и науки, Федеральная служба государственной статистики, Общественная палата, Неправительственный экологический фонд имени В.И. Вернадского, Российский союз промышленников и предпринимателей, Торгово-промышленная палата, Комитет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по экологии и охране окружающей среды, Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию и иные¹.

Возглавляет рабочую группу руководитель. С момента создания группы в 2012 г и до сегодняшнего дня данную должность занимает советник Президента Российской Федерации Бедрицкий А.И.

За время работы группа рассматривала следующие вопросы: формирование позиции России на ежегодных Конференциях сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата и выполнение принимаемых на них решений; организация работы по подготовке информации о реализации в Российской Федерации целей и задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года; реализация Указа Президента от 30 сентября 2013 года № 752 «О сокращении выбросов парниковых газов»; совершенствование отчетности Российской Федерации по линии Рамочной конвенции ООН об изменении климата; деятельность Климатического центра Росгидромета; ход выполнения Комплексного плана реализации Климатической доктрины Российской Федерации и др.²

Помимо Межведомственной рабочей группы вопросами достижения Целей устойчивого развития, в части подготовки отчетности, занимается Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Распоряжением Правительства на данный орган возложена обязанность «обеспечить координацию деятельности субъектов официального статистического учета по формированию и представлению в международные организации официальной статистической информации по показателям достижения целей

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/structure/administration/groups#institution-1003> (дата обращения: 20.03.2018)

² Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/structure/administration/groups#institution-1003> (дата обращения: 20.03.2018)

устойчивого развития Российской Федерации в соответствии с принятыми международными стандартами обмена статистическими данными»¹.

Также вопросами устойчивого развития в Российской Федерации занимаются два специальных представителя Президента: по вопросам климата² и по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта³. Однако каких-либо положений, определяющих сферу компетенции данных специальных представителей, на настоящий момент не принято.

Таким образом, мы видим, что в Российской Федерации пока не сложился полноценный механизм достижения Целей устойчивого развития.

Далее рассмотрим опыт Республики Беларусь в данной сфере.

Отметим, что 25 мая 2017 г. был издан Указ Президента Республики Беларусь № 181 «О Национальном координаторе по достижению Целей устойчивого развития».

В данном Указе отмечается, что Национальный координатор «осуществляет общую координацию деятельности государственных органов и иных организаций по вопросам достижения Республикой Беларусь Целей устойчивого развития»⁴.

Правовой основой деятельности Национального координатора являются международные договоры и законодательные акты Республики Беларусь, а также Положение о Национальном координаторе по достижению Целей устойчивого развития.

Задачами Национального координатора являются:

«анализ и оценка прогресса в достижении Республикой Беларусь Целей устойчивого развития на основе системы национальных показателей;

организация разработки системы национальных показателей выполнения Целей устойчивого развития и порядка проведения их мониторинга;

¹ Распоряжение Правительства РФ от 06.06.2017 № 1170-р «О координации деятельности субъектов официального статистического учета по формированию и представлению в международные организации официальной статистической информации по показателям достижения целей устойчивого развития Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 24. Ст. 3570.

² Указ Президента РФ от 02.08.2012 № 1110 «О специальном представителе Президента Российской Федерации по вопросам климата» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 32. Ст. 4531.

³ Указ Президента РФ от 12.08.2016 № 405 «О специальном представителе Президента Российской Федерации по вопросам природоохранной деятельности, экологии и транспорта» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 33. Ст. 5171.

⁴ Указ Президента Республики Беларусь от 25.05.2017 № 181 «О Национальном координаторе по достижению Целей устойчивого развития» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://ocge.grodno.by/media/file/binary/2018/1/27/180179758922/p31700181_1495832400_pdf.pdf?svr=cms (дата обращения: 22.05.2018)

информирование в установленном порядке Президента Республики Беларусь и Совета Министров Республики Беларусь о ходе достижения Республикой Беларусь Целей устойчивого развития (не реже одного раза в год) и внесение предложений о повышении эффективности этой работы;

содействие формированию государственной политики для достижения Республикой Беларусь Целей устойчивого развития с учетом национальных приоритетов в экономической, социальной и экологической областях;

организация взаимодействия государственных органов и иных организаций по вопросам учета Целей устойчивого развития в национальных, отраслевых и региональных стратегиях, программах и планах;

информирование общественности по вопросам достижения Республикой Беларусь Целей устойчивого развития;

участие в работе по реализации международных инициатив Республики Беларусь в области устойчивого развития;

содействие привлечению международной технической помощи для реализации мероприятий по достижению Республикой Беларусь Целей устойчивого развития»¹.

Для решения возложенных задач координатор имеет право:

«вносить в государственные органы и иные организации предложения о повышении эффективности деятельности по достижению Республикой Беларусь Целей устойчивого развития;

запрашивать и получать от государственных органов и иных организаций необходимые информационно-аналитические, справочные и иные материалы по вопросам достижения Республикой Беларусь Целей устойчивого развития;

участвовать в совещаниях, проводимых Президентом Республики Беларусь, Администрацией Президента Республики Беларусь, Советом Министров Республики Беларусь, государственными органами и иными организациями, по обсуждению итогов и перспектив социально-экономического развития;

представлять в Организации Объединенных Наций, иных международных организациях, а также в рамках участия в международных мероприятиях доклады о прогрессе Республики Беларусь в достижении Целей устойчивого развития;

¹ Указ Президента Республики Беларусь от 25.05.2017 № 181 «О Национальном координаторе по достижению Целей устойчивого развития» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://ocge.grodno.by/media/file/binary/2018/1/27/180179758922/p31700181_1495832400_pdf.pdf?srv=cms

организовывать мероприятия, посвященные Целям устойчивого развития и подчеркивающие важность их достижения Республикой Беларусь; осуществлять другие полномочия, предусмотренные актами законодательства Республики Беларусь»¹.

Национальный координатор назначается на должность и освобождается от должности Президентом Республики Беларусь по предложению Совета Министров Республики Беларусь². На настоящий момент эту должность занимает М. Щеткина, заместитель Председателя Совета Республики Национального собрания Беларуси. Интересно, что свои функции координатор выполняет наряду с должностными обязанностями по основному месту работы.

Национальный координатор возглавляет Совет по устойчивому развитию. Данный орган наделен совещательными и консультативными полномочиями. «В состав Совета входят заместители руководителей государственных органов и иных организаций, определенные ответственными за реализацию Целей устойчивого развития»³. В данный перечень включены Генеральная прокуратура, Национальный банк, Национальная академия наук Беларуси, ряд министерств и государственных комитетов, а также областные и Минский городской исполнительные комитеты⁴.

Заседания Совета созываются Национальным координатором по мере необходимости, но не реже одного раза в год.

Таким образом, можно отметить, что в Республике Беларусь, на настоящий момент, сформировался довольно стройный механизм достижения целей устойчивого развития.

Сравнивая механизмы достижения ЦУР в Российской Федерации и Республике Беларусь, можно рекомендовать руководству нашей страны обратить внимание на опыт Беларуси и использовать имеющиеся наработки для создания эффективной модели механизма достижения ЦУР.

¹ Указ Президента Республики Беларусь от 25.05.2017 № 181 «О Национальном координаторе по достижению Целей устойчивого развития» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://ocge.grodno.by/media/file/binary/2018/1/27/180179758922/p31700181_1495832400_pdf.pdf?srv=cms

² Там же.

³ Указ Президента Республики Беларусь от 25.05.2017 № 181 «О Национальном координаторе по достижению Целей устойчивого развития» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://ocge.grodno.by/media/file/binary/2018/1/27/180179758922/p31700181_1495832400_pdf.pdf?srv=cms

⁴ Там же.

Суходольский Григорий Михайлович,
аспирант Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Москва)

**ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ПОЗИЦИЙ
СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО
ПОДХОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРОВАНИЕ КОНТРОЛЬНО-
НАДЗОРНЫХ ОРГАНОВ)**

Традиционными методами исследования системы государственной власти являются структурно-функциональный и институциональный.

Структурно-функциональный метод анализа систем ориентируется на выявление структуры системы, т.е. совокупности устойчивых отношений и взаимосвязи между ее элементами и их функций. При этом структура понимается как нечто неизменное при определенных изменениях, а функция – как предназначение каждого элемента для определенного действия. Структурно-функциональный метод предполагает исследование структуры системного объекта, анализ его функциональных особенностей, изменений элементов и их функций, рассмотрения развития системного объекта в целом и представления объекта как гармонично функционирующей системы¹. Представляется, однако, что применительно к социальным системам первичным является не структура системы, а ее функции, что позволяет не просто описать существующее ее состояние, но и предложить направления повышения эффективности деятельности как отдельных элементов, так и всей системы в целом.

Структурно-функциональная организация государственной власти в Российской Федерации имеет институциональное устройство. Любой социальный институт образуется и сохраняется постольку, поскольку он выполняет определенную функцию. Применительно к государственным органам институционализация заключается в оформлении государственной власти как системы институтов, деятельность которых четко регламентирована правовыми нормами ...; является проявлением стабилизации системы государственной власти, поскольку «институт является регулятивным явлением,

¹ См.: Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М., 1981. С. 229.

все [их] функциональные проявления ... являются предпосылками или результатами ... регулятивной роли в обществе»¹.

Наиболее ярким проявлением институционализации системы государственной власти в Российской Федерации являются федеральные законы, закрепившие формирование контрольно-надзорной ветви власти². Положение контрольно-надзорных органов в системе государственной власти характеризуется значительным разнообразием – они функционируют в различных сферах деятельности, имеют различные объекты контроля и надзора, а также учреждаются в различном порядке. Как справедливо указывает В.Е. Чиркина, «особенность контрольной власти состоит в ее организационной рассредоточенности ...»³. Системообразующим фактором является выполняемая ими контрольно-надзорная функция, определяемая как «... наблюдение за законностью и целесообразностью деятельности, оценка ее с правовых, ... социально-политических, организационно-технических позиций ...»⁴.

Заметим, что контрольно-надзорную деятельность осуществляют практически все государственные органы, однако основной их функцией является не контроль или надзор, а иные и именно в таком качестве они наделяются правоустанавливающими, правоизменяющими и правопрекращающими полномочиями. Контрольная деятельность в этом случае является «сопутствующей», одним из способов реализации системы сдержек и противовесов. Вместе с тем, тенденцией развития системы государственной власти в России в начале XXI в. является формирование группы органов, созданных специально для осуществления контрольных и надзорных полномочий. К данным органам на федеральном уровне следует отнести прокуратуру Российской Федерации, Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Счетную палату РФ. На уровне субъектов РФ к контрольным органам относятся контрольно-счетные органы субъектов Федерации, а также уполномоченные по правам человека как общей, так и специальной

¹ Мальцев Г.В. О социальной природе юридических институтов // Институционализация в праве: сборник научных стат. под общ. ред. Г.В. Мальцева. М., 2010. С. 4.

² См., например: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ (ред. от 3 апреля 2017 г.) «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 903; Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ (ред. от 28. ноября 2015 г.) «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.

³ Чиркин В.Е. Прокуратура РФ в системе единства государственной власти и разделения ее ветвей // Российский юридический журнал. 2009. № 3. С. 48-55.

⁴ Галяутдинов Б.С. Конституционный институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в системе государственного контроля Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 71.

компетенции, учреждение которых предусмотрено федеральным законодательством или законодательством субъектов Федерации.

Конституционно-правовой статус прокуратуры РФ претерпел значительные преобразования в 2014 г. В соответствии с Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» прокуратура более не относится к судебной власти и приобрела статус самостоятельной системы государственных органов¹. Таким образом, на конституционном уровне получила закрепление традиционная для российской науки конституционного права позиция о формировании системы контрольно-надзорных органов², координацию деятельности которых осуществляет прокуратура.

К специализированным контрольно-надзорным органам также следует отнести Счетную палату Российской Федерации³ и контрольно-счетные органы субъектов Федерации⁴. Объектом их контрольной деятельности является использование средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, а также межбюджетных трансфертов и бюджетных кредитов, в т.ч., эффективность и целевой характер.

В результате исследования федерального законодательства, закрепляющего правовой статус указанных органов, выявлено определенное противоречие в закреплении их функций и задач. Так, в соответствии со ст. 2 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации» Счетная палата РФ определяется как «высший орган внешнего государственного аудита (контроля) ...»⁵. Контрольно-счетный орган субъекта Федерации определяется законодателем как «... орган внешнего государственного финансового

¹ Закон о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 548. См., также: Ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 29 июля 2017 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

² Белкин А.А. Вопросы конституционности в деятельности прокуратуры // Конституционная законность и прокурорский надзор. К 275-летию российской прокуратуры. М., 1997. С. 39.

³ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ (ред. от 7 февраля 2017 г.) «О Счетной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

⁴ См., например: Закон ЧР от 13 сентября 2011 г. № 58 (ред. от 25 марта 2017 г.) «О Контрольно-счетной палате Чувашской Республики» // Собрание законодательства ЧР. 2011. № 9. Ст. 821; Закон Хабаровского края от 29 июня 2011 г. № 94 (ред. от 28 июня 2017 г.) «О Контрольно-счетной палате Хабаровского края» // Собрание законодательства Хабаровского края. 2011. № 7(108) (часть 1); Закон Санкт-Петербурга от 13 июля 2011 г. № 455-85 (ред. от 19 октября 2017 г.) «О Контрольно-счетной палате Санкт-Петербурга» // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2011. № 26; Закон ЯНАО от 21 декабря 2015 г. № 138-ЗАО (ред. от 31 октября 2016 г.) «О Счетной палате Ямало-Ненецкого автономного округа» // Ведомости Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа. 2015. № 10-1, декабрь.

⁵ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.

контроля ...»¹. Заметим, что легальное определение понятия «аудит» («независимая проверка бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица»²) не в полной мере соответствует задачам деятельности Счетной палаты РФ, которые по смыслу ст. 5 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации», в основном, сводятся к финансово-бюджетному контролю. Термин «аудит» применительно к статусу Счетной палаты используется для того, чтобы подчеркнуть независимый характер ее деятельности. Представляется, что более точно определяет статус Счетной палаты РФ и региональных контрольно-счетных органов термин «орган внешнего государственного финансового контроля», функционирующий «в целях обеспечения соблюдения бюджетного законодательства РФ и иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения»³.

Следует особо подчеркнуть, что внешний государственный финансовый контроль осуществляется Счетной палатой РФ независимо от исполнительной власти, «в отличие от внутреннего контроля, осуществляемого в рамках системы исполнительной власти»⁴. Принцип независимости распространяется и на отношения между Счетной палатой и Федеральным Собранием РФ, несмотря на непосредственное указание о ее подотчетности российскому парламенту. По смыслу ст.ст. 17 и 31 Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации» отчеты Счетной палаты перед Федеральным Собранием РФ (в т.ч., о результатах контрольных и экспертно-аналитических мероприятий и ежегодные отчеты о работе) являются не формой парламентского контроля за деятельностью формируемого им органа, а разновидностью информационной деятельности. В соответствии со ст. 4 Федерального закона «О парламентском контроле» «... Счетная палата ... участвует в осуществлении парламентского контроля в случаях, порядке и формах, предусмотренных ... законом»⁵. Аналогичным образом определяется и взаимодействие контрольно-счетных органов субъектов Федерации с их законодательными органами.

Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ определяет Счетную палату как «высший орган внешнего государственного ... контроля»⁶,

¹ Статья 3 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ (ред. от 3 апреля 2017 г.) «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований».

² Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ (ред. от 1 мая 2017 г.) «Об аудиторской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 15.

³ Статья 256 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 14 ноября 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

⁴ Контроль в финансово-бюджетной сфере: научно-практическое пособие / отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. М., 2016. С. 103.

⁵ Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2304.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 31 мая 2016 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «Об автомобильных дорогах и о

контрольно-счетные органы субъектов Федерации ей не подчинены. Системная взаимосвязь органов государственного финансового контроля обусловлена единством целей контрольной деятельности в соответствующей сфере общественных отношений. Федеральный и региональные органы государственного финансового контроля «функционируют автономно и не составляют единой «вертикали» контрольной власти»¹. При этом, очевидны и взаимосвязи между ними, позволяющие рассматривать их в рамках единой системы контроля, основанного на принципе координации и согласованной деятельности.

К контрольным органам можно также отнести и российских омбудсменов (как общей компетенции – Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Федерации, так и специализированных уполномоченных).

В соответствии со ст. 1 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31 января 2016 г.) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» целью учреждения данного института было «обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами»². Аналогичным образом определяются и цели учреждения уполномоченных по правам человека в субъектах Федерации³. Вместе с тем, полномочия российских омбудсменов носят контрольный характер. В соответствии со ст.ст. 21-23 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в

дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», постановления Правительства Российской Федерации «О взимании платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн» и статьи 12.21.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 24. Ст. 3602.

¹ См.: Алехин А.Е. О проблемах правового регулирования организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации // Финансовое право. 2017. № 2. С. 11-14.

² Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31 января 2016 г.) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

³ См., например: Закон ЧР от 2 февраля 2012 г. № 54 (ред. от 7 апреля 2017 г.) «Об Уполномоченном по правам человека в Чувашской Республике» // Собрание законодательства ЧР. 2012. № 10. Ст. 1008; Закон Хабаровского края от 31 июля 2006 г. № 44 (ред. от 26 июля 2017 г.) «Об уполномоченном по правам человека в Хабаровском крае» // Собрание законодательства Хабаровского края. 2006. № 7(48); Закон Санкт-Петербурга от 30 декабря 1997 г. № 227-77 (ред. от 19 октября 2017 г.) «Об Уполномоченном по правам человека в Санкт-Петербурге» // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 1998. № 4; Закон ЯНАО от 31 октября 2012 г. № 96-ЗАО (ред. от 11 мая 2017 г.) «Об Уполномоченном по правам человека в Ямало-Ненецком автономном округе» // Ведомости Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа. 2001. № 8.

Российской Федерации» правозащитная деятельность Уполномоченного характеризуется как самостоятельная или с привлечением иных лиц и органов проверка соблюдения прав и свобод заявителя (или же информации о массовых и грубых нарушениях прав и свобод), что весьма сходно с надзорной деятельностью прокурора в соответствии с п. 1 ст. 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Меры, используемые Уполномоченным для восстановления нарушенных прав и свобод, по содержанию близки к мерам прокурорского реагирования в соответствии со ст.ст. 27 и 28 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Указанные обстоятельства позволили ряду российских ученых (Д.Б. Алексеев, А.С. Зубарев, Г.А. Трофимова и др.) определить Уполномоченного по правам человека как институт государственного контроля в особой сфере общественных отношений (осуществление властных полномочий органами исполнительной и, отчасти, судебной власти по отношению к человеку и гражданину)¹. Предметом государственного контроля в данном случае является соблюдение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов публичной власти.

Правовое регулирование функций федерального и региональных «бизнес-омбудсменов» также характеризуется коллизией: Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей учрежден с целью «защиты прав и законных интересов российских и иностранных субъектов предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации ...» (ст. 1 Федерального закона «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»), однако региональные уполномоченные в соответствии со ст. 2 этого же закона осуществляют «контроль за соблюдением прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности ... органами исполнительной власти...».

Правовой статус, задачи и функции Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка не получили должного юридического закрепления на федеральном уровне². Указанное обстоятельство создает серьезные препятствия в осуществлении его деятельности и фактически сводит «на нет» эффективность данного органа. Заметим, что в 56 субъектах Федерации статус «детских

¹ Алексеев Д.Б. Концепция развития государственного контроля как способа обеспечения режима законности в государственном управлении // Административное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 410-416; Зубарев А.С. Взаимодействие Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации как форма парламентского контроля // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 49-58; Трофимова Г.А. Система федеральных государственных органов в России. // Система федеральных государственных органов в России // Административное и муниципальное право. 2016. № 5. С. 423-432.

² Указ Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 36. Ст. 4312.

омбудсменов» урегулирован законами¹, что значительно упрощает выполнение ими функции по контролю за соблюдением прав ребенка, упорядочивает их взаимодействие с органами законодательной и исполнительной власти в сфере обеспечения прав детей, и повышает эффективность их деятельности.

Представляется, что уполномоченных по защите прав предпринимателей и по правам ребенка нельзя в полной мере отнести к «президентской ветви власти». Их можно определить как независимых должностных лиц, обладающих специальными полномочиями по обеспечению защиты определенных прав и свобод или прав отдельной группы лиц, осуществляющих контроль за деятельностью государственных органов, органов местного самоуправления по соблюдению указанных прав при формировании и реализации проводимой государством политики.

Органы контроля за соблюдением прав человека и гражданина (федерального и регионального уровня, общей и специальной компетенции) не составляют централизованной системы. Они осуществляют свою деятельность независимо друг от друга, но на основе принципов координации и согласованной деятельности. Механизмы координации деятельности федеральных и региональных «бизнес-омбудсменов», так же, как и уполномоченных по правам ребенка не получили законодательного закрепления.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что одной из тенденций развития системы государственной власти в Российской Федерации является институционализация ее новой – контрольно-надзорной – «подсистемы». Наблюдается не просто учреждение новых (контрольно-счетные органы, уполномоченные по правам человека общей или специальной компетенции) и трансформация конституционно-правового статуса традиционных государственных органов (прокуратура РФ), а формирование контрольно-надзорной власти, деятельность которых обеспечивает соблюдение наиболее значимых параметров государственной власти – конституционной законности, соблюдения прав и свобод человека гражданина, финансовой и бюджетной дисциплины, которое обусловлено развитием контрольно-надзорной функции государственной власти.

¹ См., например: Закон ЧР от 2 октября 2012 г. № 55 (ред. от 18 мая 2017 г.) «Об Уполномоченном по правам ребенка в Чувашской Республике» // Собрание законодательства ЧР. 2012. № 10. Ст. 1009; Закон Хабаровского края от 23 ноября 2011 г. № 135 (ред. от 29 июня 2016 г.) «Об уполномоченном по правам ребенка в Хабаровском крае» // Собрание законодательства Хабаровского края. 2011. № 12(113) (часть 1); Закон Санкт-Петербурга от 13 ноября 2009 г. № 528-98 (ред. от 19 октября 2017 г.) «Об Уполномоченном по правам ребенка в Санкт-Петербурге» // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2009. № 29; Закон ЯНАО от 4 мая 2007 г. № 55-ЗАО (ред. от 28 июня 2017 г.) «Об Уполномоченном по правам ребенка в Ямало-Ненецком автономном округе» // Ведомости Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа. 2007. № 4, апрель.

Сушков Павел Алексеевич,
аспирант кафедры конституционного и
международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород)

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИЯХ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Понятие «собственность» может рассматриваться в разных значениях: как экономическая или юридическая категория, как гражданско-правовой институт, как непосредственно имущество¹. Конституция Российской Федерации² содержит ряд положений, касающихся права собственности. Например, признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ч. 2 ст. 8); право частной собственности охраняется законом (ч. 1 ст. 35); каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (ч. 2 ст. 35); имеется положение о возможности принудительного отчуждения имущества (ч. 3 ст. 35) и т. д. При этом некоторые из положений о праве собственности указаны в качестве основ конституционного строя (ч. 2 ст. 8, ч. 2 ст. 9).

Традиционно субъективное право собственности рассматривается как совокупность трех правомочий: владение, пользование, распоряжение³. Посягательство на право собственности может повлечь наступление уголовной (глава 21)⁴, административной (глава 7)⁵ или иной юридической ответственности, что подчеркивает его охрану и защиту.

Экономическая теория может рассматривать собственность как экономическую категорию и как экономический институт⁶. В своих работах

¹ Большой юридический словарь. Додонов В. Н., Ермаков В. Д., Крылова М. А. и др. // М.: Инфра-М, 2001. – 790 с.

² Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СПС КонсультантПлюс.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2017 г.) // СПС КонсультантПлюс.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 19 февраля 2018 г.) // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 07 марта 2018 г.) // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Собственность как экономическая категория и как институт. Андрескус Е. А., Бабаев Б. Д., Сабурова А. А. // Экономика образования. 2012. №2.

доктор юридических наук, профессор, Мальцев Г. В. Отмечал, что в области образования экономических институтов государство приняло на себя все самые активные роли – участника, организатора, контролера, «дирижера», руководителя¹. Таким образом, признается вмешательство государства в сферу жизни общества, связанную с собственностью.

Как и ряд иных конституционных прав, право собственности может быть ограничено в интересах личности, общества и государства. Такая возможность предусмотрена конституционно (ч. 3 ст. 55). При этом в отношении права собственности может реализовываться такой механизм, как лишение (ч. 3. ст. 35).

Аналогичные положения имеются в конституциях других стран. Рассмотрим конституционные подходы 12 постсоветских стран, касающиеся ограничения и лишения права собственности, основываясь на текстах, представленных в Интернет-библиотеке конституций Романа Пашкова «Конституции государств (стран) мира»².

В ряде конституционных текстов имеются положения об ограничении данного права. При этом имеют место быть конкретно указанные случаи возможности ограничения права собственности, а также общие принципы ограничения прав человека. Так, в ч. 2 ст. 21 Конституции Грузии предусмотрена возможность ограничения права собственности «в определенных законом случаях и в установленном порядке для необходимых общественных нужд». В свою очередь в ст. 23 Конституции Белоруссии указана возможность ограничения прав и свобод личности «только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц». Аналогичные положения, с некоторым различием в основаниях для наступления таких ограничений есть и в основных законах других стран (ч. 1 ст. 39 Конституции Казахстана, ч. 2 ст. 20 Конституции Кыргызстана, ч. 1 ст. 54 Конституции Молдовы, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, ст. 14 Конституции Таджикистана).

Конституционно предусматривается возможность временного ограничения отдельных основных прав и свобод человека и гражданина в установленном законом порядке в период военного или чрезвычайного положения (Конституция Армении (ст. 44). Аналогичные положения указаны в ч. 1 ст. 46 Конституции Грузии, в ч. 1 ст. 56 Конституции Российской Федерации, ст. 65 Конституции Туркменистана, ст. 64 Конституции Украины.

¹ Социальные основания права. Г. В. Мальцев // М.: Норма, 2007. – 800 с.

² <http://worldconstitutions.ru/>

В ст. 63 Конституции Белоруссии предусмотрена возможность «приостановления осуществления прав и свобод личности условиях чрезвычайного или военного положения в порядке и пределах, определенных Конституцией и законом».

Указанные выше конституционные подходы постсоветских стран наглядно проиллюстрировали, что право собственности включено в перечень конституционных прав, которые могут быть ограничены, в том числе в условиях исключительных режимов – чрезвычайного или военного положения.

Необходимо отметить, что в конституционных текстах всех стран постсоветского пространства имеются положения, предусматривающие допустимость лишения права собственности. Однако форма их представления имеет некоторые, в том числе, лексические различия. Так, предусмотрена возможность лишения (Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Молдова, Россия, Узбекистан), изъятия (Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан), отчуждения (в ряде случаев принудительное отчуждение) собственности (Белоруссия, Украина). При этом один конституционный текст может содержать несколько вариантов указанных формулировок. (ч. 4 ст. 29 Конституции Азербайджана, ч. 3 ст. 26 Конституции Казахстана, ч. 2 ст. 12 Конституции Кыргызстана, ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации, ст. 41 Конституции Украины, ст. 31 Конституции Армении, ст. 32 Конституции Таджикистана).

Большинство исследованных конституций предусматривает необходимость судебного решения для лишения права собственности. Исключение составляют основные законы Молдовы, Туркменистана, Таджикистана. Стоит заметить, в Конституции Грузии (ч. 2 ст. 21) предусмотрено, что лишение собственности по решению суда допускается в прямо предусмотренных законом случаях для необходимых общественных нужд. А в Конституции Кыргызстана (ч. 2. ст. 12) предусмотрена также возможность принудительного изъятия имущества без решения суда в случаях, предусмотренных законом, в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц. Однако законность такого изъятия подлежит обязательному рассмотрению судом.

Анализ конституционных текстов позволяет выявить возможность возмездного лишения (изъятия, отчуждения) имущества. Так, возможно «предварительное справедливое возмещение» стоимости имущества (Азербайджан (ч. 4 ст. 29), Молдова (ч. 2 ст. 46)), «предварительная равноценная компенсация» (Армения (ст. 31)), «своевременное и полное

компенсирование стоимости отчужденного имущества» (Белоруссия (ст. 44)), «соответствующее вознаграждение» (Грузия (ч. 3 ст. 21)), «равноценное возмещение» (Казахстан (ч. 3 ст. 26)), «справедливое и предварительное обеспечение возмещения стоимости этого имущества и других убытков, причиняемых в результате отчуждения» (Кыргызстан (ч. 2 ст. 12)), «предварительное и равноценное возмещение» (Россия ч. 3 ст. 35), «полное возмещение стоимости» (Таджикистан (ст. 32)), «предварительное и полное возмещение стоимости объектов права частной собственности» (Украина (ст. 41)). Конституция Туркменистана (ст. 12), в свою очередь, предусматривает возможность «принудительного возмездного изъятия собственности». При этом основной закон Узбекистана не содержит аналогичных положений, однако включает в себя отсылочную норму, согласно которой лишение права собственности допускается в случае и порядке, предусмотренных законом (ст. 53), что может дать законодателю возможность для соответствующих «маневров».

Возмещение в ряде конституционных текстов рассматривается как необходимое условие для обеспечения при лишении (изъятии, отчуждении) собственности общественных, государственных нужд, достижения наиболее важных общественных целей и т. д. Так, безвозмездное отчуждение (лишение, изъятие) собственности возможно: «для государственных или для общественных нужд» (Азербайджан (ч. 4 ст. 29)), «для нужд общества и государства», «в исключительных случаях при наличии высших общественных интересов» (Армения (ст. 31)), «по мотивам общественной необходимости» (Белоруссия (ст. 44)), «при возникновении неотложной необходимости, установленной органическим законом» (Грузия (ч. 3 ст. 21)), «для государственных нужд в исключительных случаях» (Казахстан (ч. 3 ст. 26)), «для общественных нужд, определенных в законе» (Кыргызстан (ч. 2 ст. 12)), «в случае установленной законом общественной необходимости» (Молдова (ч. 2 ст. 46)), «для государственных нужд» (Россия (ч. 3 ст. 35)), «для общественных нужд» (Таджикистан (ст. 32)), «как исключение по мотивам общественной необходимости, на основании и в порядке, установленных законом» (Украина (ст. 41)). Что касается конституционного текста Туркменистана (ст. 12), то в нем указано, что «принудительное возмездное изъятие собственности допускается лишь в случаях, предусмотренных законом». Аналогичное положение, с некоторыми, в том числе лексическими различиями, указано в Конституции Узбекистана (ст. 53). Особенностью конституции Таджикистана, в сравнении с другими странами постсоветского пространства по вопросу изъятия имущества для общественных нужд, является необходимость согласия собственника (ст. 32).

Таким образом, в ряде конституций стран постсоветского пространства право собственности, являясь неотъемлемой частью правового статуса личности, может быть ограничено. Возможность такого ограничения может быть указана конкретно или следовать из общего правила о допустимости ограничения прав человека. При этом ограничения возможны в режиме «обычного» функционирования государства и отдельно в периоды чрезвычайного или военного положений. Большинство рассмотренных конституционных текстов допускают ограничение прав и свобод человека и гражданина (в том числе права собственности) на основании или в случаях, предусмотренных законом, при наличии определенных обстоятельств. Также в отношении собственности допускается лишение (изъятие, отчуждение), которое осуществляется, как правило, на основании судебного решения. Однако предусмотрено и возмездное (изъятие, отчуждение) имущества, которое производится при наличии определенных обстоятельств (для достижения общественно значимых и иных целей).

Чаплицкий Федор Федорович,

аспирант кафедры конституционного и международного права

Юридического института НИУ «БелГУ»

Научный руководитель – профессор М.В. Мархгейм

(Белгород)

ПРИСЯГА ГРАЖДАНИНА ГОСУДАРСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ

Современный порядок Присяги при принятии в гражданство или подданство берет начало в раннесредневековой Европе.

Так, в VIII в. в государстве франков появилась церемония оммажа при заключении вассального договора. Будущий вассал опускался на одно колено и с непокрытой головой просил своего сеньора принять его в число «своих людей». При этом вассал клялся в верности сеньору, обещал не «поднимать против него руки», не выдавать тайн и т.д.

До XI в. данная церемония носила личный характер. В 1086 г. король Англии Вильгельм I Завоеватель, проведя перепись земельных владений, созвал в Солсбери всю знать и землевладельцев страны, обязав их всех поклясться в верности. Фактически эта церемония была клятвой подданных. С того времени такая присяга распространилась и в других странах Европы. Конечно, в первую очередь ее приносили при приеме на воинскую службу.

Позднее во время Американской войны за независимость в конце XVIII в. – офицеры Континентальной армии клялись отказаться от верности британскому королю Георгу III и обещали защищать Соединенные Штаты от этого монарха, а также от его наследников и сторонников. Впоследствии присягу обязали приносить новым гражданам США. Стандартный текст клятвы был введен только в 1929 г., после чего он несколько раз дополнялся.

Указанная традиция получила формализацию в законах различного периода в европейских и иных странах.

Так, в современной Германии действует Закон о гражданстве от 1913 г., согласно которому иностранец при получении документа, подтверждающего его германское гражданство, должен поклясться «соблюдать конституцию и законы страны и отказаться от всего, что может нанести ей вред»¹.

В Чехии закон, регулирующий вопросы гражданства, вступил в силу только в 2014 г. и определил, что разрешение на получение гражданства иностранцу вступает в силу только после принесения клятвы чешскому государству². Сделать это необходимо в течение 12 месяцев со дня вынесения решения. Новый гражданин обязуется хранить верность стране и соблюдать ее законы. Лица в возрасте до 15 лет от клятвы освобождаются.

В азиатских странах также обнаружен подобный опыт. Жители Сингапура, получившие гражданство по крови или по желанию (в процессе натурализации) до того, как им исполнился 21 год, по достижении этого возраста в течение 12 месяцев обязаны принести клятву верности и преданности. В противном случае они утрачивают сингапурское гражданство.

В Японии при получении гражданства соискателю необходимо произнести клятву, в которой он обязуется быть «добропорядочным гражданином», а также подчиняться положениям, изложенным в конституции страны. До 1945 г. было необходимо присягать на верность японскому императору.

В США клятву о вступлении в гражданство дают только иммигранты, желающие стать гражданами США. Текст присяги приведен на сайте Службы гражданства и иммиграции США, ее произносят вслед за секретарем суда³.

Что касается отечественного опыта, то в России институт присяги возник во времена Петра I, когда на военную и гражданскую службу активно начали принимать иностранцев. Первый текст присяги был закреплен в 1721 г. в манифесте, приглашающим пленных шведов вступать в российское

¹ <http://constitutions.ru/?p=7650> (дата обращения 11.04.2018 г.).

² <http://czech-consult.ru/news/507-novyj-zakon-o-grazhdanstve-cheshii-> (дата обращения 11.04.2018 г.).

³ uscis.gov (дата обращения 11.04.2018 г.).

подданство. Позднее клятва многократно менялась. При этом отдельные тексты существовали для мусульман и евреев.

В 1857 г. при императоре Александре II была утверждена присяги на верность, которая действовала до 1917 г. После Октябрьской революции 1917 г. института формальной клятвы при принятии в советское гражданство не существовало.

Уточним, что в современный период внимание к теме лояльности недавно вступивших в российское гражданство усилилось после апрельского теракта в петербургском метрополитене 2017 г. Когда стало известно, что его совершил уроженец Средней Азии, недавно получивший паспорт гражданина Российской Федерации, возникла общественная дискуссия о том, следует ли лишать нового гражданства террористов¹.

6 июня 2017 г. Президент России Владимир Путин предложил Государственной Думе рассмотреть вопрос введения церемонии принесения клятвы или присяги для тех, кто вступает в гражданство Российской Федерации: «...когда человек вступает в гражданство нашей страны, то здесь тоже можно было бы подумать и взять опыт некоторых зарубежных государств, когда есть клятва, присяга, другой торжественный акт, которым человек подтверждает свое намерение стать гражданином нашей страны, соблюдать ее законы, традиции, уважать эти традиции, историю и так далее...»².

Данное предложение не является новым, еще в 2013 г. в Санкт-Петербурге уже было озвучено предложение о введении присяги при получении паспорта гражданина Российской Федерации.

С этой инициативой выступила Молодежная коллегия – действующий на постоянной основе коллегиальный совещательный орган при Губернаторе Санкт-Петербурга, созданный в целях разработки предложений по вопросам взаимодействия молодежи с исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга, привлечения молодежи к участию в общественно-политическом и социально-экономическом развитии города, а также учета ее интересов при разработке и реализации соответствующих программ и планов.

Летом 2017 г. Государственная Дума Российской Федерации провела конкурс, на который было представлено 93 варианта присяги. Специально созданная рабочая группа отобрала три варианта, на их основе и был разработан единый текст клятвы.

¹ См.: <https://news.rambler.ru/politics/37081589-klyatva-vernosti-rossii-podrazumevaet-nakazanie-za-ee-narushenie/> (дата обращения 11.04.2018 г.).

² <http://ooo-uss.ru/1/public/290-prisyaga.html> (дата обращения 11.04.2018 г.).

С 1 сентября 2017 г. в законодательство Российской Федерации были внесены изменения, согласно которым иностранные граждане и лица без гражданства, приобретающие гражданство России, обязаны принести Присягу гражданина России в установленном порядке. Данная обязанность была легализована Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ¹, а Положением от 14 ноября 2017 г. № 549 определены детали порядка принесения Присяги гражданина Российской Федерации².

В отличие от ранее действовавшего законодательства, согласно абз. 4 ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О гражданстве РФ» теперь заявитель приобретает гражданство Российской Федерации со дня принятия Присяги гражданина России³.

Полагаем, введенные законодательные новеллы отвечают требованиям времени, возрождают достойные государственные традиции, процессуально подчеркивают значимость момента приобретения гражданства, влекущего установление устойчивой правовой связи личности и Российской Федерации с взаимными правами и обязанностями.

Чистюхина Мария Викторовна,
аспирант кафедры конституционного и международного права
Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – профессор М.В. Мархгейм
(Белгород)

ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Залогом прочности и стабильности правового статуса личности является не только провозглашение и гарантирование субъективных прав и свобод, но также установление юридических обязанностей перед государством обществом и другими людьми.

Путем установления субъективных прав государство санкционирует видовое многообразие поведения человека и гражданина, а путем возложения

¹ Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4792.

² Указ Президента РФ от 14 ноября 2017 г. № 549 «О порядке принесения Присяги гражданина Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 47. Ст. 6964.

³ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017 г.) // Российская газета. 2002, 5 июня; 2017, 4 августа.

обязанностей требует необходимых действий. В результате обеспечиваются и согласовываются публичные и частные интересы.

На практике отчетливо обозначилась одна из тенденций развития мирового конституционализма в сфере регулирования правового статуса личности – заметное расширение конституционного каталога обязанностей физических лиц. Данный тренд связан с устремлением авторов конституций побудить граждан не только пользоваться «благами свободы», но и не забывать об ответственности друг перед другом¹.

В правовой теории вопроса мы разделяем мнение, согласно которому обязанность нельзя рассматривать как своеобразную «тень» субъективного права, эта категория заслуживает самостоятельного и более широкого анализа².

Важность юридических обязанностей в правовой системе общества опосредована их многоцелевыми функциями и социальной ролью. В отечественной юриспруденции обязанности рассматривают в различных аспектах: мера должного, общественно необходимого поведения; элемент демократии; звено в механизме правового регулирования; слагаемое юридического статуса личности; средство формирования нравственного и правового сознания граждан; фактор укрепления законности и правопорядка, дисциплины и организованности; гарантия осуществления прав³.

Среди всех юридических обязанностей человека и гражданина конституционные обязанности в силу своего высшего правового закрепления имеют особое значение для государства, общества, личности, системы законодательства, правопорядка. Цель данного исследования связана с установлением содержания именно конституционных обязанностей личности. В этой связи нами будут раскрыты подходы к рассмотрению, дефинированию конституционных обязанностей человека и гражданина.

Итак, начнем с подходов к определению роли и места обязанностей личности в сопоставлении с иными правовыми явлениями. В их числе единство субъективных прав и обязанностей.

Для отечественной доктрины советского государственного и современного конституционного права является традиционным мнение о равной значимости прав и обязанностей человека в качестве механизма

¹ См.: Алебастрова И.А. Конституционные обязанности человека и гражданина: значение и тенденции развития // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 22-25.

² Семенко Б.М. Юридические обязанности граждан СССР: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 1978. С. 9.

³ Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1987. С. 144.

достижения необходимого для сбалансированного развития общества паритета между индивидуальным и «коллективным» гражданином¹.

Интересно обратить внимание на точку зрения И.А. Алебастровой, согласно которой обязанности выступают лишь условием пользования субъективными правами. Кстати, данная позиция не является оригинальной для настоящего времени, она высказывалась и в советской конституционной науке: юридические обязанности рассматриваются чаще всего как корреляты прав и свобод личности, подчеркивая тем самым производный характер².

В современной же интерпретации указанная позиция аргументируется выбором России в стремлении к ценностям правового демократического государства. В связи с этим И.А. Алебастровой представляется вполне обоснованным в действующей российской Конституцией приоритет прав человека: именно человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью. При этом обязанности в базовом законе не получили систематической регламентации и в большинстве своем «рассеяны» по тексту ее второй главы³.

Доказывая противоположную позицию, в пользу уникальности и независимости обязанностей личности от субъективных прав, ученые приводят аргументы о существовании юридических обязанностей, содержание которых не может быть прямо и непосредственно выведено из субъективных прав личности в качестве коррелятов в правовых связях и отношениях. Эти юридические обязанности обеспечивают охрану общественных интересов, блага и ценности, свободу активных собственных действий, а также свободу от вмешательства иных лиц в сферу позитивной свободы личности, посягательств на личные блага человека – его жизнь, личную свободу, честь, достоинство и т.д. Цель такого рода юридических обязанностей – удовлетворение общественных интересов, а также интересов иных лиц⁴.

Одним из популярных подходов к рассмотрению обязанностей является их позиционирование в качестве части правового статуса личности.

¹ См.: Мамут Л.С. Правовое государство: идеологема и современные конституционные тексты // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 85.

² См.: Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 60-67; Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М.: Юридическая литература, 1968. С. 71-79; Масленников В.А. Конституционные обязанности граждан. М.: Знание, 1970; Масленников В.А. Социально-правовая природа конституционных обязанностей граждан // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 188-193; Семенко Б.М. О научной разработке проблемы юридических обязанностей советских граждан // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1976. Вып. 4. С. 145-155 и др.

³ Алебастрова И.А. Конституционные обязанности человека и гражданина: значение и тенденции развития // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 22-25.

⁴ Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: НОРМА, 2008. С. 251.

Что касается дефинитивных интерпретаций конституционных обязанностей человека и гражданина, то здесь мы солидарны с мнением Т.Х. Кемрюгова, который считает, что существенных отличий в понимании конституционных обязанностей в работах советского и новейшего периодов развития России нет¹. Однако до настоящего времени конституционные обязанности не отличаются универсальностью подхода в определении.

Имеющиеся в отечественной конституционно-правовой науке точки зрения относительно определения конституционных обязанностей граждан мы можем условно разделить с учетом ключевых аспектов дефиниции, которые заключаются в требованиях, необходимости, видах поведения и пр.

Так, В.А. Масленников определил конституционные обязанности советских граждан в качестве элементарных требований должного поведения, выполнение которых абсолютно необходимо для нормального функционирования общества². Как видим, приведенная дефиниция наполнена максимально абстрактным содержанием с акцентом на «элементарные требования», а также целью нормального функционирования общества.

С точки зрения требований, но уже характеризующихся как высшие правовые (конституционные) рассмотрел обязанности Н.С. Бондарь³.

Государственно-властный характер требований использован в дефиниции конституционных обязанностей человека и гражданина А.Н. Кокотова и М.И. Кукушкина. С их позиции конституционные обязанности человека и гражданина представляются установленными в соответствии с потребностями развития общества и государства Конституцией РФ государственно-властными требованиями к личности относительно вида и меры ее должного поведения⁴.

На наш взгляд, недостатком приведенного выше определения является отсутствие в его тексте элемента ответственности.

Полагаем, наиболее содержательно всеобъемлющей с учетом акцента на требованиях является дефиниция Е.И. Козловой. Профессор определяла основные (конституционные) обязанности как «конституционно закрепленные и охраняемые правовой ответственностью требования, которые предъявляются человеку и гражданину и связаны с необходимостью его участия в обеспечении интересов общества, государства, других граждан»⁵.

¹ Кемрюгов Т.Х. К вопросу о реновации научного понимания конституционных обязанностей личности в Российской Федерации // Евразийский союз ученых. 2015. № 11-4 (20). С. 137-139.

² Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России / отв. ред. Н.А. Богданова. М.: НОРМА, Инфра-М, 1997. С. 141.

³ Масленников В.А. Конституционные обязанности советских граждан. М.: Знание, 1970. С. 164.

⁴ Конституционное право России / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. М.: НОРМА, 2007. С. 148.

⁵ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М.: Проспект, 2015.

Уточним, что в юридической литературе конституционные обязанности употребляются в таких лексических конструкциях как «основные обязанности» «конституционные (основные) обязанности» или «основные (конституционные) обязанности». Все они предполагают включение в себя каталога тех обязанностей, которые закреплены в конституции – базовом законе государства. На наш взгляд, излишне уточнение конституционных обязанностей дополнительными прилагательными «основные». Данное следует из самой юридической природы конституции.

С точки зрения необходимости давал определение конституционным обязанностям Л.Д. Воеводин. Он отождествлял конституционную (основную) обязанность с установленной государством в интересах всех членов общества и закрепленной в его Конституции необходимостью, предписывающей каждому гражданину определенные вид и меру поведения, а также ответственностью за ненадлежащее его исполнение¹.

Среди рассматриваемых дефиниций встречаются оригинальные формулировки. Например, А.Н. Головистикова и Л.Ю. Грудцына, определяя основные конституционные обязанности в качестве конституционно закрепленных и охраняемых государством требований, предъявляемых каждому человеку и гражданину, далее указывали, что конституционная обязанность является выраженным в конституционно-правовых нормах притязанием конкретного государства к поведению любых лиц, которые находятся на его территории².

Ряд правоведов, формулируя определения конституционных обязанностей человека и гражданина, ключевыми в них считают виды и меру должного поведения личности.

Так, Г.В. Мальцев убедительно аргументировал, что юридическая обязанность – возможность поведения. В ней подобно субъективному праву, отражена определенная тенденция человеческого поведения, которая опирается на объективные закономерности и тенденции общественного развития и выражает их. Требование, сформулированное в юридической обязанности и обращенное к личности, является реальным. На человека нельзя наложить обязанность, которую он практически никогда не мог бы исполнить. Это в полной мере сопоставимо не только с положительными обязанностями, но и с запретами (негативными обязанностями)³.

¹ Бондарь Н.С. Гражданин и Российское государство: конституционные основы взаимоотношений. Ростов-на-Дону, РВШ МВД РФ, 1996. С. 35.

² Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Права человека. М.: Эксмо, 2008. С. 102, 237.

³ См.: Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М.: Юридическая литература, 1968. С. 71-73, 76.

Разделяя мнение Н.В. Витрука, считаем, что для демократического общества и государства характерно сочетание реальных прав и свобод граждан с их обязанностями и ответственностью перед обществом. Полагаем, именно из этого тезиса необходимо исходить при формулировании современного определения конституционных обязанностей человека и гражданина.

Не отрицая многообразия подходов к дефинированию конституционных обязанностей человека и гражданина, в рамках данного исследования предлагаем следующее определение рассматриваемых обязанностей. Это формализованные в Конституции Российской Федерации и адресованные человеку и гражданину (в различных статусных проявлениях) императивные предписания надлежащего поведения, совпадающего с законными интересами публичных и частных субъектов и предполагающего применение установленных видов юридической ответственности в случае их нарушения.

Современная конституционно-правовая наука рассматривает конституционные обязанности человека и гражданина в качестве компонента принципа единства субъективных прав и обязанностей; коррелята субъективных прав; условий и гарантий реализации субъективных прав; элемента конституционной системы (совокупности) обязанностей личности в теории и практике соответственно. Полагаем, еще одним перспективным подходом может стать рассмотрение конституционных обязанностей граждан в качестве самостоятельного правового института.

Айрапетян Гор Арменович,
студент Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – ассистент В.В. Гелуненко
(Белгород)

ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

Возрастающая роль судебной практики в правотворчестве, как с практической, так и с теоретической точки зрения, повлекла за собой волну научных дискуссий. В этой связи, в современной доктрине права, особое место отводится вопросу о причислении судебных решений, а именно, решений Конституционного Суда Российской Федерации к числу источников конституционного права.

Согласно ст. 125 Конституции Российской Федерации¹, Конституционный Суд Российской Федерации производит толкование Конституции. Данное полномочие он осуществляет по запросам Президента Российской Федерации, членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, органов законодательной власти субъектов Федерации.

Согласно законодательству Российской Федерации, толкование Конституционного Суда Российской Федерации, является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

Следующим, немаловажным фактором, является то, что в компетенцию Конституционного Суда входит проверка конституционности закона, который применяется или подлежит применению в конкретном деле, по жалобам, поступившим от граждан, на нарушение своих конституционных прав и свобод. Решения, принимаемые данным органом, являются обязательными для применения на всей территории России для всех органов, предприятий, учреждений, должностных лиц, граждан и т.д.

Постановления Конституционного Суда РФ подлежат незамедлительному опубликованию в официальных изданиях органов государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации. Решения, принимаемые Конституционным Судом, окончательны и не подлежат обжалованию. Неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда Российской Федерации влечет ответственность, предусмотренную законодательством российского государства², например, ст. 315 Уголовного Кодекса Российской Федерации.

В отечественной науке на сегодняшний день отсутствует однозначный и точный ответ на вопрос: являются ли Постановления Конституционного Суда Российской Федерации одними из источников права? Одни авторы дают утвердительный ответ, соглашаясь с данным утверждением. Другие, напротив, отрицают это положение.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 №1-ФКЗ (ред. от 28.12.2016) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. №13. Ст. 1447.

Одним из противником данной теории является Н.А. Богданова. По ее мнению, Постановления Конституционного Суда Российской Федерации не являются источниками права, т.к. в них отсутствует такой немаловажный, квалифицирующий признак как нормативность. Однако он также делает оговорку, утверждая, что они являются источником науки¹. Необходимо также указать, что, в силу принципа разделения властей, Конституционный Суд, как и другие органы судебной власти, является правоприменительным органом, и он не имеет возможности на то, чтобы «творить право», по той причине, что это прерогатива законодательной власти².

М.А. Митюкова занимает противоположную позицию, считая, что решения Конституционного суда Российской Федерации фактически являются источником права и имеют характер нормативно-правовых актов, который должен быть закреплен в федеральном законодательстве.

Главный консультант аппарата судей Конституционного Суда С.А. Кажлаев и заместитель Председателя Верховного Суда В.М. Жуйков придерживаются в данном вопросе аналогичной точки зрения, утверждая, что судебное нормотворчество, является одним из источников права, т. к. функции суда в правовом государстве сводится не только к отправлению правосудия, но и к участию в нормотворческой деятельности³.

Подтверждая вышеизложенное, хочется обратить внимание на тот факт, что Конституционный Суд обладает особым правовым статусом по сравнению с другими высшими судебными органами. Толкование закона, которые дают Верховный Суд, и которые давал до 2014 года Высший Арбитражный Суд, обязательны лишь для подведомственных судов, а постановления Конституционного Суда обязательны для всех лиц частного и публичного права в Российской Федерации.

О.Е. Кутафин в своих работах занимал довольно убедительную позицию, утверждая следующее: «Хотя суд и не является органом, принимающим правовые акты, однако содержащиеся в его решениях правовые позиции имеют юридическое значение. На их основе утрачивают силу правовые акты, признанные не соответствующими Конституции»⁴.

Нельзя не согласиться с мнением В.А. Кряжкова, который утверждает, что Конституционный Суд выступает в роли законодателя, в том плане, что он «выбраковывает дефектные правовые нормы из правовой системы».

¹ Богданова Н.А. Конституционный Суд Российской Федерации в системе конституционного права // Вестник Конституционного Суда РФ 1997. С. 66-67.

² Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Восточно-европейское обозрение. 1999. С. 82.

³ Кажлаев С.А. О нормотворчестве Конституционного Суда Российской Федерации. М., 2003. С. 4-5.

⁴ Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М.: Юрист, 2003. С.25-30.

Таким образом, проанализировав законодательство Российской Федерации, а также точки зрения ученых-правоведов, можно выделить некоторые особенности, которые, в свою очередь, позволяют сделать вывод о том, что Постановления Конституционного Суда Российской Федерации являются источником права: могут содержать, а также отменять правовые нормы; имеют в большинстве случаев силу закона; выносятся именем Российской Федерации; являются окончательными и могут пересматриваться только данным органом; обязательны на всей территории Российской Федерации для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, должностных лиц, граждан, их объединений и т.д.; подлежат незамедлительному официальному опубликованию; за неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда РФ влечёт ответственность, предусмотренную законодательством.

Алехина Анастасия Алексеевна,
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – профессор М.В. Мархгейм

О ПРЕДЕЛАХ МОРАЛЬНОГО И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

То, что теоретики называют конфликтом между моралью и правом, на самом деле является следствием объективно сложившегося соотношения моральных и правовых регуляторов общественного поведения, несовпадения логики моральных дозволений и запретов либо, что очень часто бывает, недостаточного овладения людьми той и другой логикой, неверного их понимания даже в тех ситуациях, когда они совпадают.

Стратегия и тактика социального регулирования с использованием моральных и юридических средств не в последнюю очередь определяется мировоззренческими позициями людей, представляющих в обществе нормативно-устанавливающий авторитет. На протяжении последних двух-трех столетий произошло четкое оформление трех стратегических подходов к проблемам регулирования общественного и индивидуального поведения.

Согласно первому из них право и мораль принадлежат к единой этической сфере, служат одному делу: мораль утверждает добро и справедливость в душах человеческих, а право – в людских делах и занятиях; моральные ценности для права святы, оно должно защищать их и всемерно продвигать в общественную жизнь. Это естественно-правовая позиция, кратко выраженная в следующей формуле: «право есть продвижение того, что

есть доброе и справедливое»¹. Цель права – помочь человеку стать добродетельным.

Второй, позитивистский подход, основанный на разделении морали и права, рассматривает их как автономные нормативно-регулятивные системы, нацеленные на свои собственные сферы регуляции, которые могут совпадать или не совпадать. Право призвано обеспечивать общественный порядок и подчинение людей общему закону, но делать человека совершенным и добродетельным не его задача. И наконец, третий подход либерально-либертарный и позитивистский, требует жестких ограничений как морального, так и правового регулирования, с тем чтобы как можно больше жизненных вопросов оставлять на свободно-волевое усмотрение автономной личности, решение социальной группы, т.е. положиться на механизмы общественной саморегуляции. Приверженцы данной позиции полагают, что мораль быстрее чем право должна свертывать свои претензии на руководство действиями людей, поскольку именно она, воздействуя на внутреннюю мотивацию поведения, способна вызывать высочайшую степень внешней зависимости человека от внешних норм, чужих суждений и т.д.

Существуют мнение среди некоторых ученых, согласно которому мораль после потери поддержки со стороны религиозных сообществ утрачивает свою нормативную силу, при этом значение права возрастает в сфере внешнего поведения людей в международных отношениях; страх перед хаосом придает людям доверие к юридико-нормативной силе космоса, но человек должен сам приложить руку и установить правопорядок².

Отметим, что философские, этические проблемы в сфере соотношения права и морали формулируются значительно шире: в каких пределах общество может организованно и с помощью различных регулятивных средств вмешиваться в сферу субъективности человека, навязывать индивиду нормы обязательного поведения и делать его социально ответственным за их несоблюдение, должны ли нормативно-регулятивные системы, мораль и право, усиливать друг друга в стремлении подчинить личность приоритетам общества и вытекающим из них поведенческим стереотипам?

В центре дискуссий по этим проблемам, которые идут в основном в англо-американской юридической литературе, стоит либерально-либертарная концепция, развитая на основе положений, которые высказал английский мыслитель 19 века Джон Стюарт Милль в известном трактате «О свободе»³.

¹ Мальцев Г. В. Нравственные основания права: монография. М., 2008. С. 257.

² Мальцев Г. В. Нравственные основания права: монография. М., 2008. С. 258.

³ Мальцев Г. В. Нравственные основания права: монография. М., 2008. С. 257.

³ Мальцев Г. В. Нравственные основания права: монография. М., 2008. С. 258.

Он выступал, как известно, за ограничение всякой общественной власти над индивидом, и, прежде всего государственной.

Главный вывод разрушителен для общественной морали: она должна утратить свое значение в случае согласия индивидов с тем, что общество не может вмешиваться в их самостоятельные действия. Что же остается на долю общественной морали, если человек, склонный широко понимать пределы своей индивидуальной автономии, считает почти каждое свое дело «моим» и «только моим», требует от других не вторгаться в область его собственных решений и «самоответственности»?

Применительно к действиям, затрагивающим других, но не причиняющим им вреда, человек может подпадать под общественную власть и подчиняться моральной норме при условии, что он сознательно принимает существующее в обществе убеждение, что тот или иной образ действий является правильным. А это означает, что идущее от общества моральное требование становится таковым для человека, если он с ним согласился, взял на веру, добровольно принял поведенческие стандарты как критерии самокоррекции, сделал их частью собственной индивидуальной морали. Таким путем формируется сфера частных моральных убеждений, частная мораль, которой, собственно, и руководствуется в своих действиях индивид; реальная граница между моральностью и имморализмом пролегает в сознании и совести человека, он сам для себя – моральный законодатель и моральный судья. В данном случае следует отметить укрепление приватных форм жизни – частной собственности, частных интересов, частному праву – и «приращение» частной морали.

Таким образом, различия права и морали являются основанием для их взаимодействия. Они служат одной цели – согласованию интересов личности и общества, обеспечению и поддержанию общественного порядка. Реализация правовых норм, их исполнение во многом обуславливаются тем, насколько они соответствуют нормам морали. Чтобы правовые нормы действовали эффективно, они не должны противоречить моральным ценностям общества. В некоторых случаях право способствует избавлению общества от устаревших моральных норм. Например, именно благодаря праву шел процесс преодоления кровной мести – одного из постулатов морали прошлых времен. Одновременно ряд правовых норм (в частности, уголовные нормы) непосредственно закрепляет в законе моральные нормы, подкрепляя их юридическими санкциями.

Апатенко Диана Валерьевна
студент социально-теологического факультета
имени митрополита Московского и Коломенского
Макария (Булгакова) НИУ «БелГУ»
(Белгород)

ИНТЕРНЕТ-ГОЛОСОВАНИЕ: ДИСКУССИЯ ВОКРУГ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

На сегодняшний день в современном мире мы наблюдаем динамичное развитие в области информационных технологий, которые всё чаще применяются и используются в жизни человека с целью упрощения выполнения определённых задач для достижения какой-либо цели. Возрастает интерес к новым технологиям и у государства. Одной из наиболее важных задач, которые ставятся перед инновационными разработками, является упрощение, ускорение, систематизация процесса обработки информации. Организация такого политического явления как выборы требует особого контроля процесса в течение всего времени, начиная с подготовки и заканчивая подведением итогов работы избирательных участков и ЦИК. Данная работа связана с огромным количеством информации, её обработкой, хранением и пр. Это объясняет потребность в обеспечении избирательного процесса технологиями, которые могли бы обеспечить модернизацию процедуры голосования. Многочисленные рассуждения о возможных решениях этой проблемы привели к идее о введении интернет-голосования (или дистанционного голосования).

Мотивами для разговоров и обсуждения вопросов введения инновационной выборной системы, на наш взгляд, послужили: 1) относительно положительный опыт зарубежных стран; 2) желание не отставать от развитых стран; 3) осознание недостатков существующего избирательного процесса, вследствие чего могло возникнуть предположение о том, что интернет-голосование устранит эти недостатки и усовершенствует избирательный процесс.

Условно процесс обсуждения можно разделить на несколько стадий: 1) особая вдохновлённость идеей внедрения электронного голосования. Радужные перспективы её развития; 2) сомнения в необходимости и целесообразности этой идеи. Ясное видение недостатков системы интернет-голосования; 3) увеличение количества сторонников позиции о том, что на данный момент внедрение дистанционного голосования невозможно ввиду

особенностей страны, связанных с недостаточным уровнем развития и готовности для этого.

Если главным мотивом послужил опыт зарубежных стран, предлагаем обратиться к нему и рассмотреть насколько он был успешным. Первая страна, о которой пойдет речь – Эстония.

Опыт интернет-голосования в Эстонии носит весьма противоречивый характер. Наблюдателями были отмечены многочисленные недостатки, такие как: пренебрежение работниками участковых избирательных комиссий отдельными процедурными вопросами, наличие нарушений и сбоев в работе сервера, сомнения в достаточной защищённости прав избирателей при голосовании через Интернет¹. Эксперты небезосновательно заявляют о том, что такая система очень подвержена риску манипуляций и хакерским атакам. Однако с каждым годом наблюдается рост избирателей, использующих интернет для голосования². Данный факт, по-видимому, может быть оправдан лишь возросшим уровнем «компьютерной грамотности» населения.

Определённая осторожность в отношении введения интернет-голосования прослеживается во Франции и Швейцарии. И вновь это объясняется недоверием к интернету и проблемами, связанными с обеспечением информационной безопасности. В США (Колумбия) эксперимент проведения интернет-голосования не увенчался успехом.

Что касается Германии, на данный момент нам известна лишь информация о том, что принят национальный закон о тестировании устройств для электронного голосования.

Итак, общая картина нам предстаёт следующая. Интернет-голосование как форма реализации гражданами их политических прав и отражение наиболее объективных её результатов имеет множество недостатков, которые были отмечены экспертами многих представленных выше государств. Об этих недостатках так же говорилось выше. Напомним о них.

1. Главным минусом интернет-голосования экспертами многих государств единогласно признается высокий риск хакерской атаки.

Но, данный момент, на наш взгляд, это, всё же, не недостаток системы дистанционного голосования, как таковой, а следствие недостаточного уровня развития информационной безопасности.

2. Проблема, связанная с вопросом тайности голосования.

¹ Id-коллапс: левые эстонии сомневаются в итогах выборов <http://rodina.ee/politika/993-id-kollaps-levye-estonii-somnevayutsya-v-itogakh-vyborov> (дата обращения 14.02.2018).

² Эксперты: система э-выборов Эстонии настолько небезопасна, что эксплуатацию следует прекратить сразу же // <http://www.stena.ee/blog/eksperty-sistema-e-vyborov-estonii-nastolko-nebezopasna-cto-ekspluatatsiyu-sleduet-prekratit-s> (дата обращения 10.02.2018).

Если большинство стран столкнулось с вопросом о формировании правовой базы относительно введения дистанционного голосования, то это означает, что существующие правовые положения не позволяют без затруднений реализовать систему электронного голосования на практике. Данный вопрос является вторым по важности, так как является следствием из проблем, связанных с технической стороной.

3. Вопрос доверия граждан интернету.

Проблема является не менее актуальной. Об этом нам свидетельствует количество граждан той или иной страны, избравшими для себя соответствующий способ голосования при наличии такой возможности (Эстония – поначалу около 3%¹, Франция – 2%²).

Также, необходимо упомянуть и о положительных сторонах, которые проявлены, пусть даже и в меньшей степени: 1) возможность реализации своих политических прав для граждан, той или иной страны, находящихся в момент выборов за границей; 2) возможность голосования для лиц с ограниченными физическими возможностями.

Незначительную роль положительных сторон можно объяснить тем, что лица, находящиеся в момент выборов за границей и лица с ограниченными физическими возможностями, которые не могут добраться до избирательного участка, составляют достаточно малый процент, который вряд ли сможет существенно изменить картину результатов избирательной кампании. Поэтому, в сравнении с выявленными недостатками, положительные моменты, на наш взгляд, вовсе не значительны.

Основываясь на анализе фактов, приведенных выше, мы становимся на следующую сторону: введение интернет-голосования в России в настоящее время нецелесообразно. Система интернет-голосования показало своё несовершенство в 2 аспектах: техническом и юридическом. Однако приведённые аргументы не будут ограничиваться исключительно этими двумя аспектами.

Итак, почему же мы всё-таки считаем введение интернет-голосования в России нецелесообразным.

Территория. Аргумент основывается на факте значительно большей площади государства (17 125 191 км. кв.). При этом необходимо учесть, что население распределено по площади страны неравномерно ввиду особенностей, связанных с географическим положением. Ведущаяся работа

¹ Выборы в Парламент Эстонской Республики // URL: <http://www.pandia.ru/text/77/241/46728.php> (дата обращения 09.02.2018).

² Зарубежная практика проведения интернет-голосования // URL: <http://www.pandia.ru/text/78/073/35329.php> (дата обращения 14.02.2018).

по обеспечению интернетом отдалённых уголков страны характеризуется пусть и положительной, но достаточно слабой динамикой. Немаловажным фактором в данном пункте является то, что в очень суровых северных климатических условиях проживает относительно небольшое населения. Исходя из этого, возникает вопрос о целесообразности соотношения ресурсов и средств, затраченных на проведение Интернета в столь далекие регионы, и результатов, которые этим будут достигнуты.

Материально-техническое обеспечение. Речь идёт, в первую очередь, о материально-техническом обеспечении избирателей. Проблемы в этом аспекте могут быть различными. Например, отсутствие нужды в пользовании Интернетом, преимущественно у людей старших поколений; личные принципы некоторых людей, основанные на добровольном отказе от средств коммуникации и; низкий уровень дохода, не позволяющий человеку иметь компьютер, возможность пользования Интернетом на телефоне и т.д. Так же новая система может потребовать производства новых оборудования (идентификационной направленности). Факт состоит в том, что людям придётся приобретать какое-либо устройство/оборудование для того, чтобы осуществить своё политическое право. Получается, чтобы реализовать своё политическое право, человек должен будет заплатить?

В конечном итоге это может привести к снижению электоральной активности избирателей и увеличению абсентеизма, что, само собой, не является положительным результатом.

Существенный риск нарушения принципа тайности голосования. Три главных подпункта этого аргумента заключаются в следующем: 1) информационно-техническая система РФ, не может дать гарантии соблюдения принципа тайности; 2) невозможность исключить оказание давления на избирателя; 3) вопрос о привлечении к ответственности лиц, которые предпринимают попытки незаконным способом повлиять на результаты выборов (проблема доказуемости вины).

Традиции как немаловажный фактор поддержания электоральной активности граждан. Аргумент базируется на ментально-психологическом аспекте. Общеизвестный факт – российский народ всегда трепетно относился к традициям. Особое место отводится традициям с общественно-политической жизни общества. В интернет-голосовании, в нынешнем его представлении, мы видим опасность повышения абсентеизма, связанную с отсутствием надёжных стимулов. Мы полагаем, что политические выборы в таком случае превратятся в простую механическую процедуру, за которой не будет стоять активной народной инициативы

Консервативность людей старших поколений в восприятии новых технологий. Чаще всего, люди старших поколений предпочитают оставаться в стороне, объясняя это тем, что новые технологии для них слишком сложны. С большим трудом старшее поколение осваивает компьютеры, телефоны, иные виды технологий как много на это уходит времени. Так же стоит вспомнить о материальном обеспечении пенсионеров, которое позволяет максимум обеспечивать себя самым необходимым, не говоря уже о современных технологиях.

Необходимость существенных финансовых затрат в условиях экономического кризиса. В первую очередь, речь идет о материальных затратах на администрирование: создание центров обработки данных, подготовка высококвалифицированного персонала, также, для обработки данных, оплата их труда и т.д. Думается, что интернет-голосование не может сократить расходы, связанные с предвыборными кампаниями; более того, будет затрачено немало средств на легализацию дистанционного голосования. Необходимо будет решать вопрос с обеспечением Интернетом по территории всей России, что тоже является процессом, требующим крупных финансовых вложений (хотя он в какой-то мере даже утопичен). Так же остаётся вопрос об окупаемости этих затрат в последствии. Учитывая нестабильное экономическое положение России – этот ход будет весьма рискованным.

Подводя итог, необходимо сказать, что в будущем система интернет-голосования, на наш взгляд, может попробовать найти применение в Российской Федерации в случае значительного всестороннего рывка вперед, но не более, чем на выборах в органы местного самоуправления. Но необходимо помнить о всех указанных в исследовании аспектах, многие из которых не зависят даже от уровня развития государства.

Бурцева Мария Андреевна,
магистрант Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – профессор Е.В. Сафронова
(Белгород)

ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И ВОПРОС ЕЕ ПРАВОМЕРНОСТИ

Данная статья посвящена анализу проблемы отношения гуманитарной интервенции к концепции государственного суверенитета и невмешательства других государств в его внутренние дела. Актуальность данной проблемы

порождается сочетанием общепризнанного международно-правового принципа суверенитета и неприкосновенности верховной власти государства на его территории.

Последние десятилетие на арене международных отношений отмечается возросшее число вооруженных столкновений. Результатами таких конфликтов становятся не только военные лица, а чаще мирные жители. Кроме того, огромный вред наносится имуществу, инфраструктуре государства, и как следствие, граждане вынуждены покидать страну в поисках убежища, возрастает количество беженцев. Резкое усиление глобализации и мировое развитие создает достаточно большую проблему для государства действовать самостоятельно в пределах своей территории.

Понятие «вмешательство» или «гуманитарная интервенция», было впервые использовано в конце 1980-х гг. профессором международного права Парижского университета Марио Беттати и французским политиком Бернаром Кушнером, одним из основателей организации «Врачи без границ»¹. Существуют различные трактовки гуманитарной интервенции, в том числе с позиции ее теории. Так, «теория интервенции, основанной на принципах гуманности, признает право одного государства осуществлять международный контроль за действиями другого государства в вопросах, относящихся к его внутреннему суверенитету, в ситуациях, вступающих в противоречие с нормами гуманности»².

Также существует определение гуманитарной интервенции и в Уставе ООН, в котором говорится, что: гуманитарная интервенция – применение силы или угроза силой, осуществляемая государством или группой государств за пределами своих границ без согласия страны, на территории которой применяется сила, для предотвращения гуманитарной катастрофы или геноцида местного населения³.

Гуманитарная интервенция является уже на протяжении многих лет объектом серьезных и противоречивых научных дебатов. Дебаты в первую очередь касаются легитимности подобных операций в рамках международного права. Важнейшей проблемой, с которой исследователи сталкиваются, оказывается коллизия между юридическим принципом суверенитета государства и моральным императивом защиты прав человека. Многие ученые и политические деятели считают приемлемым применение силы государством или группой государств в гуманитарных и справедливых

¹ Федоров А. Новые тенденции в современном мире: гуманитарная интервенция // WashingtonProFile: Из двух зол – меньшее. 2003.

² Риникер А. Позиция МККК по вопросу «гуманитарной интервенции» // Международный журнал Красного Креста.

³ Устав ООН [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/charter/>

целях ссылаясь на Устав ООН, а также и на международное право. Так, американский эксперт Ноам Хомский считает, что Всемирная Декларация прав человека 1948 г. декларирует «признание неотъемлемого достоинства и равных и неотчуждаемых прав человека как основы для свободы, справедливости и мира во всем мире» и в тех случаях, когда СБ ООН не может реализовать свою цель – защиту прав человека, считает допустимыми гуманитарные интервенции без санкции СБ ООН¹. Но существует и другая точка зрения, которую в свою очередь придерживается и Россия. Согласно данной концепции принципы, гарантированные Уставом ООН являются нерушимыми. В данном направлении известный юрист Н.Л. Ушаков отмечает, что претензии государства или группы государств путем «гуманитарной интервенции» с использованием или без использования вооруженных сил являются противоправны и лицемерными, поскольку за ними, как правило, скрывается идеологические цели государства-интервента².

Таким образом, остается открытым вопрос, в каких ситуациях и позволено ли вообще государствам или группе государств применять вооруженную силу, с целью вмешательства под эгидой гуманитарного характера во внутренние дела другого государства нарушая его суверенитет и основополагающие принципы международного права. Право на интервенцию и концепция государственного суверенитета неминуемо будут сталкиваться. По мнению Карин Фирк, возможность коллизии между суверенитетом государства и правами человека весьма высока, поскольку международное сообщество готово идти на нарушение равновесия мира с целью принуждения соблюдения прав человека³.

В настоящий момент вопрос о допустимости и юридическом обосновании гуманитарных интервенций является открытым и во многом зависит от трактовки тех или иных положений Устава ООН⁴. Несмотря на неразрешенную правовую коллизию принципов суверенитета и защиты прав человека, за последние несколько десятилетий был реализован ряд гуманитарных операций. Анализируя случаи подобных вмешательств, можно отметить, что в любой из стран-объектов интервенции наблюдается активное взаимодействие, а подчас и столкновение геополитических интересов соседних и региональных государств. Практика показывает, что на

¹ Хомский Н. Новый военный гуманизм: уроки Косова. – М., 2002.

² Ушаков Н.Л. Правовое регулирование использования силы в международных отношениях. – М.: Институт государства и права Российской Академии наук, 1997.

³ Fierke K.M. Diplomatic Interventions. Conflict and Change in a Globalizing World. — New York, Palgrave Macmillan, 2005.

⁴ Сазонова К.Л. Концепция «ответственность за защиту» в миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций / К.Л. Сазонова // Юридическая наука. 2012. № 1. С. 96-100.

современном этапе гуманитарные интервенции, осуществляемые в том или ином регионе, чаще всего не достигают поставленных целей. Спокойствие в данном районе конфликта не устанавливается, а вмешательство «миротворцев» приводит к эскалации конфликта и провалу гуманитарной интервенции.

Все вышесказанное дает основания заявлять о необходимости реорганизации существующей системы международной безопасности через реформирование деятельности ООН, а особое внимание стоит при этом уделить Совету Безопасности ООН при учете изменяющихся геополитических реалий современного мира.

Целью данной работы было подчеркнуть, что развитие и поддержание института прав человека международным сообществом способствует увеличению такого явления, как «гуманитарная интервенция», главной задачей которой является защита населения, а, с другой стороны, данное явление серьезно ущемляет и ограничивают суверенитет отдельного государства в его традиционном понимании, как невмешательство одного государства в дела другого.

Воловичева Александра Владимировна
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – ас. А.А. Минасян
(Белгород)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕДУРЫ ПАРЛАМЕНТСКОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Институт парламентского расследования является одной из форм парламентского контроля, который проводится как на государственном, так и на региональных уровнях. Однако мы рассмотрим функционирование данного института на государственном уровне.

Парламентское расследование получило свое развитие в Новое и Новейшее время. Дать общее определение парламентскому расследованию достаточно сложно, поскольку данный институт действует в разных странах и сочетает в себе как общие, так и специфические черты с учетом исторического развития государств. Поддерживая позицию Е.М. Якимова, полагаем возможным трактовать парламентское расследование как форму форма парламентского контроля, реализуемую преимущественно над органами исполнительной власти, осуществляемую созданными в установленном порядке специальными временными комиссиями парламента,

которые чаще всего расследуют обстоятельства, связанные с природными и техногенными катастрофами и их последствиями, а также факты грубого или массового нарушения прав и свобод граждан¹.

Право парламента на парламентское расследование может иметь разные нормативные источники закрепления. Указанное правомочие высшего законодательного органа государства предусмотрено либо конституционно, например, Российская Федерация, Япония, Франция, либо законодательно, например, ФРГ, Испания, Чехия. Даже если конституции предоставляют право проведения парламентских расследований, то вопрос о степени конкретизации в них данного вопроса решается по-разному. В большинстве случаев законодатель ограничился только указанием на такое право и ссылкой на то, что процедура проведения парламентских расследований должна быть прописана в регламентах палат парламента или в специальных законах. Например, в России конкретизация деятельности парламентских комиссий содержится в Федеральном законе от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» (далее – ФЗ «О парламентском расследовании»), а в Чехии деятельность комиссий регулирует регламент Палаты депутатов и приложение к нему, которое содержит регламент следственной комиссии².

Для проведения парламентского расследования создаются специальные комиссии. В разных государствах они имеют разное наименование. Так в России создается «парламентская комиссия», предусмотренная ФЗ «О парламентском расследовании», в Германии (ст. 44 Основного закона ФРГ³) и Чехии (ст. 30 Конституции Чешской республики⁴) такие комиссии именуются «следственными». Конституция Испании⁵ в ст. 76 называет такие комиссии «Комиссиями по расследованию».

Следует отметить различия в предметах расследования данных комиссий, поскольку некоторые из них преследуют решение общественных задач, а некоторые государственных. Так, Конституция Чехии закрепляет, что комиссии создаются для расследования по вопросам, имеющим общественный интерес⁶. В Чешской республике в основном предметом расследования является деятельность банков и коммерческих организаций.

¹ Якимова Е.М. Институт парламентских расследований: общее и особенное в практике России и зарубежных странах // Сибирский юридический вестник. 2006. № 2 (29). С. 62.

² Лазарева М.Л. Современный Парламент Чехии. Вологда, 2012. С. 117.

³ Основной закон ФРГ. Сайт. URI: <http://www.wipo.int/wipolex/ru>.

⁴ Конституция Чехии. Сайт. URI: <http://www.wipo.int/wipolex/ru>.

⁵ Конституция Испании. Сайт. URI: <http://www.wipo.int/wipolex/ru>.

⁶ Конституции государств Европы. Т. 3 / под общей редакцией Л. А. Окунькова. М., 2001. С. 499.

Конституция Испании, в отличие от Чехии, в приоритет ставит публичный интерес. В России в ФЗ «О парламентском расследовании» говорится, что деятельность парламентских комиссий происходит в отношении факторов, «имеющих негативные последствия для общества и государства»¹. Таким образом, в России парламентские расследования проводятся не только для защиты государственных, но и общественных интересов. В Основном законе ФРГ ничего не сказано о предмете расследований, но на практике комиссии рассматривают дела, имеющие публичные и общественные интересы.

При этом в приведенных странах комиссии проводят расследования по определенному вопросу, указанному в заявлении о начале парламентского расследования. Порядок формирования и деятельности комиссий по парламентскому расследованию в странах различен, но имеет общие черты.

В Российской Федерации этапом начала деятельности парламентской комиссии является инициатива возбуждения парламентского расследования или создания парламентской комиссии. Такая инициатива может исходить от любой из палат Федерального Собрания, но вопрос о поддержке создания такой комиссии должен быть решен на заседании палаты не позднее чем через 15 дней со дня поступления письменного обращения. Затем палата, принявшая постановление о поддержке предложения о создании комиссии, направляет данное постановление в другую палату Федерального Собрания, которая в течение 15 дней со дня принятия указанного постановления рассматривает вопрос о возбуждении парламентского расследования. Решения о поддержке предложения о создании комиссии и о составе комиссии, о возбуждении парламентского расследования оформляются постановлениями палат Федерального Собрания и считаются принятыми, если за них проголосовало большинство от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы.

В Конституции Испании предусмотрено, что «Конгресс и Сенат, а в ряде случаев обе Палаты совместно, могут образовать Комиссии по расследованию любого вопроса, представляющего общественный интерес»². Исходя из данного конституционного положения, полагаем необходимым отметить существенное, на наш взгляд, отличие в порядке формирования парламентских комиссий. Предусмотренное Конституцией Испании право на создание парламентской комиссии адресовано каждой из палат парламента,

¹Федеральный закон от 27.12.2005 № 196 - ФЗ (ред. от 07.05.2013) «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 1. Ст. 7.

² Конституции государств Европы. Т. 2 / под общей редакцией Л. А. Окунькова. М., 2001. С. 67.

что значительным образом облегчает возможность ее формирования. Подобное конституционное положение предусмотрено ст. 51.2 Конституции Франции¹.

Следует отметить, что Основной закон Германии является примером наиболее полной конституционной регламентации парламентского расследования, в ст. 44 которого определено, что «Бундестаг имеет право, а по предложению четвертой части его членов – обязан учредить следственную комиссию, которая собирает необходимые доказательства на открытых заседаниях. Заседания могут быть и закрытыми»². Необходимо отметить, что в отличие от России и Испании правом на создание комиссии обладает только одна палата парламента – Бундестаг, и для нее это является не только правом, но в указанном случае и обязанностью. Схожий порядок формирования предусмотрен и в Конституции Чехии (ч. 1 ст. 30), согласно которой «для расследования по вопросам, представляющим общественный интерес, Палата депутатов по предложению не менее одной пятой от общего числа депутатов может создавать следственные комиссии».

В состав комиссий по парламентскому расследованию входят парламентарии обеих палат парламента. В России в указанную комиссию входят члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы. ФЗ «О парламентском расследовании» делает некоторые исключения для Государственной Думы, поскольку в состав комиссии от указанной палаты должно входить равное число представителей всех депутатских объединений в Государственной Думе. В целом, закон не уточняет, какой численный состав членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы должен быть представлен в парламентской комиссии.

В Испании количественный состав комиссии по парламентским расследованиям зависит от палаты, инициировавшей ее создание. В неё могут входить как члены Сената, если инициатором ее формирования выступил Сенат, так и депутаты Конгресса, если инициатором явился Конгресс. В том случае если инициатива проведения парламентского расследования поступила от обеих палат Генеральных кортесов, то в состав комиссии входят члены Сената и депутаты Конгресса.

В Германии в состав комиссии входят депутаты Бундестага, назначаемые в пропорции, отражающей соотношение различных фракций. В Чехии Палата депутатов сама выбирает порядок формирования комиссии, но

¹ Конституция Франции. Сайт. URI: <http://www.wipo.int/wipolex/ru>.

² Конституции государств Европы. Т. 1 / под общей редакцией Л. А. Окунькова. М., 2001. С. 580.

на практике выбор всегда делается в пользу пропорционального порядка, поэтому в состав, как и в Германии, входят депутаты от фракций.

При создании комиссий по парламентскому расследованию можно поставить вопрос, на какой срок должна создаваться такая комиссия. По мнению Д.Б. Трошева, общее правило таково: «Комиссия формируется на время проведения парламентского расследования и после его завершения распускается»¹. В конституциях Германии, Испании и Чехии не указаны предельные сроки работы комиссий. В Чехии, например, Палата депутатов сама определяет срок, в течение которого комиссия должна предоставить Палате свои наблюдения и предложения².

В России срок парламентского расследования составляет один год. С одной стороны, указанный срок кажется достаточным для проведения парламентских расследований. Но с другой – если обратиться к практике проведения парламентских расследований в современной России, можно сделать вывод о том, что за один год парламентская комиссия не во всех случаях способна «уложиться» в предусмотренный срок. Свидетельством тому выступает проведение парламентского расследования террористического акта в городе Беслане Республики Северная Осетия – Алания 1-3 сентября 2004 г. Расследование по данному делу началось 20 сентября 2004 г., а итоговый доклад был оглашен в декабре 2006 г.

В своей деятельности комиссии по парламентским расследованиям наделяются широкими полномочиями, схожими в разных странах. Комиссии имеют право запрашивать информацию и пояснения, вызывать свидетелей, привлекать экспертов, специалистов и переводчиков. В ряде случаев комиссии могут проводить закрытые заседания, чтобы сохранить государственную или иную, охраняемую законом тайну.

По окончании парламентского расследования комиссии подготавливают соответствующее решение в форме постановления, доклада или заключения. В нем содержатся выводы комиссий по расследуемым ею фактам и обстоятельствам. В основном деятельность таких комиссий не подменяет собой деятельность органов следствия и суда, и поэтому результаты деятельности комиссий носят рекомендательный характер для них.

В Конституции Испании сказано, что «заключения комиссий не являются обязательными для судов и не могут влиять на судебные решения,

¹ Трошев Д.Б. Возбуждение парламентского расследования // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2 (5). С. 43.

² Лазарева М.Л. Современный Парламент Чехии. Вологда, 2012. С. 117.

однако, результаты таких расследований сообщаются в прокуратуру для использования в соответствующих случаях»¹. В Германии «решения следственных комиссий не подлежат судебному рассмотрению. Суды не связаны ими при оценке и квалификации обстоятельств, в отношении которых проводилось расследование»², однако, «после окончания своей работы комиссия направляет письменное сообщение в Бундестаг»³. В Чехии регламент Палаты депутатов определяет, что это окончательным решением является постановление, о последствиях которого регламент ничего не говорит.

В России «по результатам парламентского расследования готовится итоговый доклад комиссии, направляемый в обе палаты Федерального Собрания Российской Федерации» (с. 25 ФЗ «О парламентском расследовании»). Такой доклад носит рекомендательный характер и направляется адресно Президенту и Правительству Российской Федерации, а в некоторых случаях «итоговый доклад может направляться в иные федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, Генеральному прокурору Российской Федерации и в соответствующие органы местного самоуправления» (ч. 9, 10 ст. 25 ФЗ «О парламентском расследовании»).

Таким образом, сравнительный анализ правового регулирования парламентских расследований показал, что данный институт в некоторых странах имеет общие черты, однако, они сочетаются с большим количеством специфических. Полагаем необходимым проведения более детальной регламентации института парламентского расследования, поскольку оно выступает в качестве одного из основных из элементов парламентского контроля.

¹ Конституции государств Европы. Т. 2 / под общей редакцией Л. А. Окунькова. М., 2001. С. 67.

² Конституции государств Европы. Т. 1 / под общей редакцией Л. А. Окунькова. М., 2001. С. 580.

³ О regulirovanii prava komissii po rassledovaniyu Nemetskogo Bundestaga (Gesetz zur Regelung des Rechts der Untersuchungsausschüsse des Deutschen Bundestages): feder. zakon Germanii ot 19 iyunya 2001 g.

Кипаренко Артем Юрьевич
студент Юридического института НИУ «БелГУ»
научный руководитель – асс. В.В. Гелуненко
(Белгород)

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На протяжении долгого и порой весьма тернистого пути своего исторического развития, российское государство находилось под опекой достойных представителей, которым народ, мог доверить наиболее ответственное бремя – управлять страной. Сложившуюся концепцию сильного лидера в России нельзя назвать случайностью. Справедливо отметим, что неоднократно российское государство в трудную минуту было спасено решениями талантливых представителей государственного аппарата.

Обладать властью всегда означало – нести большую ответственность перед каждым гражданином, рассчитывающим на мудрость и компетентность руководства. Именно поэтому во главе государства должны находиться мудрые, целеустремленные и надежные граждане, имеющие перед собой цель исполнять свою работу с максимальной отдачей.

Современная Россия, как и большинство развитых стран мира, является демократическим государством с республиканской формой правления, главой которого является Президент. В Конституции Российской Федерации¹, институту Президента отведена отдельная глава, устанавливающая его правовой статус, функции в механизме государственного управления, компетенцию, а также ответственность, которая является предметом научных дискуссий.

Президент Российской Федерации обладает достаточно широким спектром полномочий, а его конституционно-правовое положение в системе органов государственной власти позволяет судить о распространении предметов его ведения практически на все институты государственного управления, независимо от ветви власти или отраслевой принадлежности выполняемых им функций администрирования.

Достаточное развитие получила контрольно-надзорная деятельность главы государства, предназначенная для поддержания всеобщего порядка и законности в процессе осуществления государственного управления.

¹ Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

Президент является одновременно гарантом Конституции России, прав и свобод человека и гражданина, а также Верховным главнокомандующим Вооружёнными Силами, что придаёт еще большую ответственность занимаемой должности. Глава нашего государства наделен, полномочиями принимать решения такой важности и такого масштаба, от правильности и разумности которых, могут зависеть судьбы множества людей и страны в целом. Поэтому, высшее должностное лицо страны, должно нести колоссальную ответственность за совершаемые им действия в ходе своей управленческой деятельности, и эта ответственность должна быть установлена законом максимально грамотно, всецело и справедливо.

Однако, несмотря на возложенные, на Президента законом обязанности, он выступает субъектом конституционно-правовой ответственности. Так, российское законодательство предусматривает возможность привлечения высшего должностного лица к уголовной ответственности только лишь в определенных случаях, по определённым основаниям и в особом порядке, что весьма усложняет, как сам институт уголовной ответственности Президента, так и реализацию норм данного института в действительности. Данная проблематика в целом сложна ввиду наличия отдельных положений законодательства, регулирующих как процедурные вопросы данной темы, так и вопросы непосредственно материально-правового характера.

В первую очередь, важно обратить внимание на то, что по смыслу закона Президент Российской Федерации может быть привлечен к уголовной ответственности только при условии прекращения им своих полномочий, то есть по факту только экс-президент может быть субъектом уголовной ответственности. Это означает, что для привлечения Президента к уголовной ответственности нужно в первую очередь отрешить последнего от должности, на что предусмотрена отдельная процедура, установленная статьей 93 Конституции Российской Федерации. Успешное проведение данной процедуры является необходимым условием для перехода ко второму этапу, необходимому для привлечения бывшего Президента к уголовной ответственности, который заключается в лишении его неприкосновенности, предусмотренной третьей статьёй федерального закона «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи»¹. Таким образом, лицо, занимающее пост главы государства для того, чтобы являться надлежащим субъектом уголовной ответственности, в отношении которого применяется особый

¹ Федеральный закон «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» от 12.02.2001 № 12-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 7. Ст. 617.

порядок производства по уголовным делам в соответствии со ст. 447 Уголовно-процессуального кодекса¹, должно отвечать двум требованиям на момент возбуждения уголовного дела – не находиться в должности Президента и не иметь неприкосновенности, предоставляемой в соответствии с законом бывшему руководителю государства.

Именно на первых двух стадиях, необходимых для привлечения Президента в дальнейшем к уголовной ответственности возникает существенная проблема, связанная с предусмотренным в законе основанием для проведения данных процедур, которым выступает совершение Президентом государственной измены или иного тяжкого преступления.

Сама формулировка, представленная законодателем, вызывает вопрос о том, достаточно ли широк круг правовых предпосылок, вследствие которых предоставляется реальная возможность Государственной Думе выдвинуть обвинение главе государства в целях его отрешения от должности и снятия иммунитета?

При буквальном толковании текста данной статьи, можно судить о том, что норма права, регулирующая вопрос инициации со стороны парламентариев процедуры отрешения, ограничивает последних в возможности предъявления обвинения Президенту, а точнее в качественной стороне предъявляемого обвинения. Получается так, что конституционно-правовая ответственность главы государства может возникнуть в случае совершения им преступного деяния, относящегося к категории тяжких и, что вполне логично, особо тяжких, или же государственной измены, предусмотренной законодателем в частности.

Вполне обоснованно напрашивается вопрос – как поступить парламентариям в случае совершения главой государства преступлений небольшой или средней тяжести?

Быть может, законодатель подразумевал под понятием «тяжкое преступление», указанным в Конституции, только те преступления, которые в прямом смысле данного термина, относятся к категориям тяжких и особо тяжких, установленных в ст. 15 УК РФ². Можно допустить то, что понятие «тяжкое преступление» является оценочным и не отсылает читателя напрямую к общей части уголовного закона. Возможно, что при решении вопроса о предъявлении Президенту обвинения, необходимо анализировать всю ситуацию в целом, придавать значение таким обстоятельствам, на

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ // Российская газета. 2001, 22 декабря.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

основании которых можно сделать вывод о наличии повода отрешить главу государства от должности для последующего привлечения к уголовной ответственности и в случае совершения им преступлений небольшой или средней тяжести, о чем может свидетельствовать, к примеру, форма вины, наличие совокупности преступлений, мотивы их совершения и другие обстоятельства, заслуживающие внимания. К тому же, можно задаться вопросом о том, почему законодатель, используя понятие «тяжкое преступление» в прямом смысле и отсылая нас к ст. 15 УК РФ не указал в ст. 93 Конституции помимо тяжких преступлений преступления особо тяжкие, в том числе? Ведь в таком случае имеет место не совсем логичное использование понятийного аппарата отрасли уголовного права.

Мнения различных правоведов по данной тематике свидетельствуют о том, что подобные идеи в научном сообществе не принимались во внимание, либо не рассматривались достаточно детально, так как доминирующее большинство учёных рассуждают лишь о наличии проблемы, выраженной в упущении со стороны законодателя. Чаще всего в работах, касающихся данной тематики, можно встретить утверждения о сложности и многозадачности данной проблематики, в частности о том, что вопросы привлечения Президента к уголовной ответственности решаются настолько неполно и противоречиво, что перевод института ответственности Президента из сферы формально-юридической в сферу практическую является фактически нереальным¹.

Тем не менее максимально обоснованным и близким разрешением возникшего вопроса выступает мнение Ю.А. Цветкова: «считать, что Президент Российской Федерации не может быть привлечен к уголовной ответственности вообще ни за какое преступление, кроме тяжкого или особо тяжкого было бы неоправданным расширением её действительного содержания². Автор считает, что неурегулированность вопроса, как об уголовно-процессуальном, так и о юридическом иммунитете Президента Российской Федерации необходимо рассматривать, как пробел в российском законодательстве.

С Юрием Анатольевичем трудно не согласиться, однако можно дополнить его точку зрения, указав на то, что вся сложность проблемы привлечения Президента к уголовной ответственности заключается именно в отрешении от должности. Ведь Президент, прекративший свои полномочия,

¹ Сырых В. М. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих // Государство и право. 2000. № 3. С. 25.

² Цветков Ю. А. Иммуниет от уголовного преследования в Российском праве // [электронный ресурс]. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/5053> (дата обращения 07.04.2018)

является полноценным субъектом уголовной ответственности, и в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством допускается возможность возбуждения уголовного дела в отношении последнего Председателем Следственного комитета Российской Федерации. Даже по делам частного преследования в соответствии п.2 ч.1 ст. 147 УПК предусмотрена возможность возбуждения уголовного дела в отношении, бывшего главы государства, но в таком же особом порядке.

Совсем иная ситуация, когда речь идёт о Президенте, осуществляющим свои полномочия в момент совершения им преступления, уголовное дело по которому, для примера, является делом частного обвинения. Как стоит поступить потерпевшему, в случае если глава государства причинит ему легкий вред здоровью? Ведь только одна треть депутатов Государственной Думы Российской Федерации может выдвинуть Президенту обвинение, которое может послужить поводом для отрешения последнего от должности. Каким образом в данном случае нужно взаимодействовать потерпевшему лицу с парламентариями для привлечения виновного к ответственности и восстановления справедливости? Оценят ли депутаты совершение такого преступления со стороны Президента как «тяжкое» в рамках ст. 93 Конституции?

Вполне очевидно, что при однозначном толковании вышеупомянутой статьи, следует, что глава государства получает неограниченную законом возможность совершать преступления небольшой или средней тяжести, всякий раз, уходя от ответственности, и в таком случае, можно было бы смело говорить о пробеле в нашем законодательстве, но так ли это?

Если подходить к разрешению возникшего вопроса исключительно с формально-юридической стороны, то да, в действительности имеет место пробел ввиду отсутствия в законодательстве положения, прямо допускающего отрешение Президента от должности на основании совершения им преступления небольшой или средней тяжести. Однако стоит задуматься о целесообразности и необходимости исправления сложившейся ситуации. Можно ли утверждать, что введение в действующее законодательство нормы, предусматривающей возможность отстранения главы государства от занимаемой им должности в случае совершения им мелкого преступления, по существу повлияет на ныне существующее правоприменение?

На наш взгляд, законодатель исходил исключительно из того, что введение данной нормы в действительности не принесет пользы. Неурегулированность данного вопроса в действующем законодательстве ни в коем случае не говорит о некомпетентности последнего, а лишь указывает на

доверие к главе государства со стороны всего населения России в лице Федерального Собрания Российской Федерации. Немыслимо, что Президент будет даже иметь умысел на совершение преступления небольшой или средней тяжести в силу своей беспристрастности, доказанной временем. Помимо этого, отсутствие данной нормы в законодательстве нашего государства вполне положительно влияет на международный авторитет Российской Федерации, так как сложившаяся картина указывает на достаточно тёплое отношение народа к своему избраннику, что свойственно современному развитому демократическому государству.

Мантулина Дарья Олеговна
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – асс. А.А. Минасян
(Белгород)

ПАРЛАМЕНТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАЛАТ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Парламент является органом, который представляет самые разные интересы населения, работает открыто и находится в постоянном и тесном контакте с гражданами, играет важную роль, контролируя деятельность органов исполнительной власти. То есть, палаты парламента традиционно реализуют как законодательную, так и контрольную функцию, что необходимо для существования демократической власти и стабильного сильного государства.

Согласно Конституции Российской Федерации¹ существуют различные формы контроля – например, возможность отрешения Президента России от должности Советом Федерации на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения (ч. 1 ст. 93), осуществление контроля за исполнением федерального бюджета (ч. 5 ст. 101), решение вопроса о доверии Правительству России (ч. 1 ст. 103) и т.д.

7 мая 2013 года был принят Федеральный закон № 77-ФЗ «О парламентском контроле», в статье 5 которого парламентское расследование

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. и доп. от 30 декабря 2008 г., от 30 декабря 2008 г., от 05 февраля 2014 г., от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст.1, Ст. 2; 2014. № 6. Ст. 548; № 14. Ст. 4202.

закреплено как одна из форм парламентского контроля взаимодействия для обеих палат Федерального Собрания¹.

Напрямую институт парламентского расследования в Конституции Российской Федерации не закреплен, однако, он вытекает из конституционного положения о праве Совета Федерации и Государственной Думы образовывать комитеты и комиссии по различным вопросам (ст. 101). Надо сказать, что комиссии по парламентским расследованиям в России создавались еще с 1990-х гг., например, расследованию были подвергнуты и финансовый кризис 1998г., и трагические события в Беслане 2004 г., но никакой нормативной базы для данного института не существовало². Впервые такой законопроект был внесен в Государственную Думу в 2002 г., но столкнувшись с рядом проблем был отвергнут³. И только 27 декабря 2005 года был принят Федеральный закон № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации», где получили свое закрепление цели, принципы, предмет, порядок формирования и иные базовые положения о парламентском расследовании.

Так, в соответствии с вышеупомянутым нормативным правовым актом целями парламентского расследования являются:

1. защита прав и свобод человека и гражданина, закрепленных и гарантированных Конституцией Российской Федерации;
2. контроль деятельности Правительства Российской Федерации, исполнительных органов государственной власти, государственных органов, не являющихся органами государственной власти, а также органов местного самоуправления;
3. устранение причин событий, которые послужили основанием для проведения расследования.

Предметом парламентского расследования могут быть грубое или массовое нарушение прав и свобод человека и гражданина, обстоятельства, характеризующие причину возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного характера, а также связанные с последствиями таких явлений. При этом законодатель указывает на то, какие обстоятельства не подлежат парламентскому расследованию, а именно: деятельность Президента Российской Федерации, деятельность суда по осуществлению правосудия,

¹ Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле». <https://rg.ru/2013/05/14/kontrol-dok.html> (дата обращения: 09.04.2018)

² Нормативно-правовые акты Федерального Собрания Российской Федерации // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт. URI: <http://www.gosduma.net>

³ Нудненко Л.А. К истории разработки и принятия Федерального закона «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» // Государство и право. 2008. №8. С. 5-13.

деятельность органов дознания и органов предварительного следствия, осуществляемая ими в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством¹.

По итогу проведения парламентских расследований палаты принимают итоговый доклад, где могут содержаться предложения о принятии нормативно правовых актов, об освобождении от должности лиц, действия которых повлекли то или иное событие, ставшее причиной создания комиссии, о совершенствовании деятельности государственных и муниципальных органов в целом.

Однако на практике нормы федерального закона не получили широкого применения. Так на уровне Федерации после законодательной регламентации деятельности комиссий по парламентскому расследованию было проведено всего одно парламентское расследование, а именно: авария на Саяно-Шушенской ГЭС. Остальные попытки создания парламентских комиссий не увенчались успехом.

На наш взгляд, это связано с целым рядом проблем. Например, перечень событий, по причинам которых может быть создана комиссия по парламентскому расследованию весьма ограничен. Также нет никакого механизма для учета данных, полученных в результате проведенных расследований. Более того, расследование может быть прекращено в любой момент, так как согласно Федеральному закону о парламентских расследованиях любая из двух палат Федерального Собрания Российской Федерации может остановить деятельность членов комиссии со своей стороны, что нейтрализует всю комиссию². В качестве еще одного недостатка можно назвать возможность формирования комиссии по парламентским расследованиям только при взаимном согласии каждой из палат парламента.

Подводя итог, необходимо отметить, что парламентское расследование как форма взаимодействия палат Федерального Собрания Российской Федерации является очень важным и ценным институтом, поскольку он играет большую роль в защите прав и свобод человека и гражданина, гарантируемых Конституцией Российской Федерации. Именно он осуществляет контроль деятельности органов исполнительной власти и

¹ Федеральный закон от 27 декабря 2005 г. N 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» <https://rg.ru/2005/12/29/rassledovanie-dok.html> (дата обращения: 09.04.2018)

² Авакьян С.А. О проекте Федерального закона «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» // Архив комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 2005 г. С. 2.

устраняет причины массовых и грубых нарушений прав и свобод человека и гражданина. Однако некоторые положения федерального закона, регулирующего его деятельность, на наш взгляд, нуждаются в доработке и внесении некоторых изменений.

Рыжова Анна Анатольевна,
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – проф. М.В. Мархгейм
(Белгород)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ ПРИ ФОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ

«...Жесткость правовой нормы и юридический формализм изрядно вытравливают нравственный смысл благотворительности, а естественное стремление законодателя определенным образом стимулировать развитие регулируемых отношений приводит к некоторой двусмысленности правовой ситуации в данной сфере»¹.

В настоящее время мы всё чаще сталкиваемся с таким явлением, как благотворительность: по телевидению постоянно показывают видеоролики о сборах средств в благотворительные фонды, в социальных сетях мы находим просьбы о помощи тяжело больным, даже в общественном транспорте мы встречаем волонтеров, которые собирают денежные средства в помощь заболевшим детям.

Российская благотворительность уходит своими корнями в прошлые века. Тогда она была связана с такими фамилиями, как Морозовы, Солдатенковы, Третьяковы, Медведниковы, Рябушинские и др., считавшими благотворительность святым делом, делом чести своего рода. Так, всем известна Третьяковская галерея в Москве, созданная из коллекции, собранной братьями Третьяковыми, а в декабре 2018 года исполнится 115 лет больнице святителя Алексея, построенной на средства Александры Ксенофонтьевны Медведниковой, для больных, неимущих и пожилых людей.

По данным Росстата к концу 2016 г. число благотворительных фондов в России составило 7952². К наиболее известным из них можно отнести

¹ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008. С. 247.

² Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf (дата обращения: 09.04.2018).

благотворительный фонд «Подари жизнь»¹, созданный актрисами Диной Корзун и Чулпан Хаматовой для помощи детям с онкологическими и иными тяжёлыми заболеваниями. А в 1996 г. Издательским домом «Комерсант» был создан российский фонд помощи «Русфонд», который уже к началу 2018 г. смог собрать почти 400 млн. рублей для помощи тяжелобольным детям, сиротам и инвалидам².

Также в качестве благотворительности можно рассматривать деятельность волонтеров, которой посвящён 2018 год в нашей стране и как движение широко распространяется по всему миру. Особенность деятельности волонтеров заключается в том, что они безвозмездно, по своему волеизъявлению действуют как в государственных, так и в частных организациях медицинской, образовательной сферах, либо в сфере социального обеспечения, или являются членами добровольческих организаций. Волонтером может стать каждый человек, вне зависимости от пола, возраста, уровня образования, материального и социального статусов и т.п. Одной из известных волонтерских организаций в России является московская группа «Доноры – детям», участники которой организуют занятия кружков, проведение конкурсов для заболевших детей, а также они занимаются поиском костного мозга и лекарств.

В связи с тем, что благотворительность приобретает популярность в нашем обществе, актуальным становится вопрос о пределах этого явления. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» закрепил легальное определение благотворительности, под которой понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки³.

Анализируя это определение, можно отметить, что предоставление блага на льготных условиях трудно оценить как абсолютно бескорыстное действие, ведь законодатель установил формы материальной государственной поддержки участников благотворительности. Например, им предоставляются льготы по уплате налогов, таможенных и иных сборов,

¹ Официальный сайт благотворительного фонда «Подари жизнь» [Электронный ресурс] // URL: <https://podari-zhizn.ru/main> (дата обращения: 09.04.2018).

² Российский фонд помощи «Русфонд» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rusfond.ru/> (дата обращения: 09.04.2018).

³ Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (ред. от 05.05.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – №133. – Ст. 3340; 2014, 5 мая.

предусматривается материально-техническое обеспечение и субсидирование благотворительных организаций, возможность бесплатного пользования государственным и муниципальным имуществом, получение государственных и муниципальных заказов.

В итоге складывается довольно внушительная картина широких юридических возможностей благотворительства в России, создавая которые законодатель руководствуется благородными целями и стремится облегчить бремя для добросовестных участников благотворительной деятельности и повысить эффективность последних. Получается, что тот, кто отличается в благотворительной деятельности, считается достойным поощрения и вознаграждений в других отношениях. Таким образом, благотворительная деятельность приобретает корыстные мотивы, так как в совокупности все преимущества могут оказаться более привлекательными, чем сама благотворительность. А некоторые благотворители из милосердной деятельности делают свой собственный бизнес.

В то же время наше законодательство содержит не совсем чёткое определение благотворительной деятельности, не отграничивает её от проведения всякой другой социально полезной работы на добровольных, общественных началах. Так, по закону благополучателями могут быть не только граждане, нуждающиеся в социальной поддержке вследствие нищеты, болезней, инвалидности или из-за других причин, но и вполне благополучные лица, выполняющие какую-либо общественно-полезную функцию, например, охраны окружающей природной среды, исторических памятников и т.п.

При этом Геннадий Васильевич Мальцев связывал благотворительность в первую очередь с милосердием, то есть сострадательным, доброжелательным, заботливым отношением к другому человеку¹. Милосердие как высшая христианская ценность может выступать мотивом благотворительности, а может и не быть таковым. Зачастую, милосердие в качестве мотивации заменяют более слабые чувства такие, как благожелательность, снисходительность, а иногда и просто желание приобрести репутацию благочестивого человека.

В своих трудах Г.В. Мальцев выделял три правила благотворительности². Во-первых, благотворительность должна исходить от чистого сердца, а не из иных замыслов и подтекстов. Она не должна превращаться в предмет сделки. Например, я помогаю тебе деньгами, а ты меня хвалишь громко и публично или, в современном варианте, ты голосуешь за меня на выборах.

¹ Мальцев Г.В. Нравственные основания права. – М.: Изд-во СГУ, 2008. – С. 236.

² Мальцев Г.В. Там же. – С. 237-239.

В этом аспекте получил широкое распространение в СМИ скандал, связанный с Фондом Клинтон, основанным бывшим Президентом США, Б. Клинтон с целью укрепления возможностей людей в США и по всему миру преодолевать вызовы глобальной взаимозависимости¹. Под эгидой этого фонда были открыты дочерние благотворительные проекты в сфере здравоохранения, образования, борьбы с изменениями климата и т.д. В налоговом управлении фонд зарегистрирован в качестве организации, освобожденной от уплаты налогов. Особенность его работы заключается в том, что он не выделяет гранты на проведение каких-либо акций, а нанимает персонал, который их проводит. Сами учредители не получают доход от этой деятельности. Но в разное время в организации работали люди, получавшие от этой деятельности доход и вошедшие в предвыборный штаб Х. Клинтон, которая баллотировалась на пост Президента США в 2016 г.

Второе правило благотворительности состоит в том, что «наиболее угодной является милость, которую нуждающемуся оказывает человек умеренного достатка или такой же бедный человек». К благотворительности богатых людей обращено другое правило – раздай своё имущество тем, у кого его нет. В связи с этим выдающимся является пример Марка Цукерберга, который пожертвовал на благотворительность 99% своих акций. А создатель Microsoft, Билл Гейтс, завещал 99% своего состояния пяти крупнейшим благотворительным фондам.

Третьим, по Г.В. Мальцеву, правилом благотворительности является требование чистоты происхождения блага, переходящего от одного человека к другому. Во все времена благотворительность нередко использовали преступники с целью обелить себя перед обществом, выглядеть честными и порядочными гражданами. Прежде всего, это относится к людям, нажившим своё состояние на несчастье людей, осознающим свою нравственную порочность. Известный писатель Л.Н. Толстой писал: «В одном человеке не могут совместиться преступник и благотворитель, поскольку подавать милостыню лучше из того, что у человека есть»². Так, в работах А.Н. Пескова мы находим информацию о преступной работе благотворительного Фонда социальной защиты спортсменов имени Л.И. Яшина под руководством О.В. Квантришвили. Этот фонд занимался широкомасштабной легализацией

¹ Российское информационное агентство [Электронный ресурс] // URL: https://ria.ru/us_elections2016/20161106/1480741577.html (дата обращения: 10.04.2018).

² Толстой Л.Н. Круг чтения. Том 1, часть 1. С. 65.

преступных доходов, полученных посредством экспорта нефти, цветных металлов и оружия, от сети подпольных московских казино¹.

В заключение отметим, что в нашей стране благотворительность приобретает всё большую популярность. Поэтому хочется, чтобы желание жертвовать исходило из искренних побуждений лица, а не по мотивам возможности получения выгоды из этих действий.

Смирнов Илья Олегович
студент Юридического института НИУ «БелГУ»
научный руководитель – асс. В.В. Гелуненко
(Белгород)

ПРАВОПОНИМАНИЕ: ЮРИДИЧЕСКИЙ ПОЗИТИВИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ДОКТРИНУ ПРАВА

Правопонимание сегодня занимает особое место в теории права, отражая разнообразие оценок практически всех правовых явлений, включая правосознание. В нем аккумулируются все важнейшие результаты исследований феномена права, имевшие место в продолжительной истории научной юридической мысли. В нем объединяются различные правовые школы, концепции, теории, отдельные взгляды, сформировавшиеся в разные исторические времена, наблюдается борьба мнений и аргументов, которая убеждает в необходимости обновления научной парадигмы.

Однако, нельзя не отметить, что в современный период времени, можно наблюдать укоренившуюся тенденцию, возрастания проблемы правопонимания, которая выражается в отсутствии понимания некоторых аспектов права или права в целом. Успешное решение данной проблемы весьма важно для изучения других, неразрывно связанных с понятием права явлений и отражающих их категорий и понятий².

Данное явление обусловлено множеством причин. Одну из этих причин, Г.В. Мальцев анализировал в своем труде «Понимание права. Подходы и проблемы»³. Исследуя различные зарубежные теории, иностранные источники, он выделил интегративный подход к правопониманию, на основе,

¹ Песков А.Н. Отмывание «грязных» денег и криминальная благотворительность в сфере профессионального спорта // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М., 2014. – № 13(250). – С. 46

² Марченко М.Н. Проблемы правопонимания в связи с исследованием источников права // Вестник МГУ. Сер. Право. 2002. № 3. С 5.

³ Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. С. 342.

которого он предложил свое определение права. Геннадий Васильевич, рассматривал право, наряду с такими социально-культурными явлениями, как мораль, религия, политика, основным отличием которых, является нормативная специфика. Право определяется им, как совокупность идей, отношений и норм, благодаря чему становится возможным устанавливать порядок человеческого поведения, поддерживаемый государством через его органы.

Помимо выделения описанного выше подхода Г.В. Мальцев рассматривал в своем труде юридический позитивизм. Прежде всего, необходимо углубиться в историю данного явления. Первоначально это направление в юриспруденции зародилось в XIX веке в Западной Европе. Первая теоретическая основа была заложена Джоном Остином. Его позиция состояла в том, что предметом нового направления является позитивное право, при этом естественное право не отрицается, но и не рассматривается с точки зрения юридического позитивизма¹. Со временем, во многих странах Европы анализируемое направление стало привлекать все больше взглядов ученых и правителей. Как следствие менялась и доктрина юридического позитивизма. Если первоначально естественное право не отрицалось, то теперь можно заметить обратную тенденцию. Можно даже вести речь о том, что право стало инструментом господствующих классов того времени, в связи с чем, оно стало утрачивать духовную составляющую. Следствием этого становятся кризисы последующего столетия.

Революции начала XX века, а также иные тяжкие события показали недостатки юридического позитивизма. В своем стремлении к отождествлению данного направления исключительно с позитивным правом, государства столкнулись с тем, что отношения, которые закреплены доктринами естественного права, не всегда возможно урегулировать лишь правом позитивным. Возникшие сложные ситуации, как раз и доказали слабость перед ними позитивизма. Результатом стало то, что анализируемое течение не смогло достичь правопонимания, в связи с тем, что правотворчество это не только воля законодателя.

Прежде всего, задачами этой деятельности является поиск оптимальных решений, которые будут соответствовать ряду критериев: справедливости, гуманности, духовности и нравственности. Представители же юридического позитивизма связывали правотворчество лишь с деятельностью законодателя, но цель любого государства это стремление к статусу, не только процветающего, но и также правового. Для достижения данной задачи

¹ История политических и правовых учений XIX в. / Под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Приор. 1999.

необходимо выходить за рамки позитивного права, здесь невозможно игнорировать естественное право, которое как раз и помогает разобраться в определенных сложных ситуациях.

На основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод: для существования стабильного, правового государства необходимо сочетание как позитивного, так и естественного права, причем концепции доктрины, которые ставят одно выше другого могут привести к нежелательным событиям, например как юридический позитивизм не смог противостоять кризисам, поэтому для гармоничного существования современного общества всегда следует уделять отдельное внимание, как естественному, так и позитивному праву, воспринимая их, как единое целое, ведущее к справедливости, равенству, благополучию.

Благодаря исследованиям Г.В. Мальцева многие проблемы в понимании права удалось изучить и найти их решения, но, возможно, следует пытаться сформировать новое юридическое мировоззрение, для которого будет характерно соединение как эмпирических, так и метафизических начал. Кроме всего указанного можно также упомянуть о том, что не только рассматриваемая научный труд Г.В. Мальцева «Понимание права. Подходы и проблемы», но и иные его множественные работы создают обширную методологическую основу, или даже лучше сказать – базу, для дальнейшего исследования обнаруженных проблем в праве. Поэтому, даже очень трудно оценить то, насколько весомый вклад в развитие юридической науки внес Г.В. Мальцев.

Хмелевская Ирина Геннадиевна,
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – асс. А.А. Минасян
(Белгород)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ

Статья 94 Конституции Российской Федерации закрепляет, что «Федеральное Собрание – парламент Российской Федерации – является представительным и законодательным органом Российской Федерации»¹. Федеральное Собрание состоит из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы – и является законодательным органом Российской Федерации.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

Федеральное Собрание можно назвать новеллой российского государственного строительства, ведь оно появилось и было закреплено лишь в Конституции 1993 года. На становление парламента Российской Федерации в таком виде, в каком мы знаем его сейчас, повлияло множество причин, но основными из них считаются исторические и национальные особенности.

В подтверждение этого следует отметить, что развитие и трансформация парламентаризма в России имеет долгую историю. Можно сказать, что свои истоки парламентаризм берет ещё во времена правления Великих князей. Уже тогда существовал своеобразный парламент – Совет при князе. Он состоял из двух составных частей – «палат» – Вечевого собрания (вече) и Съезда князей. Земские соборы на Руси также можно расценивать как органы парламентского характера. В качестве парламента выступала и Боярская дума, которая решала ключевые вопросы управления, внешней политики, а также законодательства и суда. Затем в 1711 году Петром I был учреждён Правительствующий Сенат, утвердившийся в Российской Империи как парламент более чем на два века. Но классический европейский парламент Российская Империя обрела лишь в начале двадцатого века. Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» 1905 года совместно с Манифестом Николая II от 6 августа 1905 г. «Об учреждении Государственной Думы» заложили основы представительства от населения в парламенте. Именно эти документы учредили в Российской Империи двухпалатный парламент, просуществовавший вплоть до 1917 года.

В свою очередь, ещё один акт – Высочайший Манифест о преобразовании Государственного совета от 5 марта 1906 года – фактически закрепил за Государственным советом Российской империи статус верхней палаты парламента. Также в вышеуказанном Манифесте был определён порядок взаимодействия между двумя высшими органами государственной власти в Российской Империи – уже упомянутыми Государственным Советом и Государственной Думой. Взаимодействие двух палат парламента заключалось в том, что Государственному Совету предоставлялись в делах законодательства равные с Государственной Думой права. Ни один закон не мог быть принят без одобрения Совета и Думы. Но всё же без утверждения Императора законы, пусть даже и одобренные парламентом, своего совершения не имели. При этом на Совет, Думу и Императора была возложена обязанность совместно сохранять незыблемость коренных положений Основных Государственных Законов. И Государственный Совет, и Государственная Дума ежегодно созывались и распускались императорскими указами. Важно отметить, что одно и то же лицо не могло быть одновременно членом Государственного Совета и членом Государственной Думы. Общим

палатам предоставлялись полномочия по возбуждению предположений об отмене или изменении действующих и изданию новых законов, за исключением Основных Государственных Законов, пересмотр которых оставался только за императором. Законодательные предположения рассматривались сначала в Государственной Думе и после одобрения ею поступали в Государственный Совет. Законодательные предположения, инициатива которых исходила от Государственного Совета, рассматривались сначала непосредственно в Совете, а уже потом поступали в Думу¹.

Анализируя взаимодействие Государственного Совета и Государственной Думы, легко заметить сохранение чрезвычайно высокой роли Императора в управлении государством. Парламент того времени лишь внешне немного напоминал современный, для становления которого необходимо было пройти путь длиной в советскую Россию.

Стоит отметить, что в период между Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революциями высшим исполнительно-распорядительным и законодательным органом государственной власти в России считалось Временное правительство, которое просуществовало совсем непродолжительный отрезок времени. После II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, который произошёл 7 ноября 1917 года, высшим органом уже в РСФСР вплоть до 1937 года стал Всероссийский съезд советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Такой статус был закреплён за этим органом в Конституциях РСФСР 1918 года (статья 24)² и 1925 года (статья 3)³. Наряду с Всероссийским съездом Советов в то время существовал и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов – высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган РСФСР, который действовал в периоды между съездами. Следует отметить, что в 1918-1937 гг. Всероссийский съезд Советов и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов представляли, своего рода, специфический парламент РСФСР, но, при этом, нельзя отождествлять эти органы с двумя парламентскими палатами. Несмотря на этот факт, Всероссийский съезд Советов и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет широко взаимодействовали. Это выражалось в том,

¹ Законодательство эпохи империализма и буржуазно-демократических революций // Российское законодательство X-XX вв. М., 1994, Т. 9. С.41.

² Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

³ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

что Всероссийский Съезд Советов избирал всецело подотчетственный ему Всероссийский центральный исполнительный комитет. ВЦИК, в свою очередь, не реже двух раз в год созывал Всероссийский съезд Советов. Таким образом, невзирая на то, что высшей властью обладал Всероссийский съезд Советов, ключевую роль играл всё-таки Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, действующий на постоянной основе.

После принятия в 1937 году новой Конституции на смену Всероссийскому съезду Советов и Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету пришёл Верховный Совет РСФСР, ставший одновременно новым высшим органом власти и, по совместительству, законодательным органом РСФСР. Впервые Верховный Совет РСФСР был избран 26 июня 1938 года на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании гражданами старше 18 лет, без различия пола, религии и национальности. Согласно Конституции РСФСР 1937 года к Верховному Совету РСФСР перешли все государственные полномочия Всероссийского Съезда Советов. Верховный Совет РСФСР был однопалатным органом. В силу отрицания советской властью разделения властей, в полномочия Верховного Совета РСФСР входило осуществление всех прав, присвоенных РСФСР, не входящих в компетенцию Президиума Верховного Совета РСФСР, Совета Народных Комиссаров РСФСР и Народных Комиссариатов РСФСР. Затем это ограничение было ликвидировано статьёй 104 Конституции РСФСР 1978 года¹, и Верховный совет РСФСР был уполномочен решать абсолютно любой вопрос, отведённый к ведению РСФСР.

В 1989 году в Конституцию РСФСР была внесена существенная поправка, приблизившая «парламент» РСФСР к современному парламенту Российской Федерации: Верховный совет РСФСР был представлен двумя палатами – Советом Республики и Советом национальностей. Это в огромной степени приближало и распад СССР, и закрепление федерализма в РСФСР, так как Совет Национальностей обеспечивал специальное представительство от субъектов РСФСР (раньше такое было характерно лишь для Верховного Совета СССР).

Говоря о взаимодействии палат Верховного совета РСФСР, стоит отметить их равноправный статус, при этом вопросы государственного строительства, а также социально-экономического развития, а равно и вопросы, затрагивающие права, свободы и обязанности граждан республики рассматривал, прежде всего, Совет Республики. Совет Республики и Совет

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

Национальностей были наделены полномочием решать все вопросы, находящиеся в ведении Верховного совета.

4 октября 1993 года деятельность Верховного Совета РСФСР прекратилась в результате штурма Дома советов. Верховный Совет окончательно был упразднён в результате принятия ныне действующей Конституции Российской Федерации, принятой 12 декабря 1993 года. Так, длящееся не один век развитие парламентаризма в России привело к созданию абсолютно нового двухпалатного парламента – Федерального Собрания Российской Федерации.

На сегодняшний день парламент Российской Федерации отвечает всем требованиям современного федеративного, социального, правового государства. Палаты Федерального Собрания (Совет Федерации и Государственная Дума) активно взаимодействуют друг с другом, тем самым обеспечивая баланс представительной и законодательной власти. Это взаимодействие выражается в различных формах (процессе законотворчества, формировании высших органов государственной власти, назначении должностных лиц, проведении парламентских слушаний, совместных заседаний палат, формировании согласительных комиссий и так далее) и показывает себя как эффективный инструмент государственного строительства.

Анализируя исторический опыт учреждения парламентарных органов в России, можно с уверенностью сказать, что Федеральное Собрание в силу своей упорядоченности и «совершенности» просуществует ещё долгое время, ведь ныне действующий парламент отвечает всем реалиям современной России.

Шарутенко Анастасия Владимировна
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – асс. А.А. Минасян
(Белгород)

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ И СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На протяжении последних лет истории России наше государство придерживается системы разделения властей. С опорой на статью 10 Конституции Российской Федерации можно сказать, что государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную,

исполнительную и судебную¹. При этом органы власти самостоятельны и каждая выполняет свои функции. Так, представительным и законодательным органом Российской Федерации, как и в большинстве стран, где установлено разделение властей, является парламент. Он представлен в нашем государстве в лице Федерального Собрания.

Конституция Российской Федерации регулирует правовое положение данного органа в 5 Главе, имеющей одноимённое название. Федеральное Собрание, согласно ч. 1 ст. 95 Конституции России состоит из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы.

Ошибочным является суждение, что наличие двух палат несёт в себе превосходство одной над другой. Стоит отметить, что деление на верхнюю и нижнюю весьма условно. Конституция Российской Федерации, по мнению С. Миронова, не оставила реального правового основания для спора о том, какая палата «главней», она «обрекла» Совет Федерации и Государственную Думу на постоянное и равноправное сотрудничество. Отметим в этой связи, что Конституция России четко определила статус обеих палат парламента как составных частей единого представительного и законодательного органа – Федерального Собрания. Она установила порядок их взаимодействия в законодательном процессе, а также собственную компетенцию Совета Федерации и Государственной Думы, что не оставляет никаких шансов на пересмотр роли обеих палат российского парламента².

Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации в статьях 102 и 103 закрепляет отдельные предметы ведения и перечень полномочий, у палат имеются общие точки соприкосновения – их формы взаимодействия.

Особенности совместной работы палат урегулированы и перечнем нормативно-правовых документов. Например, Конституцией РФ, нормами регламентов Совета Федерации и Государственной Думы, постановлениями Конституционного Суда Российской Федерации, а также законодательными актами федерального уровня.

В основном, большинство правоведов выделяют три основные формы взаимодействия палат парламента России. В первую очередь, это совместные собрания палат. Конституция Российской Федерации закрепляет в ч. 3 ст. 100: «Палаты могут собираться совместно для заслушивания посланий Президента

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изм. и доп. от 30 декабря 2008 г., от 30 декабря 2008 г., от 05 февраля 2014 г., от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 1. Ст.1, Ст. 2; 2014. № 6. Ст. 548; № 14. Ст. 4202.

² Миронов С. Конституция России и задачи Совета Федерации // Российская Федерация сегодня. 2002. № 2. С. 4-6.

Российской Федерации, посланий Конституционного Суда Российской Федерации, выступлений руководителей иностранных государств».

В совместных заседаниях Совета Федерации и Государственной Думы особое место занимают послания Президента Российской Федерации, которые являются неким ориентиром органов государственной власти, при этом содержат в себе определённые предложения или целую законодательную программу. Что же касается посланий Конституционного Суда России, то к настоящему времени данное правомочие не было реализовано.

Помимо этого, мы можем заметить единство палат Федерального Собрания в законодательном процессе. Как уже отмечалось ранее, обе палаты российского парламента обладают правом законодательной инициативы (ч. 1 ст. 104 Конституции России). Законы, которые принимает Государственная Дума, подлежат рассмотрению в Совете Федерации. В случае отклонения данного закона палаты вправе создать согласительную комиссию, дабы преодолеть все возникшие спорные моменты. Подобная комиссия создается по инициативе обеих палат. Таким образом, создаётся дополнительная почва для контактов обеих палат парламента.

Ещё одним основанием взаимодействия палат парламента служит процедура повторного рассмотрения федерального закона, отклоненного Президентом и одобренного Государственной Думой в порядке ч. 3 ст. 107 Конституции, или же, например, принятие федеральных конституционных законов, а также рассмотрение и принятие законов о поправке к Конституции страны. Таким образом, мы видим единство в двухпалатном парламенте, оно достигается благодаря тому, что обе палаты осуществляют законодательные функции, и принимаемый парламентом закон становится результатом их согласованной воли. При этом каждая из палат обладает индивидуальными законотворческими прерогативами.

Достаточно много имеется регламентных норм палат, регулирующих совместную работу палат в нормотворческой сфере. К таковым относятся, например, направление Председателем Совета Федерации проектов федеральных конституционных законов, федеральных законов, одобренных Государственной Думой, в комитеты Совета Федерации¹, а также подготовка заключений комитетов Совета Федерации по одобренным Государственной Думой проектам законов РФ о поправках к Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов по профилю

¹ Постановление от 30 января 2002 Г. № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» п.«к» ч.1 ст.18 // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»/ / (дата обращения: 6.04.2018).

соответствующего комитета. Их перечень очень большой и содержится в Регламенте Совета Федерации¹ и в Регламенте Государственной Думы².

Помимо законодательной сферы, одной из форм взаимодействия является формирование Центральной избирательной комиссии. Она состоит из 15 членов: 5 членов назначаются Государственной Думой Федерального Собрания из числа кандидатур, предлагаемых депутатами Государственной Думы и депутатскими объединениями в Государственной Думе, 5 членов назначаются Советом Федерации Федерального Собрания из числа кандидатур, предлагаемых законодательными и исполнительными органами государственной власти субъектов, и оставшиеся 5 членов назначаются Президентом (глава 27 Регламента Совета Федерации, глава 24 Регламента Государственной Думы).

Не без внимания остаётся и финансовая часть работ. Для осуществления контроля за исполнением федерального бюджета Совет Федерации и Государственная Дума образуют Счетную палату (ст. 102, 103 Конституции России).

Ещё одной формой взаимодействия является присутствие депутатов одной палаты на заседаниях другой в ходе проведения парламентских слушаний. Закрепляется это положение в ст. 32 п.7 Регламента Совета Федерации, где указывается, что комитет или комиссия палаты, организующая слушания, вправе пригласить депутатов Государственной Думы. Аналогичной позиции придерживается и Регламент Государственной Думы в п.1 ст. 36, что члены Совета Федерации могут присутствовать на любом открытом заседании Государственной Думы.

Подводя итог рассмотрению некоторых форм взаимодействия палат федерального парламента, отметим, что его двухпалатная структура даёт эффективное разрешение всевозможных разногласий между социальными группами населения. Федеральное Собрание, являясь представителем народа, предоставляет возможность нахождения компромисса, взаимодействуя с властью, и не прибегая к внепарламентской оппозиции.

Таким образом, рассмотренный нами перечень форм взаимодействия палат Федерального Собрания, обращает внимание на то, что в действующей Конституции Российской Федерации принцип разделения властей реализован

¹ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 30 января 2002 № 33-СФ (ред. от 10.02.2016) «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 7. Ст. 635.

² Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 № 2134-II ГД (ред. от 24.06.2016) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801.

значительно более последовательно и полно, образуя слаженную работу палат при взаимодействии, но и обеспечение системы сдержек и противовесов благодаря индивидуальной компетенции каждой палаты.

Шляхова Владислава Александровна
студентка Юридического института НИУ «БелГУ»
Научный руководитель – асс. А.А. Минасян
(Белгород)

ПРАВО И МОРАЛЬ: ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Право и мораль играют существенную роль в формировании духовного мира личности, ее культуры, сознания и жизненной позиции. Они являются важнейшими социальными регуляторами, которые включены в систему общественных отношений и оказывают влияние на их развитие и модернизацию. Право и мораль тесно взаимодействуют друг с другом, что детерминировано их единой сферой общественных отношений. Тему права и морали затрагивал выдающийся научный деятель Г.В. Мальцев в своем труде «Нравственные основания права»¹.

Право берет свое начало еще в социальных нормах догосударственной организации. Оно сформировалось из обычаев и запретов. Унифицированного подхода к интерпретации термина «право» среди ученых в правовой доктрине не сложилось. Так, Лазарев В.В. определяет право как «совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом»². Пиголкин А.С. понимает право как «систему общеобязательных норм, признанных либо установленных и охраняемых государством»³. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона дается следующее определение права: «право есть совокупность правил (норм), определяющих обязательные взаимные отношения людей в обществе; это определение права указывает лишь общие очертания его содержания, между тем вопрос о существовании права, его происхождении и основах до сих пор остается одной из нерешенных в науке проблем»⁴. Таким образом, исходя из толкования вышеприведенных формулировок понятия права, можно сделать вывод о том,

¹ Мальцев Г.В. Нравственные основания права – М; 2008. 552 с.

² Лазарев В.В. Общая теория права и государства – М.: Юрист, 1994. С. 29.

³ Пиголкин А.С. Теория государства и права. – М; 2006. С. 78.

⁴ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона – СПб; 1907. 86 т.

что, зачастую, теоретики рассматривают его в качестве совокупности общеобязательных правил или норм поведения.

Сущность права заключается в том, что оно призвано гарантировать свободу в обществе, устанавливать справедливость, создавать благоприятные условия для того, чтобы в обществе развивались духовные и экономические начала, при этом исключать беззаконие и произвол в общественной жизни. Право призвано стабилизировать и умиротворять. Как раз в этом и заключена одна из важнейших сторон правового регулирования. Право воздействует на общественные отношения с помощью регулятивной и охранительной функций. Регулятивная функция, в свою очередь, подразделяется на статистическую и динамическую. Статистическая регулятивная функция права заключается в фиксации, закреплении общественных отношений в статике. Например, закрепляются права и обязанности граждан, структура государственных органов, круг субъектов права, их правоспособность.

Динамическая регулятивная функция ориентирована на динамику общественных отношений в форме каких-либо правоотношений. В данном случае устанавливается порядок возникновения, изменения и прекращения правоотношений. Эта функция выражается в системе норм, например, трудового, обязательственного права и др.

Охранительная же функция права направлена на «сохранение» отношений, регулируемых правом; признанных обществом основополагающих ценностей, таких как жизнь, честь, достоинство, свобода личности и др. В пределах этой функции установлена юридическая ответственность за действия, которые посягают на вышеуказанные ценности, а также иные охранительные и предупредительные меры.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что право – это система общеобязательных, формально определенных норм, установленных и обеспечиваемых государством, в которых отражены существующие в обществе общественные отношения и интересы субъектов и которые регулируют поведение людей. Право призвано служить обществу, государству и обеспечивать их нормальное функционирование.

Мораль – это правила поведения, которые установлены обществом на основе представлений о добре и зле, о хорошем и плохом, правильном и неправильном, а также совокупность норм поведения, которые следуют из этих представлений. В словаре Ожегова мораль толкуется как «нравственные нормы поведения, отношения с людьми, а также сама нравственность»¹. Соблюдение требований морали обеспечивается внутренними убеждениями,

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. –М; 1992. 988с.

совестью человека, общественным мнением и т.д. Мораль и обычаи регулировали взаимоотношения между людьми еще в первобытном обществе. Она является продуктом исторического развития человечества. Моральные нормы и принципы в основном определяются социально-экономическими условиями жизни общества. В развитии человечества наблюдается нравственный прогресс и рост нравственной культуры. Принципы морали – это основные начала, первоначальные требования, которые охватывают личную и общественную жизнь человека. Они детализируются в виде норм, которые регулируют поведение людей в конкретных жизненных ситуациях. Нормы морали становятся основой нравственного поведения человека тогда, когда они закрепляются в его понимании, соединяются с его чувствами и перерастают в его убеждения.

Право и мораль имеют социальный характер. С помощью норм права и морали регулируются отношения между людьми, а также между человеком и обществом. Мораль и право имеют общие сферы распространения и регулирования, но сфера воздействия морали на общественные отношения гораздо шире, нежели сфера распространения права. Нормы права не могут проникать во все сферы общества. Межличностные отношения могут регулироваться нормами морали, но не нормами права.

Основываясь на вышеприведенных доктринальных источниках, можно выявить общие черты, свойственные праву и морали:

- выступают универсальными регуляторами поведения людей, они могут проникать в различные сферы жизни;
- имеют комплексную сложную структуру, они являются многомерными;
- действуют в единой сфере общественных отношений, у них один предмет регулирования, они адресованы одним и тем же людям;
- направлены на реализацию единой цели, которая заключается в регулировании поведения людей, поддержании порядка, согласовании интересов человека и общества, упорядочению общественной жизни, развитию и обогащении личности, защите прав человека, утверждении идеалов гуманизма и справедливости;
- являются фундаментальными ценностями, показателями социального и культурного прогресса общества;
- право обязывает нас соблюдать законы, мораль гласит то же самое;

Право и мораль являются, прежде всего, интегрированными элементами, тесно взаимодействующими друг с другом. Мораль всегда выступает в роли «правозащитника», осуждающего совершение правонарушений и тем более преступлений.

Гегель говорил: «Мораль требует, чтобы прежде всего было соблюдено право, и, лишь после того как оно исчерпано, вступают в действие нравственные определения».¹ Как правило, любое противоправное деяние осуждается как правом, так и моралью. Право предписывает нас соблюдать законы, мораль способствует ему в этом и требует от нас того же. Взаимодействие права и морали нередко наблюдается в идентичности требований, которые они предъявляют к человеку. Право и мораль способствуют достижению общих целей, используя при этом свойственные им методы и способы воздействия на человека и общество. Право и мораль иногда даже сотрудничают и в отправлении правосудия, и в деятельности органов правопорядка, и в сфере юстиции. Это выражается в том, что фактические обстоятельства дела могут оцениваться с точки зрения юридических и нравственных критериев. Правовые нормы должны в какой-то степени основываться на морали и охранять нравственные устои общества. Для того чтобы правовые нормы действовали более эффективно, они не должны противоречить моральным ценностям общества. В некоторых случаях, право может способствовать тому, чтобы избавиться от устаревших норм морали. Например, кровная месть, которая являлась одним из постулатов морали прошлых лет, была преодолена именно благодаря праву. В то же время, многие правовые нормы закрепляют в законе нормы морали и нравственности и подкрепляют их юридической ответственностью.

Таким образом, право и мораль тесно взаимосвязаны между собой, имеют общие черты и особенности, способствуют упорядочению общественных отношений и нормальному функционированию государства.

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юристъ, 2004. – 512 с.

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 0 лет.

Подписано в печать 04.05.2018 г.
бумага офсетная. Усл. печ. листов 13,2
тираж 100 экз. Заказ 969

Отпечатано в типографии ООО «ГиК»,
г. Белгород, ул. Калинина, 38-А,
тел. (4722) 58-71-25

www.gikprint.ru

girichev69@mail.ru

Св-во 001071155 от 13.04.2005г.